

Des Kriegsgefangenen

Personalkarte I: Personelle Angaben

Stalag 338

Beschreibung der Erkennungsmarke: Nr. 40073/31

Lager: Lamsdorf O/S.

Georgien-Georgien: Rüsse Dön Kosak

Vorname: Ivan

Dienstgrad: Soldat

Geburtsort: 29.8.1899 Stalingrad

Truppenteil: 345 Reg

Religion: Orthodox

Berufs-Gr.: Landarb.

Vorname des Vaters: Alexander

Matrikel Nr. (Stammrolle des Heimatstaates): 8.4.42 N. Bel

Familienname der Mutter: Krasnowa

Gefangennahme (Ort und Datum): 8.4.42 N. Bel

Ob gesund, krank, verwundet eingeliefert:

Größe	5
167	Sc
Fingerabdr.	des rechten! Ze

gestorben am 28. Juli 1944

Умер

г. н. н. н. н. н.

СОВЕТСКИЕ ВОЕННОПЛЕННЫЕ ВО ВРЕМЯ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ НА ПОЛЬСКИХ ЗЕМЛЯХ

Научный редактор
Якуб Войтковяк

Всего страниц: 49

CENTRUM
POLSKO-ROSYJSKIEGO
DIALOGU I POROZUMIENIA

ИСТОРИЧЕСКАЯ
КНИГА

ЦЕНТР ПОЛЬСКО-РОССИЙСКОГО
ДИАЛОГА И СОГЛАСИЯ

ПОСОЛЬСТВО РЕСПУБЛИКИ ПОЛЬША
В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

СОВЕТСКИЕ ВОЕННОПЛЕННЫЕ ВО ВРЕМЯ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ НА ПОЛЬСКИХ ЗЕМЛЯХ

Научный редактор
Якуб Войтковяк

Перевод
М. А. Крисань

Научный консультант
и вступительное слово
В. А. Невежин

Санкт-Петербург
АЛЕТЕЙЯ

УДК 94(47).084.8
ББК 63.3(2)62
С 561

*Издание осуществлено при финансовой поддержке
Посольства Республики Польша
в Российской Федерации (г. Москва)*

С 561 Советские военнопленные во время Второй мировой войны на польских землях: сб. ст. / науч. ред. Я. Войтковяк; пер. М. А. Крисань; науч. конс. В. А. Невежин. – СПб.: Алетейя, 2018. – 196 с.

ISBN 978-5-906980-42-7

С июня 1941 года до конца Второй мировой войны в немецкий плен попало, по разным оценкам, от 4,5 до 5,7 миллионов советских военных. Их судьба остается одним из трагических сюжетов, который все еще ждет места в памяти европейцев. Советские военнопленные после евреев были второй по численности группой, которая подлежала обязательному массовому уничтожению. Они умирали от голода, холода и болезней в сотнях лагерей в Третьем рейхе и на оккупированных территориях. По крайней мере, 1,5 миллиона погибло на землях нынешней Польши. Бежавшие из плена участвовали в Сопротивлении польского подполья, составили первую по численности группу иностранцев, участвовавших в Варшавском восстании, или вступали в советские партизанские отряды. Однако часть военнопленных, перейдя на немецкую службу, усмиряла восстания и служила в концлагерях. Собранные в книге материалы польских историков имеют своей целью познакомить читателей с этой сложной проблематикой.

*Мнения и взгляды, содержащиеся в предисловии,
являются исключительно собственными взглядами его автора
и не обязательно отражают мнение Посольства.*

**УДК 94(47).084.8
ББК 63.3(2)62**

ISBN 978-5-906980-42-7

© М. А. Крисань, перевод, 2017
© Центр польско-русского диалога
и согласия, 2017
© Издательство «Алетейя» (СПб.), 2017

Предисловие

Вниманию российских исследователей и всех тех, кто интересуется событиями Второй мировой войны, предлагается сборник статей исследователей из Польши, посвященных различным аспектам истории немецких лагерей для советских военнопленных на польских землях.

Современная польская историография истории Второй мировой войны, несомненно, вносит большой вклад в изучение событий и явлений этого грандиозного вооруженного противоборства, в том числе – в исследование проблематики, касающейся трагедии советских военнопленных, оказавшихся узниками немецких концлагерей.

В то же время труды польских ученых отличаются определенной спецификой в оценке взаимоотношений СССР и Польши периода Второй мировой войны.

Во-первых, они декларируют отказ от тех подходов, которые преобладали во времена существования ПНР в анализе советско-польских отношений военного периода. Забвение реалий недавнего *совместного* прошлого объясняется идеологическими причинами и исторической политикой: нынешним неприятием проводившегося в свое время курса на дружбу с СССР.

Во-вторых, с конца 1980-х гг., после установления в Польше нового политического строя, стали заполняться некоторые лакуны в изучении событий Второй мировой войны. В центре внимания историков оказались деятельность Лондонского правительства в изгнании, Польского подпольного государства, Армии Крайовой, самой крупной военной организации польского подполья. Это вполне закономерно, поскольку названные темы по идеологическим причинам не рассматривались в период существования ПНР.

В-третьих, совершенно иначе, чем в российской историографии, трактуются современными польскими историками события, последовавшие после похода Красной армии в Западную Белоруссию и в Западную Украину (сентябрь-октябрь 1939 г.). Названные территории, приобретенные Польшей по итогам войны с Советской Россией 1920 г., были в результате этого похода воссоединены с СССР. Период их советизации (1939–1941 гг.) в польской историографии назван оккупацией. Соответственно, политика Москвы в бывших Восточных кресах в обозначенный период характеризуется как оккупационная. Понятно, что подобного рода интерпретации (их разделяют и те авторы, статьи которых представлены

в предлагаемом сборнике) идут вразрез с взглядами большинства российских историков¹.

Проблематика статей, публикуемых в нем, отличается разнообразием. Условно можно разделить эти публикации на пять тематических разделов.

Якуб Войтковяк и Гжегож Мотыка представили обзоры общего состояния историографии вопроса о советских военнопленных на польской территории в период Второй мировой войны. Якуб Войтковяк остановился на обстоятельствах возникновения этой темы в послесталинский период, дал краткую характеристику состояния ее изучения российскими, украинскими и белорусскими исследователями с акцентом на остающиеся не изученные сюжеты. Гжегож Мотыка подробно осветил степень изученности проблемы советских военнопленных периода Второй мировой войны историками ПНР и современной Польши, также указав на спорные и болезненные вопросы, все еще остающиеся не разрешенными в рамках ее разработки.

Следует отметить, что представление о степени изученности различных сюжетов, связанных с проблематикой данного сборника, можно обнаружить и в работах других польских авторов, включенных в него.

Трагедия плена на примере функционирования отдельных немецких лагерей смерти (созданных в Гданьском Поморье, Куявии, Ламсдорфе, Хелме) рассматривается в статьях Яна Данилюка, Ренаты Кобыляж-Булы, Анджея Рыбака.

Адам Пулавский исследовал вопрос об отношении руководства Польского подпольного государства к советским военнопленным, а Анждей Хмеляж осветил сюжет об участии их в вооруженных формированиях Армии Крайовой.

Роберт Кувалек затронул сложную и неоднозначно трактуемую тему о мотивах сознательного перехода части бывших советских военнопленных на службу к врагу (коллорабации) на примере подразделения Вахманшафт СС учебного лагеря СС.

Столь же непростой с точки зрения интерпретации сюжет о специфике отношения к пленным военнослужащим Красной армии со стороны польского гражданского населения и общественных организаций осветили Лешек Горыцкий и Беата Сивек-Чюпек.

Польские авторы, представленные в сборнике, хорошо представляют себе как общее состояние историографии проблемы, так и осознают вклад своих предшественников в изучение избранных ими конкретных тем. Предложенные статьи основательно фундированы: использованы источники личного характера (мемуары, воспоминания, интервью, дневники), материалы делопроизводства государственных учреждений и следственных органов, периодическая печать.

¹ См., напр.: Мельтюхов М. И. Упущенный шанс Сталина: схватка за Европу, 1939–1941 гг.: (документы, факты, суждения). М., 2008; он же. 17 сентября 1939. Советско-польские конфликты 1918–1939. М., 2009.

Особо следует отметить широту и разнообразие привлеченных ранее не публиковавшихся документов, составивших большую часть источниковой базы. Впервые введены в научный оборот материалы, выявленные в архивах и музеях Польши (Archiwum Akt Nowych; Archiwum Centralnego Muzeum Jeńców Wojennych w Łambinowicach-Opolu; Archiwum Instytutu Pamięci Narodowej; Archiwum Instytutu Pamięci Narodowej w Kielcach; Archiwum Instytutu Pamięci Narodowej w Lublinie; Archiwum Instytutu Pamięci Narodowej w Warszawie; Archiwum Wojskowego Biura Badań Historycznych; Archiwum Żydowskiego Instytutu Historycznego; Centralne Archiwum Komitetu Centralnego Polskiej Zjednoczonej Partii Robotniczej; Archiwum Państwowe w Lublinie Oddział w Chełmie; Archiwum Zarządu Oddziału Związku Nauczycielstwa Polskiego w Chełmie; Archiwum Instytutu i Muzeum im. Generała Sikorskiego; Archiwum Muzeum Chełmskiego; Archiwum Państwowego Muzeum na Majdanku; Muzeum Pojezierza Łęczyńsko-Włodawskiego we Włodawie), Германии (Bundesarchiv Ludwigsburg; Bundesarchiv-Militärarchiv Freiburg i Breisgau; Politisches Archiv des Auswärtigen Amtes; Staatsarchiv München), России (Архив Федеральной службы безопасности РФ, Архив Министерства обороны РФ), США (Архив Гуверовского Института войны, революции и мира), Швейцарии (Archives historiques du CICR (ACICR)) и Израиля (Instytut Yad Vashem). Все авторы активно использовали различные информационные ресурсы библиотек и Интернет-сайты, преимущественно содержащие справочные материалы биографического характера.

В 1941–1945 гг. на территории Польши (в современных ее границах) немцы имели около 80-ти лагерей для советских военнопленных (эта цифра приведена в статье Гжегожа Мотыки). Строительство некоторых из них началось еще до нападения Германии на СССР.

После фильтрации взятые в плен представители командного состава Красной армии направлялись в офлаги, а рядовые красноармейцы – в шталаги (последние делились на основные лагеря и подчиняющиеся им филиалы, отделения). Согласно сведениям, приводимым российскими исследователями, в боях и сражениях за Польшу в 1944–1945 гг. потери Красной армии составили около 500 тыс. чел. За весь период Великой Отечественной войны свыше 800 тыс. советских военнопленных погибли в нацистских концентрационных лагерях, расположенных на ее территории¹.

Ссылаясь на подсчеты польских историков, Гжегож Мотыка, привел следующие цифры: от 484 тыс. до 800 тыс. узников немецких лагерей, солдат и офицеров Красной армии, были умерщвлены в них.

¹ Дембицкий Н. П. Плен – трагедия миллионов советских бойцов и командиров, 1941–1945 гг. М., 2010. Табл. 3. С. 133; Польша в XX веке. Очерки политической истории. М., 2012. С. 464–465.

Такие непомерные людские жертвы были понесены в результате жесточайшей нацистской политики физического истребления советских военнопленных, которых Гитлер и идеология Третьего рейха относили к «недочеловекам». Конкретные сведения о том, как эта чудовищная политика применялась на деле, приводятся с опорой на солидную источниковую базу практически во всех статьях, публикуемых в предлагаемом издании. Составными частями этого «забытого геноцида» (по выражению Якуба Войтковяка) являлись: лишение немцами узников концлагерей для военнопленных элементарных условий существования (огромная скученность, антисанитария, принудительный голод, непосильный труд, что приводило к истощению, повальным болезням и огромной смертности), а также массовые экзекуции и бессудные казни. Одним из показателей того запредельного бедственного состояния, до которого доводили узников немецких лагерей, были проявления каннибализма (см., напр., сведения на сей счет, содержащиеся в статьях Анджея Рыбака и Адама Пулавского).

Ян Данилюк ставил целью систематизировать информацию о способах транспортировки в немецкие лагеря, общем количестве советских военнопленных в регионе, о методах использования их на принудительных работах в Третьем рейхе. Для ее реализации исследователь использовал обширные статистические материалы, преимущественно архивные.

Трудно не согласиться с Гжегожем Мотыкой, который отмечал в своей статье следующее. Одной из важных отличительных особенностей польской исторической литературы является общая убежденность ученых в том, что красноармейцы, взятые в плен немцами в 1941–1942 гг., подвергались ими целенаправленному уничтожению.

Исключение составляли те из военнопленных, кто сознательно согласился сотрудничать с немцами. Об этом повествуется в статье Роберта Кувалека.

Более сложные ассоциации вызывают затронутые в сборнике вопросы, которые касаются позиции Лондонского правительства, руководства польского подполья, командования Армии Крайовой по отношению к советским военнопленным. В связи с изучением данной проблематики возникла новая парадигма, обусловленные «сменой идеологических вех» после прекращения существования ПНР.

Так, Гжегож Мотыка констатировал, что в польской историографии существует реальное признание германского геноцида против советских военнопленных, как одной из самых больших трагедий, произошедших на польской территории в период Второй мировой войны. Однако тема отношения польского подполья к тем из них, кому удалось бежать из немецкого плена, в современных условиях оказалась в Польше «нежелательной». Она, разъяснял исследователь, напрямую ассоциируется с периодом «зависимости от СССР» и пропагандированной в ПНР официальной польско-советской дружбы. Данное обстоятель-

ство, по мнению Гжегожа Мотыки, просто отбивает у польских историков охоту к проведению серьезной исследовательской работы в этом направлении.

В то же время он отмечал следующую тенденцию. В работах некоторых польских историков деятельность различных соединений, состоявших из бывших советских военнопленных, относится к проявлениям бандитизма. Сам Гжегож Мотыка не исключает возможного жестокого обращения беглецов по отношению к гражданскому населению, однако представление всех бежавших из плена красноармейцев как обычных бандитов является, по его словам, огромным упрощением. Подобная позиция, уточнял исследователь, наблюдается особенно у польских авторов, не скрывающих своих симпатий к эндеции – национальным демократам. Последние крайне негативно относились к проблеме бежавших из плена советских военнопленных.

Иллюстрацией наличия разных подходов к теме могут служить мнения, высказанные Якубом Войтковяком, Адамом Пулавским и Анджеем Хмеляжем.

На взгляд Якуба Войтковяка, советские партизаны из числа бежавших из немецкого плена правильно воспринимались польским подпольем как форпост коммунизма и орудие политики Сталина, стремившегося включить в состав СССР те территории, которые большая часть польского общества считала принадлежащими Польше.

С подобными утверждениями вряд ли можно согласиться. Например, Якуб Войтковяк констатировал, ссылаясь на приказ Ставки Верховного Главного Командования Красной армии от 16 августа 1941 г.: И. В. Сталин называл попавших в плен солдат и офицеров Красной армии трусами и предателями. Помимо этого, как отмечал Якуб Войтковяк, на Ялтинской конференции Сталин получил от своих союзников согласие на принудительную репатриацию в СССР всех советских граждан, которые оказались на территории, занятой западными союзниками. В очередной раз они были заклеены как трусы, которым не хватило смелости погибнуть с оружием в руках.

Как представляется, подобного рода суждения явно не состыкуются с утверждениями о том, что бежавшие из немецкого плена красноармейцы являлись еще до вступления Красной армии на территорию этнической Польши «форпостом коммунизма и орудием политики Сталина» на польских землях.

Заслуживает внимания в данной связи интерпретация темы Адамом Пулавским. В своей статье он мастерски препарировал сведения, почерпнутые из такого требующего особого критического анализа источника, как периодические издания Лондонского правительства и вооруженных формирований Подпольного польского государства 1941–1944 г., сделал тонкие и знаменательные наблюдения. Используя данный источник в совокупности с другими (разведданные, инструкции, протоколы заседаний, информационные материалы), Адам

Пулавский проследил эволюцию отношения Польского подпольного государства к советским военнопленным, которая, по его мнению, являлась следствием взаимовлияния различных политических факторов. Первоначально небывалая жестокость по отношению к пленным, которая господствовала в немецких лагерях, вызывала естественное сострадание со стороны польского подполья. Однако, в конечном счете, когда бежавшие из немецких лагерей советские военнопленные стали вливаться в состав партизанского движения, действовавшего на польской территории, вопрос об их судьбе отошел на второй план. ППГ видело в этом движении не просто проблему, но и прямую угрозу своим политическим интересам, связанным с будущим устройством Польши.

Любопытное замечание сделал по данному поводу в заключении своей статьи Гжегож Мотыка. Он выразил сожаление, что некоторые польские историки, склонные к отображению на основании документации ППГ негативного образа советских партизан, не видят разницы между бежавшими из нацистских лагерей «изголодавшимися людьми, ищущими спасения» и действовавшими в германском тылу кадровыми отрядами, создававшими «основы для будущего господства коммунизма». Гжегож Мотыка, по его собственному утверждению, подобное отличие вполне осознает.

Несомненной новизной отличается статья Анджея Хмеляжа. В ней, в частности, приводится количество бывших советских военнопленных, служивших в польских Крестьянских батальонах (около 700 чел.). Это составляло свыше 20% от общего числа солдат этого вооруженного формирования, входивших в спецотряды и партизанские отряды. Историк также привел ранее не известные сведения об отдельных участниках Варшавского восстания 1944 г., бывших советских военнопленных, примкнувших к Армии Крайовой. Практически все они пали в боях против немцев.

Лешек Горыцкий, который задался вопросом о специфике отношения польского гражданского населения к советским военнопленным, содержавшимся в немецких лагерях, пришел к следующим знаменательным выводам. Несмотря на антисоветскую пропаганду 1920-1930-х гг., формировавшую образ врага в лице Советской России и Красной армии, поляки, гражданские лица, которые непосредственно сталкивались с военнопленными, в большинстве своем не оставались равнодушными при виде их бесконечных страданий. Несмотря на угрозу кары со стороны германских оккупационных властей, они старались оказать узникам возможную помощь. С одной стороны, это было чрезвычайным явлением, поскольку советские военнопленные были для поляков, учитывая преобладавшие этнические, политические и культурные стереотипы, чужими. С другой стороны, человеческое отношение и помощь, оказанная узникам в столь трагических обстоятельствах польскими семьями и отдельными поляками, вызывали чувство благодарности со стороны военнопленных, что, как пока-

зал Лешек Горыцкий, находило свое проявление как во время войны, так и по ее окончании.

Беата Сивек-Чюпак раскрыла вопрос о деятельности общественных организаций (Высший опекунский совет, Польский Красный Крест), которые в трудных условиях немецкой оккупации предпринимали попытки оказания содействия советским узникам, заключенным концлагерей на территории Польши.

В целом, статьи, помещенные в настоящем издании, написаны с учетом достижений предшественников, основаны на солидной источниковой базе и все-сторонне освещают избранную проблему. Польские ученые также сформулировали остающиеся не исследованными вопросы трагической истории советских военнопленных на польской территории в период Второй мировой войны. Их публикации отличаются несомненной новизной и имеют особую актуальность.

Доктор исторических наук В. А. НЕВЕЖИН

Якуб Войтковяк

ЖЕРТВЫ ЗАБЫТОГО ГЕНОЦИДА

Вторая мировая война вписана в историю человечества как одна из наиболее трагичных ее страниц. По сей день продолжает вызывать ужас тот факт, что это вооруженное противоборство привело к миллионам жертв как среди военных, так и среди гражданского населения. Вторая мировая война вошла в историю также беспрецедентным количеством преступлений, совершенных, прежде всего, немцами и их союзниками. Однако, если уничтожение во время войны оказавшихся на территории, контролируемой Третьим рейхом, большинства европейских евреев прочно утвердилось в исторической памяти, по крайней мере, европейцев, – довольно сложно сегодня найти в Старом Свете мало-мальски образованного человека, не слышавшего об этом чудовищном преступлении и не знающего о Холокосте, – то геенна огненная для миллионов советских военнопленных, попавших в немецкий плен, прежде всего, в первые месяцы после начала военных действий на восточном фронте^{1*}, остается той частью истории Второй мировой войны, о которой еще нет полного представления в историографии, и ей лишь предстоит занять должное место в исторической памяти Европы и европейцев.

Советские военнопленные оказались в количественном плане второй после евреев группой, сознательно массово истреблявшейся во время войны. Причины забвения и даже определенного пренебрежения к судьбе этих людей немало. С целью уничтожения советских военнопленных не создавались огромные «фабрики смерти», какими являлись лагеря Бжезинка, Треблинка, Собибор или Белжец, в которых за короткое время были убиты сотни тысяч евреев.

Не было придумано особых способов и средств умерщвления военнопленных – таких как мобильные газовые камеры или газ «Циклон Б» в камерах Биркенау (хотя советские военнопленные оказались среди первых жертв экспериментов по проведению умерщвления таким образом). Немцы не провели массовых убийств советских военнопленных, подобных киевскому расстрелу евреев в

^{1*} Здесь и далее под восточным фронтом имеются в виду боевые действия к востоку от Варшавы после вторжения нацистской Германии в СССР. *Прим. пер.*

Бабьем Яре. Хотя советские военнопленные поднимали мятежи в лагерях, ни одно из их выступлений не было столь эффективным, как восстание в Варшавском гетто. Как правило, гибель советских военнопленных была не столь заметной: они умирали от голода, холода и болезней, от немецких пуль в сотнях лагерей для военнопленных и их отделений, разбросанных по огромной оккупированной территории и Третьему рейху. Мало кто отдает себе отчет в том, что все эти лагеря, как пишет Тимоти Снайдер, «были созданы с целью оборвать жизнь»¹.

Трагедия советских военнопленных практически отсутствует в массовом сознании, прежде всего, потому, что долгое время никто должным образом не вспоминал о военнопленных и их судьбе. Долгие годы для виновников преступления, немцев, обличенных в развязывании войны и гибели евреев, эта тема не была удобной и вызывающей интерес. Лагеря для военнопленных находились в ведении немецких вооруженных сил, вермахта, и это его солдаты по большей части ответственны за гибель красноармейцев. Вместе с тем, в послевоенный период одним из важных основополагающих элементов нового немецкого сознания, своего рода аутотерапией, должно было стать якобы рыцарское поведение вооруженных сил, в отличие от позиции сотрудников СС. Неудивительно, что тема советских военнопленных не пользовалась особой популярностью в германской историографии. Правда, со временем немецкие историки обратились к ней и достигли в этой области несомненного успеха. Стоит также добавить, что вплоть до краха СССР только на Западе имелаась возможность досконально и объективно представлять позицию этих советских граждан, в том числе – офицеров и солдат Красной армии, которые решились на активное сотрудничество с немецкими захватчиками, а также проследить их трагические судьбы после принудительной репатриации.

Совершенно иначе эта проблема выглядела в Советском Союзе, где первоначально она не изучалась совсем. И.В. Сталин назвал попавших в плен солдат и офицеров Красной армии трусами и предателями. В приказе Ставки Верховного Главного Командования от 16 августа 1941 г., в частности, говорится: «Командиров и политработников, во время боя срывающих с себя знаки различия и дезертирующих в тыл или сдающихся в плен врагу, считать злостными дезертирами, семьи которых подлежат аресту как семьи нарушивших присягу и предавших свою Родину дезертиров. [...] Обязать каждого военнослужащего, независимо от его служебного положения, потребовать от вышестоящего начальника, если часть его находится в окружении, драться до последней возможности, чтобы пробиться к своим, и если такой начальник или часть красноармейцев вместо организации отпора врагу предпочтут сдать ему в плен – уничтожать их всеми

¹ Snyder T. Skrwawione ziemie. Europa między Hitlerem a Stalinem, Warszawa, 2011. S. 199. Издание на англ. яз. см: *Idem*. Bloodlands: Europe Between Hitler and Stalin. Basic Books / Random House, 2010.

средствами, как наземными, так и воздушными, а семьи сдавшихся в плен красноармейцев лишать государственного пособия и помощи»¹.

Массовость явления привела к отказу от столь радикальных средств: только с конца 1941 г. в немецком плену (а также в плену у союзников Третьего рейха, главным образом – у румын и финнов) оказалось как минимум 3 млн солдат и офицеров Красной армии. Репрессии в отношении их семей могли парализовать страну, которой нужно было собрать все силы, чтобы не понести окончательного поражения. Среди военнопленных оказался к тому же старший сын самого диктатора – капитан Яков Иосифович Джугашвили², и в таком случае, исходя из логики, Сталин должен был наказать самого себя. Кроме того, Германия, не оценив того, что массовое дезертирство советских граждан в форме Красной армии было, по крайней мере, в некоторых случаях, выражением сопротивления коммунистическому режиму, а также рассчитывая на неизбежный крах, не решилась по идеологическим причинам поднять лозунг возрождения России и массово использовать военнопленных в качестве союзников в борьбе со Сталиным и его системой. Даже когда в апреле 1942 г. в немецком плену оказался один из бесспорных героев битвы за Москву генерал-лейтенант А. А. Власов, возглавивший Русское освободительное движение, его деятельность не получила широкой поддержки высшего руководства Третьего рейха, в т.ч. прежде всего А. Гитлера, – власовцы попали на фронт лишь в 1945 г. под Костричным [в наст. время Костшин], когда Красная армия уже была на Одере у ворот немецкой столицы.

Сталин, конечно, о военнопленных не забыл, и, прежде всего, помнил о том, что часть их пошла на сотрудничество с врагом. На Ялтинской конференции он получил от своих союзников согласие на принудительную репатриацию в СССР всех советских граждан, которые оказались на территории, занятой западными союзниками. Выжившие военнопленные, даже те из них, кто охотно возвращался на родину, проходили через унижительную процедуру проверки их поведения в немецком плену, сменяя лагеря для военнопленных на спецлагеря НКВД^{3**}, где они подвергались унижительным допросам⁴, и в случае дока-

¹ Приказ Ставки Верховного Главнокомандования Красной армии «О случаях трусости и сдачи в плен и мерах по пресечению таких действий» от 16 августа 1941 г. // 1941 год: в 2 кн. Сост. Л. Е. Решин и др. Под ред. В. П. Наумова. Кн. 2. М., 1998 («Россия. XX век. Документы»). Под. ред. акад. А. Н. Яковлева). Док. № 639. С. 478.

² Сын Сталина в начале войны был в звании старшего лейтенанта. В связи с тем, что в июле 1941 г. он был представлен к правительственной награде – Орденом Красного Знамени (Центральный архив Министерства обороны Российской Федерации (ЦАМО РФ). Ф. 33. Оп. 682523. Д. 10. Л. 6), возможно, он был повышен в воинском звании до капитана.

^{3**} С 1945 г. проверочно-фильтрационные лагеря НКВД СССР. *Прим. пер.*

⁴ Ср., например, воспоминания бывшего начальника Разведывательного отдела 6-й армии Киевского особого военного округа майора Василия Новобранца: Новобранец В. А. Записки военного разведчика // Военно-исторический архив. 2005. № 2. С. 101–108.

зательства вины попадали на один из островов ГУЛАГа, или даже передавались в расстрельную команду. В любом случае все они были заклеены как трусы, которым не хватило смелости погибнуть с оружием в руках, их семьи подвергались гонениям и сталкивались с разного рода притеснениями.

Только после смерти Сталина бывших военнопленных реабилитировали – 29 июня 1956 г. ЦК КПСС и Совет Министров СССР принял постановление «Об устранении последствий грубых нарушений законности в отношении бывших военнопленных и членов их семей»¹. В этом же году рассказом М. А. Шолохова «Судьба человека» в массовое сознание был введен несколько идеализированный образ жизни узников немецких лагерей для военнопленных. Несомненно, важную роль имела и прекрасная экранизация этого художественного произведения, сделанная С.Ф. Бондарчуком в 1959 г., в которой режиссер сыграл и главную роль.

Советская историография наконец-то затронула некоторые вопросы судьбы военнопленных, однако получившаяся картина оказалась идеологизированной: главным образом рассказывалось о мужестве военнопленных, их участии в движении сопротивления и вооруженных выступлениях в лагерях, приводились примеры стойкой позиции отдельных известных военнопленных, представлялось участие красноармейцев, сбежавших из лагерей для военнопленных, в партизанском движении стран Европы.

Лишь в конце горбачевской перестройки, и главным образом после распада Советского Союза и получения более широкого доступа к документам, хранящимся в архивах бывшего СССР, уже в независимых государствах, возникших на его руинах, начали проводиться более широкие исследования по различным аспектам темы военнопленных. Прежде всего была предпринята попытка на основании документов Центрального архива Министерства обороны РФ определить количество солдат и офицеров Красной армии, которые в период Второй мировой войны попали в плен, а также количество погибших в плену. Коллектив военных историков и архивных работников под руководством генерал-полковника Г.Ф. Кривошеева уже трижды публиковал данные о потерях, понесенных Красной армией во время Великой Отечественной войны, в том числе – о количестве военнопленных и тех, кто вернулся из плена². Благодаря реализации этого проекта была достигнута цель – увековечить память солдат и офицеров

¹ См.: Реабилитация: Как это было. Февраль 1956 – начало 80-х годов. Т. 2. М., 2003. Док. № 43. С. 129–132.

² Гриф секретности снят: Потери Вооруженных Сил СССР в войнах, боевых действиях и военных конфликтах. Под ред. Г. Ф. Кривошеева. М., 1993. С. 130–131; Россия и СССР в войнах XX века. Потери вооруженных сил. Статистическое исследование. Под ред. Г. Ф. Кривошеева. М., 2001. С. 237; Великая Отечественная без грифа секретности. Книга потерь. Под ред. Г. Ф. Кривошеева. М., 2010. С. 41.

Красной армии, погибших, прежде всего (хотя намерения инициаторов проекта гораздо шире) во время Второй мировой войны. Теперь в Интернете можно ознакомиться с фотокопиями документов, хранящихся в Центральном архиве Министерства обороны РФ и в Центральном архиве Военно-морского флота РФ и касающихся понесенных потерь во время военных действий. Среди этих документов находятся также лагерные учетные карточки советских военнопленных, составлявшиеся после войны списки военнопленных по каждому лагерю и т.д. и т.п.¹. Кроме того, появились работы, посвященные полностью или почти полностью теме советских военнопленных во время Второй мировой войны².

Наибольшие разногласия вызывает вопрос о сотрудничестве сотен тысяч бывших красноармейцев и офицеров Красной армии с немецкими захватчиками³. Тем не менее, важно, что эта проблема поднята и обсуждается в российской исторической литературе. Кроме того, появились монографии, в которых оговариваются отдельные аспекты данной тематики, – работы, посвященные представителям советского генералитета, которые попали во время войны в немецкий плен⁴, отдельным лагерям для военнопленных⁵ и т.п. Одна из таких книг недавно вышла в популярной, предназначенной для широкого круга читателей серии издательства «Вече»⁶.

¹ Адрес страницы в Интернете: www.obd-memorial.ru. К сожалению, поиск на ней можно вести лишь через внесение данных конкретного лица или группы лиц. Однако можно ввести одну или несколько известных фамилий и слово «в плену», чтобы затем ознакомиться с оригинальными документами.

² Кроме целой массы статей, публикуемых на страницах научных журналов и в коллективных трудах, стоит упомянуть следующие работы: *Полян П. М.* Жертвы двух диктатур: Жизнь, труд, унижение и смерть советских военнопленных и остарбайтеров на чужбине и на родине. М., 2002; *Ерин М. Е.* Советские военнопленные в нацистской Германии 1941–1945 гг. Проблемы исследования. Ярославль, 2005; *Дембицкий Н. П.* Плен – трагедия миллионов советских бойцов и командиров, 1941–1945 гг. М., 2010.

³ См., например: *Александров К. М.* Офицерский корпус армии генерал-лейтенанта А. А. Власова. 1944–1945. СПб., 2001; 2-е издание, испр. и доп. М., 2009; *Он же.* Русские солдаты Вермахта: герои или предатели. М., 2005; *Семиряга М. И.* Коллаборационизм. Природа, типология и проявления в годы Второй мировой войны. М., 2002; *Чуев С.* Проклятые солдаты. Предатели на стороне Третьего рейха. М., 2004; *Ковалев В. Н.* Коллаборационизм в России в 1941–1945 гг.: типы и формы. Великий Новгород, 2009.

⁴ *Смирнов Ф. Д.* Советские генералы в плену. М., 1999. Обращает на себя внимание тот факт, что только Ф. Д. Смирнов учел в своей работе нескольких, хотя и не всех, высших командиров и начальников РККА, имевших устаревшие звания, введенные в Красной армии в 1935 г., которые принадлежали к существовавшему генералитету и попали в немецкий плен. Звания генералов и адмиралов в советских вооруженных силах были введены в 1940 г. и не касались офицеров военно-политического, военно-медицинского и военно-ветеринарного, а также военно-юридического составов. См. также: *Maslov A. A.* Captured Soviet Generals. The Fate of Soviet Generals Captured by the Germans, 1941–1945, London, Portland, 2001.

⁵ См., напр.: *Ерин М. Е., Хольный Г. А.* Трагедия советских военнопленных. История шта- лага 326 (VI К) Зенне, 1941–1945 гг. Ярославль, 2000.

⁶ *Смыслов О. С.* Плен. Жизнь и смерть в немецких лагерях. М., 2014.

На русский язык было переведено последнее издание, пожалуй, наиболее важной немецкой работы о советских военнопленных в Германии, принадлежащей перу Кристиана Штрайта¹. Недавно также вышел перевод превосходной работы норвежской исследовательницы, посвященной судьбам советских военнопленных во время Второй мировой войны на территории оккупированной немцами Норвегии².

Тема судьбы советских военнопленных в немецком плену разрабатывается также в белорусской и украинской историографии³. Это неудивительно – ведь большую часть советских военнопленных, находившихся в немецком плену, составляли белорусы и украинцы, а на территории этих двух, сегодня уже независимых государств, находилось большинство лагерей для военнопленных, созданных немцами на оккупированной территории СССР.

Однако стоит подчеркнуть, что тема трагедии советских военнопленных продолжает находиться вдали от основного тренда историографии стран бывшего СССР, и прежде всего России. В новой, изданной в конце прошлого века четырехтомной истории Великой Отечественной войны, из 1500 страниц текста всего около 26 посвящено военнопленным⁴. Кроме того, в официальных изданиях, посвященных 70-летию со дня ее начала, этой проблематике отведена незначительная роль. В совместной, изданной недавно коллективной работе ведущих историков России, Украины и Беларуси о первом, наиболее трагическом этапе войны, проблема советских военнопленных освещена лишь во фрагментарном тексте украинских авторов⁵. В подготовленной в то же время Институтом российской истории РАН, Главным архивным управлением города Москвы

¹ Штрайт К. Они нам не товарищи. Вермахт и советские военнопленные в 1941–1945 гг. М., 2009. Тираж русскоязычного издания составил 1500 экземпляров, что немало для научной публикации. Ранее, в 1992 г. обширные фрагменты из этой книги были опубликованы в переводе на русский язык в «Военно-историческом журнале», периодическом издании Министерства обороны РФ.

² Сулейм М. Н. Советские военнопленные в Норвегии в 1941–1945 гг. Численность, организация, репатриация. М., 2012.

³ См., напр.: Лагерь советских военнопленных в Беларуси 1941–1944. Справочник. Под ред. В. И. Адамушко и др. Минск, 2004; Масюковщина: Шталаг-352. 1941–1944: Документы и материалы. Авт.-сост. Р. А. Черноглазова. Минск, 2005; Докунова Е. Н. Советские военнопленные на оккупированной территории Беларуси: условия содержания, сопротивление (1941–1944 гг.). Автореферат дис. к.и.н. Минск, 2012; Історія великих страждань. Нацистські табори для радянських військовополонених у м. Славуті на Хмельниччині: дослідження, документи, свідчення. Ред. В. М. Литвин та ін. Київ, 2011.

⁴ Лужеренко В. К. Плен: трагедия миллионов // Великая Отечественная война, 1941–1945: Военно-исторические очерки. М., 1999. Кн. 4: Народ и война. С. 168–204. Одна треть главы посвящена немецким военнопленным в советском плену.

⁵ Раздел IX. Судьба советских военнопленных на территории Украины // 1941 год: Страна в огне: Историко-документальное издание. В 2 книгах. Кн. 1. Очерки. Под ред. О. А. Ржешевского, А. М. Литвина, А. Е. Лысенко. М., 2011. С. 661–673.

и Центральным архивом ФСБ Российской Федерации совместной работе, посвященной 1941 г., проблематика, связанная с военнопленными, поднимается только в одной статье¹. В последующих двух томах, где рассматриваются события 1942 и 1943 гг., освещается лишь проблема коллаборации с немцами части взятых в плен красноармейцев².

Именно поэтому вопрос о советских военнопленных в немецком плену и в государствах-союзниках Третьего рейха требует дальнейшего изучения. В историографии продолжают споры, в том числе и по такому фундаментальному вопросу, как количество советских военнопленных. К. Штрайт, а за ним большинство представителей мировой историографии утверждают, что всего насчитывалось 5,7 млн советских военнопленных, из них в плену погибло 3,3 млн (57,8%)³. Коллектив Г.Ф. Кривошеева придерживается цифры меньшей – 4559 тыс. военнопленных и пропавших без вести, из которых вернулось из плена 1836 тыс., а 938 тыс., считавшихся погибшими, находились на освобождаемых территориях и их снова мобилизовали в ряды Красной армии⁴. Отсутствует также согласие в вопросе о том, какая часть военнопленных решилась на активное сотрудничество с Третьим рейхом. Как уже ранее подчеркивалось, пока историки далеки и от однозначной оценки позиций коллаборационистов. Отдельного изучения требуют еще многие частные вопросы. К примеру, отсутствуют монографии по истории большинства крупных лагерей для военнопленных.

Важно, чтобы более заметным стал вклад польской историографии в изучение проблемы. Ведь территория современной Республики Польша, согласно оценкам исследователей, стала могилой как минимум для полумиллиона советских военнопленных⁵. Лагеря для военнопленных действовали как на территории Рейха в границах 1939 г., так и на территориях, присоединенных к нему после немецкой агрессии против Польши, и – прежде всего – в Генерал-губерна-

¹ Марочко В. П. Истребительная политика нацистов на оккупированной территории Смоленской области // Великая Отечественная война. 1941 год: Исследования, документы, комментарии. Под ред. В. С. Христофорова. М., 2011. С. 323–344.

² Иванов И. Б. К истории предательства генерала Власова (по материалам Центрального архива ФСБ России) // Великая Отечественная война. 1942 год: Исследования, документы, комментарии. Под ред. В. С. Христофорова. М., 2012. С. 285–326; Формирование антисоветских воинских частей из местного населения и военнопленных // Великая Отечественная война. 1943 год: Исследования, документы, комментарии. Под ред. В. С. Христофорова. М., 2013. С. 555–559. Это – небольшой фрагмент публиковавшегося документа «Обзор Главного разведывательного управления РККА о политике нацистов на оккупированной территории».

³ Штрайт К. Указ. соч. С. 8.

⁴ Великая Отечественная без грифа секретности... С. 51. Считаю интересными аргументы в этой дискуссии в пользу российской позиции, которые в своей статье, опубликованной в данной книге, приводит Адам Пулавский.

⁵ Ср., например: Łukaszewicz Z. Zagłada jeńców radzieckich w obozach na ziemiach Polski // Biuletyn Głównej Komisji Badania Zbrodni Niemieckich w Polsce. T. VI. Warszawa, 1949; Marczyk W. Jeńcy radzieccy w niewoli Wehrmachtu na ziemiach polskich w latach 1941–1945. Opole, 1987.

торстве. Советские военнопленные, хотя и в меньшем количестве, содержались и гибли в немецких концлагерях и лагерях смерти, находившихся на территории современной Польской республики. Несмотря на неоднозначное отношение к недавнему союзнику Гитлера, каким после агрессии 17 сентября 1939 г. в глазах польского общества был Советский Союз, оно, несмотря на грозящие репрессии, сочувствовало советским военнопленным и нередко оказывало им помощь. Военнопленные находились не только в рядах польских партизан-коммунистов (что в какой-то степени естественно), но также и в отрядах Польского подпольного государства.

Надо сказать, что о части военнопленных у поляков остались не лучшие воспоминания. Речь идет о тех из них, кто после перехода на немецкую службу вошел в отряды, подавлявшие восстание в Варшавском гетто 1943 г., Варшавское восстание 1944 г., или служил охранниками в лагерях смерти.

Некоторые военнопленные, бежавшие из немецких лагерей, также выполняли ряды советских партизан, порой грабивших польское население. Но прежде всего их воспринимали как форпост коммунизма и орудие политики Сталина, стремящегося включить в состав СССР земли, которые большая часть польского общества считала принадлежавшими Польше.

Именно поэтому по инициативе дирекции Центра польско-российского диалога и согласия появилась идея создания этой книги, посвященной изучению проблемы пребывания советских военнопленных в немецком плену на территории Польши (в ее современных границах) в период Второй мировой войны. Как можно легко убедиться, хотя бы после прочтения публикуемой в данном издании статьи Гжегожа Мотыки, польской историографией уже многое сделано в этой области. Более того, польские историки продолжают заниматься проблематикой, связанной с советскими военнопленными и их судьбами, как в исследованиях, специально проводимых в этом направлении, так и в рамках более широких проектов. Задача данной книги – показать последние достижения польской историографии в области изучения судеб советских военнопленных в немецком плену во время Второй мировой войны.

В целом, в представленных статьях основное внимание авторов сосредоточено на конкретных темах, поскольку в целом проблематика, связанная с судьбой советских военнопленных на польских землях, уже освещалась в польской историографии. Они сосредоточиваются на отдельных сюжетах в надежде на то, что избранные ими вопросы, связанные с судьбой советских военнопленных в немецком плену на польских землях, со временем займут соответствующее место в современной историографии.

Таким образом, продолжая изучение частных вопросов, польская историческая наука со временем сможет провести переоценку сделанных ранее выводов общего характера.

Гжегож Мотыка

ТРАГЕДИЯ СОВЕТСКИХ ВОЕННОПЛЕННЫХ ВО ВРЕМЯ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ В ПОЛЬСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

Одним из крупнейших преступлений Второй мировой войны, занявшим (с точки зрения количества жертв) второе бесславное место после Холокоста, стало уничтожение немцами взятых в плен солдат Красной армии. С осени 1941 г. до конца 1942 г. в немецких лагерях для военнопленных было истреблено в основном по причине голода и нечеловеческих условий существования более 2 млн военнопленных, значительная часть которых погибла на польских землях.

Несмотря на масштабность этого преступления, данная тема в историографии до конца не раскрыта. В СССР сдавшихся красноармейцев подозревали как минимум в измене. Хотя после смерти Сталина подобного рода обвинения не повторялись, внимание было сосредоточено на тех военнопленных, которые сбежали из плена и присоединились к партизанскому движению, или в любом случае при столь тяжелых обстоятельствах старались оказать сопротивление немцам. До сих пор в России внимание исследователей и читателей, интересующихся историей, чаще всего приковано к красноармейцам, сражавшимся на фронте. В Германии отсутствие желания добросовестно заниматься этой тематикой с самого начала мотивировалось тем, что виновными в этом массовом преступлении были бывшие солдаты вермахта. В Польше, в свою очередь, отмежевывались от данной тематики, относясь к ней даже неприязненно, поскольку считали ее навязанной властями Польской Народной Республики. Изучение этой темы, как и всего, что было связано с СССР, вызывало подозрение в том, что рассматривающие ее авторы руководствуются исключительно конъюнктурными соображениями, участвуя в поддержании официально декларируемой «польско-советской дружбы». Несмотря на это польская историография может гордиться значительными научными достижениями в названной области.

Первая научная работа, посвященная судьбам советских военнопленных, появилась сразу после окончания войны, в 1946 г. В бюллетене, издававшемся

Комиссией по расследованию немецких преступлений в Польше (с 1949 г. – Комиссия по расследованию гитлеровских преступлений в Польше (КРГПП)), была опубликована статья выдающегося польского ученого Станислава Пłosкого, в которой впервые предпринималась попытка определить масштабы трагедии¹. Автор основывался в своих выводах на результаты исследований специальных советских комиссий, которые при участии польских ученых проводили инспекцию мест немецких преступлений в Польше и пытались (в том числе – на основании частично проводимых эксгумаций) определить число жертв и собрать показания свидетелей. Общая картина судебных взятых в плен красноармейцев, сложившаяся в результате работы указанных комиссий, была представлена в опубликованной несколькими годами позже статье Здислава Лукашкевича, само название которой – «Уничтожение советских военнопленных в лагерях на землях Польши», уже говорит о многом².

Наиболее полно в период ПНР эта проблематика была представлена в книге Шимона Датнера «Преступления немецко-фашистского вермахта в отношении военнопленных во Второй мировой войне», изданной в Варшаве в 1961 г.^{3*} Автор посвятил свою работу, как это указывает название книги, проблеме преступлений немцев в отношении военнопленных всех сражающихся против них армий. В ней можно найти основную информацию об убийствах военнопленных Войска Польского в сентябре 1939 г. (этой тематике посвящена отдельная монография Датнера); казнях взятых в плен летчиков армий стран антигитлеровской коалиции; о трагедии итальянских солдат, которые после капитуляции Италии оказались в немецком плену, где к ним относились как к предателям⁴.

О судьбе советских военнопленных Датнер повествует в отдельной главе, осветив в ней не только немецкую политику в отношении военнопленных, но и дав краткую характеристику отдельным лагерям (в том числе Ламсдорф / Ламбиновице, Демблин). Подобную попытку общего представления проблемы предприняли Веслав Марчик, а после 1989 г. – Ежи Хольцер⁵.

¹ Płoski S. Zbrodnie niemieckie w obozach jeńców sowieckich // Biuletyn GKBZN. T. 1. Warszawa, 1946.

² Łukaszewicz Z. Zagłada jeńców radzieckich w obozach na ziemiach Polski // Biuletyn GKBZN. T. 6. Warszawa, 1949. См. также: *Idem*. Hitlerowskie obozy koncentracyjne. Warszawa, 1955.

^{3*} Название книги дано по русскоязычному изданию: Датнер Ш. Преступления немецко-фашистского вермахта в отношении военнопленных во второй мировой войне. Пер. с польск. Я. О. Немчинского. Под ред. Д. С. Карева. М., 1963. *Прим. пер.*

⁴ Datner S. Zbrodnie Wehrmachtu na jeńcach wojennych armii regularnych w II wojnie światowej, Warszawa 1964; *Idem*. 55 dni Wehrmachtu w Polsce. Zbrodnie dokonane na polskiej ludności cywilnej w okresie 1 IX – 25 X 1939 r. Warszawa, 1967.

⁵ Marczyk W. Jeńcy radzieccy w niewoli Wehrmachtu na ziemiach polskich w latach 1941–1945. Opole, 1987; Holzer J. Europejska tragedia XX wieku: II wojna światowa. Warszawa, 2005.

Увидели свет также издания, посвященные отдельным лагерям (главным образом они основаны на материалах, собранных сотрудниками КРГПП). Речь идет о книгах Станислава Заберовского¹, Мечислава Бартничака², Анджея Янковского и Яна Петшиковского³, а также о недавно вышедшем исследовании Анджея Рыбака⁴. Большой вклад в изучение этой проблематики внесли научные сотрудники Центрального музея военнопленных в Ламбиновицах-Ополе⁵. Среди других стоит упомянуть книги Грациана Бояр-Фиалковского и Эугениуша Дрвоты⁶.

Информацию о судьбах советских военнопленных можно найти также в работах, посвященных концентрационным лагерям⁷. Солдат, признанных «нежелательными элементами», направляли в т.ч. в такие лагеря. Один из них, Майданек, как раз и был создан в преддверии войны Германии против СССР. Стоит также вспомнить, что в концлагерь Штуттгоф направляли советских моряков, интернированных в балтийских портах. В концлагере Аушвиц именно на присланных в лагерь политработниках проводились первые экспериментальные пробы умерщвления с использованием газа «Циклон Б»⁸. В концлагерях

¹ *Zabierowski S.* Szepnie. Dzieje obozów hitlerowskich. Rzeszów, 1985.

² *Bartniczak M.* Grądy i Komorowo 1941–1944. Z dziejów Stalagów 324 i 333 – Ostrów Mazowiecka. Warszawa, 1978.

³ *Jankowski A.* Hitlerowskie obozy śmierci dla jeńców radzieckich w regionie kielecko-radomskim. Kielce, 1977; *J. Pietrzykowski*, Stalag 367 obóz jeńców radzieckich w Częstochowie. Katowice, 1976.

⁴ *Rybak A.* Stalag 319. Międzynarodowy obóz jeniecki w Chełmie w latach 1941–1944. Chełm, 2009.

⁵ *Senft S., Więcek H.* Obozy jenieckie na obszarze śląskiego okręgu Wehrmachtu 1939–1944. Wrocław, 1972; *Sawczuk J.* Hitlerowskie obozy jenieckie w łambinowicach w latach 1939–1945: (studium monograficzne). Opole, 1974; *Niemiecki i radziecki system jeniecki w latach II wojny światowej. Podobieństwa i różnice. Materiały z konferencji naukowej 5 czerwca 1997 r.* Red. E. Nowak. Opole, 1997; *Między Wehrmachtem a SS: jeńcy wojenni w niemieckich obozach koncentracyjnych.* Red. V. Rezler-Wasielewska. Opole, 2010. Стоит также упомянуть издаваемые там же ежегодники «łambinowski Rocznik Muzealny» (с 1974 г. уже опубликовано 36 томов) и периодическое издание «Szkice z dziejów obozów w Lamsdorf/ łambinowicach. Historia i współczesność» под редакцией Эдмунда Новака.

⁶ *Bojar-Fijałkowski G.* Losy jeńców wojennych na Pomorzu Zachodnim i w Meklemburgii 1939–1945. Warszawa, 1979; *Drwota E.* Jeńcy radzieccy w okupowanym Krakowie. Kraków, 1975; *Zwykły żołnierski los. Jeńcy wojenni na Pomorzu Zachodnim (1939–1945).* Red. J. Aniszewska, R. Kobylarz-Buła, P. Stanek. Opole, 2011.

⁷ См., например: *Auschwitz 1940–1945. Węzłowe zagadnienia z dziejów obozu.* T. 1–5. Red. W. Długoborski, F. Piper. Oświęcim-Brzezinka, 1995; *Auschwitz. Nazistowski obóz śmierci.* Red. F. Piper, T. Świebocka. Oświęcim, 1993; *Małek A.* Obywatele ZSRR w KL Gross-Rosen. Wałbrzych, 1993; *Majdanek 1941–1944.* Red. T. Mencil. Lublin, 1991; *Marszałek J.* Majdanek obóz koncentracyjny w Lublinie. Warszawa, 1987; *Dunin-Wąsowicz K.* Obóz koncentracyjny Stutthof. Gdańsk, 1970.

⁸ Комендант лагеря Рудольф Хёсс описывал эту акцию следующим образом: «Над самим вопросом уничтожения советских военнопленных я тогда не задумывался: таков был при-

убивали также больных и искалеченных военнопленных, например, 10 декабря 1943 г. в концлагере Аушвиц были отравлены газом привезенные из лагеря в Эстонии раненые и инвалиды. Упоминания о трагической судьбе взятых в плен красноармейцев можно найти в воспоминаниях узников или свидетелей их уничтожения. Судьба советских военнопленных занимала важное место в трудах, посвященных польскому движению Сопротивления, в первую очередь, коммунистического и народного. Стоит в этой связи упомянуть работы Юлиана Тобиаша, Рышарда Назаревица, Ирены Пачиньской, Станиславы Левандовской, Ежи Гмитрука и др.¹

Согласно подсчетам исследователей, в 1941–1945 гг. Германия взяла в плен 5 734 528 солдат Красной армии, из которых 3 350 000 были пленены еще до декабря 1941 г. Их сначала направляли в так называемые пересыльные лагеря (дулаги), откуда после отбора (в ходе которого выявляли евреев и политработников, подлежащих расстрелу на основании так называемого Указа о комиссарах от 6 июня 1941 г. – «Kommissarien Erlass»). Офицеров направляли в офлаги, а солдат – в шталаги (которые делились на основные лагеря и подчиняющиеся им филиалы, отделения). В границах современной Польши, согласно подсчетам Веслава Марчика, находилось 77 таких лагерей². В это число не включены лагеря, организованные на довоенных восточных рубежах Польши, например, во Львове, Владимире-Волынском и в Раве-Русской.

В данной связи следует отметить первую характерную особенность польской исторической литературы по этой теме – она практически вся посвящена судьбе военнопленных на территории современной Польши. В период ПНР было невозможно изучать восточные территории межвоенной Польши (II Речи Посполитой), поэтому исследователи не занимались темой лагерей, созданных

каз, и я обязан был его выполнить. Но я скажу откровенно, что загазование этого транспорта успокоило меня: ведь скоро нужно было начать массовое уничтожение евреев [...], не представляли себе, как это сделать. [...] Меня всегда охватывал ужас, когда я думал о массовых расстрелах [...] Теперь я стал спокойнее, потому что теперь мы могли обойтись без резни, крови...». Цит. по: Воспоминания Рудольфа Хёсса // Освенцим глазами СС: Хёсс, Брод, Кремер. Ред. К. Смолен. Освенцим, 1975. С. 86–87. Осенью 1941 г. в Аушвиц пришел транспорт в составе около 10 тыс. военнопленных, которых заморили голодом и рабским трудом. С 7 октября 1941 г. по 28 февраля 1942 г. умерло 8320 военнопленных. Летом 1942 г. из десяти тысячного транспорта в живых осталось самое большое несколько сотен людей.

¹ *Nazarewicz R. Nad górną Wartą i Pilicą. PPR, GL i AL w Okręgu Częstochowsko-Piotrkowskim w walce z hitlerowskim okupantem (1942–1945). Warszawa, 1964; Tobiasz J. Na tyłach wroga. Obywatele radzieccy w ruchu oporu na ziemiach polskich 1941–1945. Warszawa, 1972; Paczyńska I. O latach wspólnej walki. Obywatele radzieccy w ruchu partyzanckim na ziemi kieleckiej i krakowskiej 1941–1945. Warszawa–Kraków, 1978; Lewandowska S. Ruch oporu na Podlasiu 1939–1944. Warszawa, 1982; Gmitruk J. Skazani na zagładę. Jeńcy i partyzanci radzieccy a Bataliony Chłopskie 1941–1945. Warszawa, 2001.*

² *Marczyk W. Op. cit. S. 29–30.*

на этой территории, а информация о них не появлялась в литературе энциклопедического характера (в отличие от лагерей, которые находились на землях, переданных Польше в 1945 г.). Эта ситуация не изменилась и в литературе, появившейся после 1989 г., поскольку она в основном была сосредоточена на изучении потерь среди польского населения, т.е. касались главным образом преступлений СССР и украинских националистов¹.

Второй важной отличительной особенностью польской исторической литературы, как мне представляется, является общая убежденность ученых в том, что красноармейцы, взятые в плен в 1941–1942 гг., подвергались целенаправленному уничтожению (за исключением тех, которые согласились сотрудничать с немцами). Свидетельством тому являются уже сами названия глав в книгах или отдельных статей польских авторов. В упоминавшейся монографии Ш. Датнера название соответствующего подраздела звучит следующим образом: «Лагерь для советских военнопленных – лагерь уничтожения». Автор, в частности, писал: «Если лагерь для военнопленных западных государств хотя бы приблизительно отвечали элементарным требованиям человеческого существования, то лагерь для советских военнопленных были одним из главных звеньев заранее задуманной и с неслыханной жестокостью осуществляемой системы истребления. [...] Часть военнопленных наиболее “опасных”, с точки зрения нацистской “идеологии”, гитлеровцы уничтожали особенно старательно, не предоставляя этого слепой судьбе. [...] Для остальных пленных при помощи целого ряда “специальных средств” создавались условия существования, которые заранее обрекали их на скорую и... дешевую смерть!»².

Созданные невыносимые условия для военнопленных, а именно: отсутствие еды и возможности соблюдения гигиены, пребывание на необжитом пространстве, приводили к массовой смертности. Например, в лагере, организованном между деревней Мунина и городом Радымно, военнопленных разместили под открытым небом, не дали им даже подстелить соломы, а в качестве пропитания предоставили свекольную ботву. Объяснения немцев, что в связи с ошибкой логистики не удалось обеспечить питанием всех взятых в плен, представляются малоубедительным, т.к. нацистские охранники запрещали местному населению приносить еду в лагерь и проявляли особую старательность, очищая дороги к лагерю от подброшенных людьми продуктов до прохода колонны военнопленных.

Убеждение, что действия немцев по отношению к военнопленным, по сути, были направлены на их истребление, характерно не только для всех польских историков, но и зачастую присутствует в воспоминаниях свидетелей тех событий,

¹ Исключение составляет работа Моники Томкевич. См.: *Tomkiewicz M. Zbrodnia w Ponarach 1941–1944. Warszawa, 2008.*

² Цит. по: *Датнер Ш.* Указ. соч. С. 352.

пораженных и ошеломленных происходившей на их глазах трагедией. Станислав Гжесюк, узник лагеря Гузен (Австрия), где с начала 1942 г. было уничтожено около 5 тыс. советских граждан, вспоминал: «Смехотворным показался мне тот факт, что в лесу расстреляли двух офицеров за то, что они носили какие-то высшие советские звания. Их выдал один из заключенных. Ведь расстрел был как помилование по сравнению с теми условиями, в которых уничтожали других»¹.

Согласно немецким данным, в начале 1942 г. умерло более 2 млн. военнопленных. Распространившийся в лагерях тиф был настолько заразным, что гибли даже немецкие охранники, – последнее вызвало беспокойство командования вермахта. Именно на зиму 1941/1942 гг. приходится большая часть всех жертв лагерей. Согласно подсчетам исследователей, во время войны в Шталаге Демблин (Frontstalag 307) умерло около 80 тыс. чел., в Шталаге 319 Хелм – 60–90 тыс., в Шталаге 325 Замостье – 28 тыс., Шталаге 316 Седльце – 23 тыс., Гронды – около 40 тыс., Беньяминов – 10 тыс., Сухожебры – 18 тыс., Ченстохова – 14 тыс.

Считается, что в немецких лагерях умерло и погибло во время войны около 3,3 млн советских военнопленных, т.е. 57,8% всех взятых в плен красноармейцев. Неясно, какое количество военнопленных умерло на польских землях. По мнению Здислава Лукашкевича, было убито как минимум 484 тыс. советских военнопленных, из которых около 224 тыс. – на Люблинщине². В свою очередь, по оценке Веслава Марчика, в лагерях на территории современной Польши погибло 500–800 тыс. военнопленных, из которых на Люблинщине – 200–250 тыс.³ Стоит напомнить, что эти подсчеты не охватывают погибших на Восточных кресах^{4**}.

Отсутствие рабочей силы, поражение под Москвой и связанное с ним понимание того, что СССР может пойти на ответные шаги в отношении взятых в плен немецких солдат, склонили нацистов к частичному изменению политики и к послаблениям в обращении с военнопленными. Многие из них направлялись в промышленные округа, где использовался их принудительный труд. В 1944 г.

¹ Цит. по: *Grzesiuk S. Pięć lat kacetu. Warszawa, 1982. S. 232–233.* Ситуация в лагере в деревне Шебне выглядела глазами солдата Армии Крайовой Юзефа Моджеевского следующим образом: «Осенью 1941 г. немцы собрали здесь несколько тысяч русских. На протяжении зимы из-за голода, холода в день умирало по несколько человек, даже по несколько десятков человек. Ежедневно на одной или нескольких телегах вывозились тела в овраг, находившийся примерно в километре от лагеря. Тела усопших складывали слоями, пересыпали известью и закрывали землей. Зиму пережило лишь 90 военнопленных, их погрузили в вагоны и вывезли в неизвестном направлении». Цит. по.: *Modrzejewski J. Akowcy na Podkarpaciu, Brzozów 1990. S. 34.*

² *Łukaszewicz Z. Op. cit.*

³ *Marczyk B. Op. cit.*

^{4**} Польское название территорий, входивших в состав межвоенной Польши (1918–1939 гг.), а в настоящее время относящихся к Беларуси, Литве и Украине. *Прим. пер.*

только в Силезии и Домбровском угольном бассейне советские военнопленные были размещены в 132 трудовых лагерях. И хотя они получали скудные пайки и находились под постоянным надзором Абвера, условия их содержания по сравнению с 1941 г. значительно улучшились.

Как уже говорилось выше, в первый период немецко-советской войны военнопленные фактически неоднократно стояли перед выбором: умереть от истощения или вступить в ряды отрядов, сражающихся на стороне Германии. До 1989 г. вопрос о коллаборационизме относился к разряду запрещенных для изучения. Согласно официальной версии, на сотрудничество шли немногие, причем большинство из них для того, чтобы при первой возможности предпринять попытку к бегству с немецкой службы¹. С момента падения коммунистического режима наблюдается противоположная закономерность – подчеркивается антикоммунистическая позиция тех людей, которые решались служить в боевых частях на стороне немцев. В подразделения, сражавшиеся на немецкой стороне, попало около 1 млн чел. Из числа этих людей формировались также разного рода вспомогательные и полицейские части, в том числе – т.н. шуцманшафты. Первый призыв в Травники (*Trawniki* *männer*), специальное полицейское подразделение, созданное в Травниках на Люблинщине главой СС в Люблинском дистрикте Одило Глобочником, был полностью сформирован из бывших военнопленных. Солдаты из учебного лагеря Травники после завершения подготовки направлялись на обслуживание концентрационных лагерей и лагерей смерти. Согласно исследованиям американского ученого Питера Блэка, подразделения «украинского СС», служившие в Треблинке, Собиборе, Плашове, Аушвице, Маутхаузене и других лагерях, а также принимавшие участие в подавлении восстания в Варшавском гетто, состояли именно из «выпускников» Травников².

Значительное место в польской литературе, посвященной советским военнопленным, уделяется тем из них, кто совершал побег. Считается, что было около 67 тыс. случаев побегов из лагерей, как единичных, так и групповых³. В популярных публикациях основной упор делался как раз на изучении судеб тех военнопленных, которые не пали духом. Наиболее известный пример – впервые изданная в 1948 г. книга Игоря Неверли «Парень из Сальских степей»^{4***}, о

¹ *Solorz J. Armia Własowa. Warszawa, 2002; Andreyev. C. Generał Własow i rosyjski ruch wyzwolenieczy. Warszawa, 1990. Издание на русском языке см.: Андреева Е. Генерал Власов и Русское Освободительное Движение. Пер. с англ. London, 1990; Gdański J. Zapomniani żołnierze Hitlera. Warszawa, 2005.*

² *Black P. Prostý żołnierz «Aktion Reinhardt». Oddziały z Trawniki i eksterminacja polskich Żydów // «Aktion Reinhardt» – zagłada Żydów w Generalnym Gubernatorstwie. Red. D. Libionka. Warszawa, 2005.*

³ См.: *Marczyk W. Op. cit.; Datner S. Op. cit.*

^{4***} См. издание на рус. яз.: *Неверли И. Парень из Сальских степей. Пер. с польск. З. Шаталовой. М., 1958. Прим. пер.*

докторе Величанском (В. И. Дягтерева), который сбежал из плена, присоединился к партизанам, и, вновь пойманный, попал в лагерь Майданек, где старался придти на помощь каждому страждущему. Другой эксплуатируемой темой был побег группы советских военнопленных на немецком бомбардировщике из концлагеря на острове Узедом¹.

Гораздо более интересным является вопрос о поддержке, оказываемой местным польским населением сбежавшим из лагерей. Нередко оно оказывало бескорыстную помощь бывшим узникам, особенно на тех территориях, которые не были под советской оккупацией в 1939–1941 гг. В связи с этим 23 октября 1941 г. генерал-губернатор Ганс Франк Распоряжением о военнопленных в Генерал-губернаторстве запретил польскому населению контактировать с военнопленными. Лица, скрывавшие сбежавших, а также передававшие им продукты, одежду или просто указывавшие им дорогу, подвергались наказанию в виде тюремного заключения; дополнительно гмины должны были выплачивать индивидуальный или коллективный денежный штраф. На практике зачастую было гораздо хуже: к тем, кто скрывал военнопленных, относились так же как и к тем, кто спасал евреев (это означало, что с ними безжалостно расправлялись на месте).

Из подготовленного Комиссией исследования гитлеровских преступлений «Перечня мест и фактов преступлений, совершенных гитлеровскими оккупантами на польских землях в 1939–1945 гг.», а также из исследований Чеслава Мадайтчика и Станиславы Левандовской можно узнать минимум о нескольких сотнях случаев казней поляков или польских граждан за оказание помощи советским военнопленным². Приведем, по крайней мере, несколько примеров подобного рода позиции, чтобы отдать дань памяти этим людям. В деревне Коротынь гмины Тшешаны 22 мая 1942 г. «солдаты вермахта убили 5 человек, подозреваемых в укрытии советских военнопленных. Деревня была полностью сожжена»³. В деревне Калилов гмины Бяла Подляска 10 ноября 1942 г. «гитлеровские полиция и солдаты вермахта провели пацификацию деревни, во время которой убили 18 жителей. [...] В тот же день гитлеровцы расстреляли несколько советских военных. Казнь прошла во дворе дома [...] Яна Стельмаха. Установлена фамилия только одного военнопленного: Сергей Корнилов. Причина пацификации — оказание помощи советским солдатам, сбежавшим из близлежащего лагеря»⁴.

¹ Девятаев М. П. Полет к солнцу / Литературная запись А. М. Хорунжего. М., 1972.

² Hitlerowski terror na wsi polskiej 1939–1945. Zestawienie większych akcji represyjnych. Oprac. C. Madajczyk przy współudziale S. Lewandowskiej. Warszawa, 1965. См. также: Fajkowski J., Religa J. Zbrodnie hitlerowskie na wsi polskiej 1939–1945. Warszawa, 1981.

³ Rejestr miejsc i faktów zbrodni popełnionych przez okupanta hitlerowskiego na ziemiach polskich w latach 1939–1945. Województwo zamojskie. Warszawa, 1994. S. 61.

⁴ Ibidem. Województwo białskopodlaskie. Warszawa, 1984. S. 77.

В Нездрове гмины Ополе Любельске 11 декабря 1942 г. в дом Станислава Банаха неожиданно ворвались жандармы: «В доме кроме хозяина было еще 4 человека и 2 советских военнопленных. При виде жандармов они пустились в бегство. Один из военнопленных ранил немецкого жандарма. Побег удался. Через несколько часов деревня была окружена солдатами вермахта и жандармами. Гитлеровцы выгнали из домов жителей Нездрова и у стены здания сушильни расстреляли 12 человек. Погибли члены семей: Банахов, Шафранцев и Зайонцев. Среди расстрелянных были женщины и дети. Одновременно они подожгли двор Станислава Банаха, где в огне сгорела слепая Виктория Банах. Ими были также сожжены постройки семей Шафранцев и Поморских»¹.

В деревне Журова гмины Шежины 9 июля 1943 г. прибывшие из Тарнова гестаповцы убили мать с четырьмя детьми (Миркут Элеонора и Юзеф, Саломея, Адольф и Зигмунт). Было установлено, что они «были казнены за оказание помощи сбежавшим советским военнопленным. [...] В тот же день были арестованы и другие члены семьи Миркут»². В деревне Острова Барановске гмины Молас 20 мая 1943 г. жандармы из Новой Дембы убили Антонину и Станислава Халдасов и капитана Василия Новикова. Читаем в документе: «Военнопленный сбежал из лагеря в Майдане Крулевском и укрывался у семьи Халдасов. Халдасы погибли за то, что дали приют военнопленному». Кроме того были также убиты Анджей Банька и Ян Чахор «за то, что якобы сотрудничали с семьей Халдасов и были партизанами»³. В Грабинах, приселке Жендзины гмины Чарна 23 августа 1944 г. «солдат вермахта из 78 пехотной дивизии застрелил женщину, дававшую молоко советским солдатам. Это была Мария Курек»⁴.

В Годзембе гмины Гневково 18 сентября 1944 г. «гитлеровцы повесили в лесу в присутствии рабочих лесоповала Яна Тараска за оказание помощи сбежавшим из лагеря в Глинках советским военнопленным. Останки были закопаны на месте казни»⁵. Последний известный подобный случай произошел 22 января 1945 г. в деревне Мархвач гмины Опатувек в бывшем Калишском воеводстве: «Особого внимания заслуживает массовая казнь жителей деревни Мархвач, где кроме пойманных 4 советских солдат гитлеровцами были убиты 62 жителя деревни, в том числе 8 несовершеннолетних»⁶.

Сбежавшим чаще всего не отказывали в помощи, в том числе предоставляли кров, несмотря на то, что нельзя было рассчитывать с их стороны на

¹ Ibidem. Województwo lubelskie. Warszawa, 1985. S. 174–175.

² Ibidem. Województwo tarnowskie. Warszawa, 1984. S. 249.

³ Ibidem. Województwo rzeszowskie. Warszawa, 1984. S. 129.

⁴ Ibidem. Województwo tarnowskie... S. 78.

⁵ Ibidem. Województwo bydgoskie. Warszawa, 1981. S. 59.

⁶ Ibidem. Województwo kaliskie. Warszawa, 1984. S. 12.

какую-либо оплату. Например, Кристина Бурда из Бажанувки в Саноцком повяте с января 1942 г. по октябрь 1944 г. скрывала советского офицера, болевшего костным туберкулезом. Януш Гмитрук писал: «Следует напомнить об особом самопожертвовании ради приговоренных к смерти советских военнопленных, поскольку это была непосредственная гуманитарная помощь, за оказание которой деревня ничего кроме репрессий и принесенных военнопленными болезней получить не могла. Прятавшиеся в деревне польские евреи в определенной степени могли оказывать своим опекунам материальную поддержку, советские же военнопленные, будучи людьми истощенными в физическом плане, деморализованные борьбой за выживание в лагерях, были даже непохожи на военнопленных. Спасение советского военнопленного было связано с возвращением его к нормальной жизни и [...] существованию»¹.

Примечательно, что до сих пор нет специальной работы, в которой была бы предпринята попытка описания и подведения итогов такого явления, как оказание помощи военнопленным людьми, не связанными с подпольем. Немного лучше обстоит ситуация с изучением вопроса о предоставлении бескорыстной помощи подпольными организациями.

Большое внимание этому вопросу уделяют авторы, занимающиеся людовским (крестьянским) движением, вклад которого в спасение советских военнопленных несомненно огромен и, возможно, был наибольшим среди всех польских подпольных организаций. Уже 10 августа 1941 г. командир Седлецкого повята Крестьянских батальонов (БХ) Люциан Кочь, псевдоним «Яжёмбек», приказал оказывать сбежавшим из лагерей для военнопленных «как можно большую помощь»². В этом приказе говорилось: «Следует обратиться ко всем, несмотря на их политические убеждения, полякам с призывами оказывать страдающим в плену военнопленным помощь и радушие во имя широко понимаемого гуманизма. [...] Мы должны помнить, что из того же самого ружья или пистолета, из которого сегодня враг убивает советского военнопленного, завтра он убьет кого-нибудь из нас. Нельзя оставаться равнодушным, глядя на массовое истребление военнопленных»³.

Крестьянские батальоны помогли в т.ч. организовать массовый побег из лагеря Сухожебры в сентябре 1941 г. Действенная помощь оказывалась красноармейцам командирами Замостьского и Билгорайского поватов Крестьянских батальонов. В Варшавском и Гарволинском повятах Крестьянскими батальонами был организован путь переброски в леса Люблинщины бежавших из лагерей советских военнопленных. Часть сбежавших военнопленных принимали

¹ Gmitruk J. Skazani na zagładę... S. 4.

² Цит. по: Tobiasz J. Na tyłach... S. 113.

³ Ibidem.

в отряды Крестьянских батальонов. В них оказалось в общей сложности около 700 советских солдат¹.

Крайне доброжелательно, что, впрочем, и понятно, к советским военнопленным отнеслись польские коммунисты. Можно сказать, что они воспринимали людей из СССР как сограждан будущей мировой «родины пролетариата». Коммунисты с самого начала оказывали помощь советским военнопленным. Понимая, что пользуются слабой поддержкой в польском обществе, коммунисты предоставление помощи восприняли в значительной степени предметно, видя возможность для увеличения численности собственных военных сил за счет сбежавших военнопленных. В рядах Гвардии Людовой (ГЛ), а позднее Армии Людовой (АЛ) оказалось много бывших красноармейцев. Значительная их часть была в первых партизанских отрядах Гвардии Людовой. Однако, как представляется, к удивлению самих членов Польской рабочей партии бывшие военнопленные неохотно подчинялись приказам Гвардии Людовой. Красноармейцы при первой же возможности пытались перебраться на восток, на территорию довоенного СССР. Уходя, они очень часто забирали полученное оружие. По оценкам Ю. Тобиаша, на Люблинщине из подразделений Гвардии Людовой только в 1943 г. ушло от 800 до 900 бывших военнопленных, что привело к формированию трех (2, 4 и 5) из пяти батальонов II Округа Гвардии Людовой².

Ирена Пачиньская такую позицию объясняет следующим образом: «Могли на нее оказывать влияние трудности, связанные с адаптацией в чуждой в национальном и географическом плане среде, неуверенность бывших военнопленных в том, получит ли на родине борьба в рядах Гвардии Людовой такую же оценку, как и служба в советских подразделениях. Большое влияние оказывала также тоска по родине, близким и желание сражаться с немцами на собственной земле»³.

Значительно более сложным было отношение к сбежавшим из немецкого плена военнопленным у Армии Крайовой (АК). Солдаты АК, разумеется, оказывали поддержку бежавшим, хотя имели место также жестокие случаи уничтожения ими партизанских соединений или групп выживания (т.е. таких, главной целью которых являлось спасение жизни их членов). Это явление в особенности усилилось после приказа генерала Т. Бур-Комаровского в сентябре 1943 г. о борьбе с бандитизмом. В исторической литературе времен ПНР любое прояв-

¹ См.: Przybylsz K. Gdy wieś ratowała życie. Warszawa, 2001; *Idem*. Chłopi polscy wobec okupacji hitlerowskiej 1939–1945: zachowania i postawy polityczne na terenach Generalnego Gubernatorstwa. Warszawa, 1983; Gmitruk J. Bataliony Chłopskie 1940–1945. Warszawa, 2000; *Idem*. Skazani na zagładę... S. 43–44.

² Tobiasz J. Na tyłach... S. 185–187. Cp.: Garas J. Oddziały Gwardii Ludowej i Armii Ludowej 1942–1945. Warszawa, 1971. S. 203–205.

³ Paczyńska I. Op. cit. S. 52.

ление неприязни к военнопленным воспринималось как чуть ли не проявление коллаборационизма. Именно поэтому в такого рода работах подчеркивалось, что ликвидация сбежавших не носила массового характера и что структуры АК на местах часто оказывали поддержку бежавшим из лагеря красноармейцам. Например, в Подляшье командир Седлецкого округа Союза вооруженной борьбы (СВБ) майор Марьян Заварчиньский (псевдоним «Земовит») и командир Бяло-Подляского округа СВБ майор Станислав Малецкий (псевдоним «Сулима») организовали специальный патруль для сопровождения бежавших в люблинские леса в округе Парчева и Романова. Станислава Левандовская пишет: «В 1943–1944 гг. сталкиваемся также со свидетельствами того, что, несмотря на официальные указания, боевые группы АК на Подляшье отбивали военнопленных, а советские солдаты принимались в некоторые отряды»¹. Бывали случаи, когда бывшие военнопленные принимались в ряды АК. В Седleckом и Соколовском округах было принято по 15 бежавших красноармейцев в партизанские отряды. В отряд Антония Хеды (псевдоним «Шары») была принята группа бежавших из лагеря Барыч под д. Коньске².

Только после 1989 г. было обращено внимание на то, что польское подполье во время войны оказалось на распутье, перед «дьявольским выбором»: исходя из принципов гуманизма, помогать бежавшим военнопленным, рискуя укрепить коммунистическое движение, либо занять по отношению к ним нейтральную позицию, или даже уничтожать появляющиеся группы, тем самым, обезопасив себя от возможного проникновения НКВД. Сдержанное отношение руководства польского подполья к проблеме бежавших из плена советских военнопленных интересным образом представил один из немногих исследователей данной темы – Адам Пулавский³.

О том, что опасения были небезосновательными, свидетельствует, например, конфликт между польскими и советскими партизанами на северо-востоке Польши. В 1943 г. в Новогородском повяте стычки польских и советских партизан переросли в войну на истощение, хорошо описанную Зигмунтом Борадыном⁴. На Люблинщине как минимум один из бежавших военнопленных после вторжения советских войск оказался в органах безопасности. Иначе выглядела ситуация на юго-востоке, т.е. на Волыни и в Восточной Галиции, где неоднократно были случаи польско-советского сотрудничества перед лицом угрозы со сторо-

¹ Lewandowska S. Ruch oporu na Podlasiu 1939-1944. Warszawa, 1982. S. 237–238.

² См., например: *Paczyńska I.* Op. cit. S. 128–130.

³ Советую обратить внимание на статью А. Пулавского: *Puławski A.* Sowiecki partyzant – polski problem // *Pamięć i Sprawiedliwość*. 2006. № 1.

⁴ *Boradyn Z.* Niemen – rzeka niezgody. Polsko-sowiecka wojna partyzancka na Nowogródczyźnie 1943–1944. Warszawa, 1999. Сп.: *Strzembosz T.* Rzeczpospolita podziemna. Społeczeństwo polskie a państwo podziemne 1939–1945. Warszawa, 2000.

ны Украинской повстанческой армии. В рядах советского партизанского движения нашли прибежище от 5 до 7 тыс. поляков; практически полностью из них состояли некоторые отряды, как например, отряд им. Ф. Дзержинского. Хотя и бывали случаи убийства поляков советскими партизанами, они не привели к серьезным столкновениям¹.

Следует отметить, что в публикациях последних лет наметилась тревожная тенденция относить деятельность различных партизанских соединений и групп выживания, состоявших из бывших военнопленных, к проявлениям бандитизма. Хотя, несомненно, встречались случаи жестокого обращения с гражданским населением, однако представление обо всех бежавших из плена красноармейцах как об обычных бандитах является, мягко говоря, огромным упрощением². Между тем, подобную позицию можно встретить особенно у историков, не скрывающих своих симпатий к эндеции – национальным демократам, крайне негативно относившимся к проблеме бежавших из плена советских военнопленных,

Как известно, 1 декабря 1942 г. Командование Народовых Сил Збройных (НСЗ) открыто рекомендовало ликвидировать советские группы. Занимающийся историей народовцев Марек Ян Ходакевич признавал: «С момента своего появления партизанские отряды НСЗ концентрировались, прежде всего, на антикоммунистических и антибандитских акциях, которые зачастую совпадали. Представляется, что действительно Народове Силы Збройне считали все просоветские отряды бандитскими»³.

¹ В одном известном нам случае партизаны из соединения капитана Ивана Шитова разбили отряд АК капитана Владислава Коханьского (псевдоним «Бомба»). Стоит также упомянуть о том, что с поляками, попадавшими в советские отряды, велась идеологическая работа. В одном из польских донесений ситуация оценивалась следующим образом: «Партизаны охотно принимают к себе поляков, их окружает заботой политрук. Зато немилосердно уничтожаются те поляки, которых считают т.н. националистами Сикорского. К этим последним относят всю интеллигенцию». См.: Studium Polski Podziemnej. MSW. 263/II. Wydział społeczny. Sprawozdania sytuacyjne z ziem polskich. S. 34–35.

² См., например: *Gontarczyk P. Polska Partia Robotnicza: droga do władzy 1941–1944*. Warszawa, 2006. Автор этого исследования следующим образом характеризует деятельность советских военнопленных: «Историческое явление, называемое в литературе времен ПНР “советскими партизанами”, было чем-то исключительным. Бывшие советские военнопленные (особенно те, что происходили из азиатской части СССР, неоднократно попадавшие в лес после службы у немцев) были в большинстве своем полностью деморализованы, отличались суровостью и жестокостью. С оружием в руках, видя женщину или не встречавшиеся в России материальные ценности, зачастую вели себя так, как будто общественные нормы поведения им были незнакомы. В воспоминаниях о контактах с советскими партизанами можно встретить описания бездумного уничтожения и убийств, а также полного отсутствия сдерживающих табу в сексуальных отношениях» (стр. 287, сноска 35). Трудно обнаружить в приведенной цитате хотя бы тень сочувствия к людям, фактически приговоренным к голодной смерти.

³ Цит. по: *Chodakiewicz M. J. Narodowe Siły Zbrojne: «Ząb» przeciw dwu wrogom*. Warszawa, 1999. S. 89.

Как следует из работы Ходакевича, осенью 1942 г. партизаны НСЗ под командованием старшего лейтенанта Ежи Невядомского (псевдоним «Лех») устроили засаду и ликвидировали в Красницком повяте группу из 18-ти бежавших советских военнопленных. Самая крупная казнь произошла у деревни Жомбец, где в 1944 г. Свентокшисская бригада НСЗ после боя с отрядом АЛ и группой советских партизан расстреляла 67 красноармейцев¹. Масштабность казни и возможные опасения, что коммунистические власти ПНР потребуют от американцев экстрадиции солдат НСЗ, перебравшихся на Запад, привело к тому, что в литературе, посвященной Свентокшисской бригаде, начала формироваться теория о том, что военнопленные были якобы убиты во время «подавления мятежа»². Этот «мятеж» в действительности, как следует из опубликованной летописи бригады, состоял лишь в том, что военнопленные, которых вели на казнь, поняв, что их ждет, бросились бежать. Из того факта, что все военнопленные были убиты, можно сделать вывод, что партизаны НСЗ добились раненых. Чтобы не сгущать краски, стоит сказать, что, как следует из воспоминаний Владислава Колачиньского (псевдоним «Жбик») и в отрядах НСЗ также встречались сбежавшие военнопленные³.

Как видно, тема отношения польского подполья к бежавшим из плена советским военнопленным все еще требует серьезной разработки. И это только один из многих других, не получивших разъяснения со стороны историков, вопросов по данной проблеме. По крайней мере, частично это связано с нежеланием заниматься подобной тематикой. Несмотря на то, что уничтожение красноармейцев немцами – это одна из самых больших трагедий, произошедших во время Второй мировой войны на польских землях, эта тема все еще на прямую ассоциируется с годами зависимости от СССР и пропагандируемой в период ПНР официальной польско-советской дружбы, что по сути отбивает охоту к проведению серьезной исследовательской работы.

Красноречивым свидетельством пренебрежения к этой теме являются кладбища советских военнопленных, на которых до сих пор большинство могил

¹ Ibidem. S. 105–106, 200–201. Свидетелем казни был Владислав Махеек, солдат АЛ (позднее писатель в ПНР), которого взяли в плен и включили в Свентокшисскую бригаду, откуда он через несколько дней бежал. См.: *Machejek W. Z wojny tej, z wojny złej...* Warszawa, 1978. S. 405, 409–410. Рышард Назаревич в значительной степени опирался на воспоминания Махеека в своей книге: *Nazarewicz R. Nad górną Wartą i Pilicą. PPR, GL i AL w Okręgu Częstochowsko-Piotrkowskim w walce z hitlerowskim okupantem (1942–1945)*. Warszawa, 1964. Ср.: *Paczyńska I. Op. cit.* S. 215–216.

² См.: *Chodakiewicz M. J. Po Zagładzie. Stosunki polsko-żydowskie 1944–1947*. Warszawa, 2008.

³ *Kołaciński W. „Żbik”, Między młotem a swastyką*. Warszawa, 1991. S. 169–171. В. Колачиньский писал, что в его отряде было трое военнопленных: одного из них ликвидировали за распространение коммунистических идей, двое остальных были исключены из отряда в 1944 г.

остаются безымянными. После посещения такого кладбища в деревне Шебне польский лауреат Нобелевской премии Вислава Шимборская, приняв близко к сердцу анонимность могил красноармейцев, написала проникновенные стихи, в которых указала на ограниченность работы историков:

Вот поле. На каждого сколько травы приходится? [...]
Историю смерть до нулей округляет.
Ведь тысяча и один – это тыща¹.

¹ Шимборская В. Голодный лагерь под Яслем // Ахматова А. Собр. соч. Т. 8. Переводы 1950–1960-е годы. Сост. Н. В. Королева. М., 2000, 2005. С. 457.

Ян Данилюк

СОВЕТСКИЕ ВОЕННОПЛЕННЫЕ В ГДАНЬСКОМ ПОМОРЬЕ^{1*} И КУЯВИИ В ГОДЫ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ (избранные вопросы)

В небольшой кашубской деревне Стажиньски Двур Пуцкого повята Поморского воеводства у дороги стоит памятник. Он представляет собой образ сидящего советского солдата в шинели и шапке со звездой. У него нет оружия, голова опущена, а уставшее лицо он подпирает руками. Обновленная в 2005 г. надпись рассеивает все сомнения, кому именно посвящен этот монумент: «Замученным солдатам Красной армии, военнопленным гитлеровского режима в 1942–1945 годах».

Исключительность памятника не только в его редко встречающейся форме (автор – известный гданьский скульптор проф. Вавжинец Самп), но и прежде всего в том, что он посвящен не советским солдатам, которые сражались и гибли на территории современной Польши в 1944–1945 гг., а именно военнослужащим, попавшим в немецкий плен, где они принудительно трудились и где, как правило, умирали на протяжении 1941–1945 гг. Вызывает интерес и само место, где поставлен памятник. Поводом для его установки именно в этой деревне было, скорее всего, обнаружение после войны общих могил с останками около 40 советских военнопленных, расстрелянных немцами в 1942–1943 гг. Они использовались в этом районе на дорожных работах и в сельском хозяйстве².

Деревня Стажиньски Двур – это, по сути, всего лишь одно из многочисленных мест, где мог бы стоять такого рода памятник. В бывшем XX Военном округе

^{1*} В тексте дословно «Привисленское Поморье» – название региона, неиспользуемое в русскоязычной традиции. У этого региона есть также название «Восточная Померания», которое использовалось в период Второй мировой войны в советских сводках. В историю Великой Отечественной войны вошла Восточно-Померанская операция 1945 г. вооруженных сил СССР против фашистской Германии. Поскольку в тексте речь идет о современной территории Польши, при переводе было выбрано польское название региона, также функционирующее в русской традиции. *Прим. пер.*

² О могилах вспоминал: *Matynia J.* Na szlakach walki i męczeństwa województwa gdańskiego 1939–1945. Gdynia, 1967. S. 53. Памятник был поставлен в 1970-е гг.

(ВО) и Оборонительном районе Гдыни¹, территорию которых с определенной долей упрощения можно приравнять к территории современного Гданьского Поморья и Куявии, действовало несколько крупных лагерных центров для военнопленных (основных лагерей и их отделений), а также насчитывавших, скорее всего, сотни рабочих команд для советских военнопленных. Их массовые захоронения во многих местах были также открыты после войны.

Несмотря на то, что после окончания Второй мировой войны прошло более 70-ти лет, до сих пор мало что известно о военнопленных, попавших на территорию Гданьского Поморья и Куявии. В особенности ощущается нехватка научного труда обобщающего характера, в котором была бы сделана попытка описания функционирования учреждений для военнопленных и пребывания самих военнопленных на упомянутой территории². На сегодняшний день наряду с публикациями справочного характера³, где кратко представлена лишь основная ин-

¹ XX Военный округ (XX Wehrkreis) был создан 26 октября 1939 г. на основе существовавшей до этого военной административной единицы Гданьск–Западная Пруссия (Militärbezirk Danzig–Westpreussen). Территория нового округа практически совпадала с одновременно созданной гражданской административной единицей Рейха – Данциг–Западная Пруссия (Reichsgau Danzig–Westpreussen). XX ВО включал территорию бывшего Вольного города Гданьска, большую часть довоенного Поморского воеводства (за исключением Нешавского и Влодавского повятов, которые были включены в XXI ВО), часть бывшего Варшавского воеводства, а также шесть в наибольшей степени выдвинутых на запад районов (Kreis) провинции Восточная Пруссия. Из управления XX ВО была исключена только Гдыня и восточная часть бывшего Морского повята (во время войны Вейхеровский повят: Kreis Neustadt), которые должны были находиться в непосредственном ведении командования военно-морского флота (Kriegsmarine) в Гдыни. См.: Bundesarchiv-Militärarchiv Freiburg i Breisgau (BA-MA), Rüstungsinspektion XX (Zoppot) (Rüln XX). RW 20-20/8, Geschichte der Rüstungsinspektion des Wehrkreises XX. (1 IX) 1 XI 1939 bis 30 IX 1940. В. д. К. 5; BA-MA, Wehrkreiskommando XX Danzig (WKdo XX), RH 53-20/14, Errichtung des Wehrkreises XX, 23 X 1939. К. 27; BA-MA, WKdo XX, RH 53-20/17, Unterbringung der Ers. Truppen im Bereich des Wehrkreises XX (Stand Ende Dezember 1939) [карта]. К. 193; BA-MA, WKdo XX, RH 53-20/20, Wehrersatzdienststellen im Bereich des Wehrkreises XX (Stand: Ende Januar 1940) [карта]. К. 81; Die Ostgebiete des Deutschen Reiches und das Generalgouvernement der besetzten polnischen Gebiete in statistischen Angaben. Berlin, 1940. S. 5, 23–30.

² Отсутствие подобного исследования тем более вызывает удивление, что уже несколько десятков лет тому назад о других военных округах в годы Второй мировой войны на современной территории Польши были написаны подобные работы. См., например: *Senft S., Więcek H.* Obozy jenieckie na obszarze Śląskiego Okręgu Wojskowego 1939–1945. Wrocław, 1972; *Bojar-Fijałkowski G.* Losy jeńców wojennych na Pomorzu Zachodnim i w Meklemburgii 1939–1945. Warszawa, 1979; *Lietz Z.* Obozy jenieckie w Prusach Wschodnich 1939–1945. Warszawa, 1982.

³ Например, *Obozy hitlerowskie na ziemiach polskich 1939–1945. Informator encyklopedyczny.* Warszawa, 1979; *Mattiello G., Vogt W.* Deutsche Kriegsgefangen- und Internierteneinrichtungen 1939–1945. Handbuch und Katalog. Lagergeschichte und Lagerzensurstempel. T. 1: Stammlager (Stalag). Koblenz, 1986; *idem.* Deutsche Kriegsgefangen- und Internierteneinrichtungen 1939–1945. Handbuch und Katalog. Lagergeschichte und Lagerzensurstempel. T. 2: Oflag, BAB, Dulag etc. Koblenz, 1987; *Kobylarz R., Sznotala K.* Wykaz niemieckich obozów jenieckich 1939–1945. Opole, 2010. Особого внимания заслуживает последняя из перечисленных работ.

формация, мы располагаем только несколькими исследованиями, в которых эти вопросы рассматриваются более подробно (непосредственно или косвенно)¹, принадлежащими Янушу Тышевичу², Марку Орскому³, Мариану Рохниньскому⁴, Габриэлю Козловскому⁵ и Яну Данилюку⁶. Следует также сказать, что данная тематика иногда раскрывается и в дипломных работах⁷, а история узников лагерей для военнопленных вызывает интерес как у отдельных людей, так и у различных обществ и организаций⁸.

Ситуация же с конкретными работами о советских военнопленных выглядит не столь благоприятно. Если за рубежом, как представляется, исследования о данной группе военнопленных относятся чуть ли не к основному направлению исследований, относящихся к истории военнопленных Второй мировой войны⁹,

¹ Здесь специально не говорится о литературе, касающейся польских военнопленных, которые на интересующей нас территории находились совсем недолго (практически все польские солдаты, которые попали в немецкий плен, были вывезены из XX ВО в марте-апреле 1940 г.).

² *Tyszewicz J.* Stalag XX A obóz jeńców wojennych w Toruniu w latach 1939–1945 // *Zapiski Historyczne* (Towarzystwa Naukowego w Toruniu). 1976. T. 41. Z. 1. S. 51–80.

³ *Orski M.* Obóz jeńców słowackich (listopad 1944 – maj 1945) // *Rocznik Gdyński*. 1991. № 10. S. 129–135; *idem.* Losy powstańców słowackich w obozach niemieckich na Pomorzu Gdańskim: listopad 1944 – maj 1945. Gdańsk, 2008; *idem.* Losy jeńców wojennych i internowanych więźniów cywilnych w obozach Wehrmachtu na Pomorzu w latach 1939–1945 // *Stutthof. Zeszyty Muzeum*. 2013. № 1 (11). S. 11–78.

⁴ *Rochniński M.* Obóz jeńców wojennych w Toruniu. Stalag XX A i XX C 1939–1945 // *Pomorze i Kujawy*. 2000. № 4 (11). S. 19–24.

⁵ *Kozłowski G.* Niektóre dane do statystyki zatrudnienia jeńców wojennych w gospodarce Okręgu Rzeszy Gdańsk–Prusy Zachodnie w latach 1939–1942 // *Zeszyty Muzeum Stutthof*. 1976. № 1. S. 191–205.

⁶ *Daniluk J.* Wykorzystanie siły roboczej jeńców wojennych w XX Okręgu Wojskowym w latach II wojny światowej (zarys problemu) // *Łambinowski Rocznik Muzealny*. Jeńcy wojenni w latach II wojny światowej. 2012. T. 35. S. 17–35.

⁷ Интерес представляет магистерская работа Мачея Флиса, защищенная на истфаке Гданьского университета: *Flis M.* Stalag XX B/Z – obóz jeniecki w Gdańsku-Oliwie. Gdańsk, 2012.

⁸ Достаточно много необходимой информации о торуньских лагерях для военнопленных содержит Интернет-сайт Фонда Военно-исторического музея г. Торунь (<http://muzeumhw.pl> [14.03.2012]). Научно-популярный текст, посвященный лагерю для военнопленных XX A, на сайте 1 Материально-технической базы в г. Торунь (www.1bmt.wp.mil.pl [21.04.2012]). Шта-лагу в Мальборке посвящена интернет-страница частного лица (<http://starymalbork.blogspot.com> [15.11.2011]; с 2012 г. страница находится на реконструкции). Кроме того, отдельную информацию о торуньском лагере или шталагах в Мальборке можно найти на англоязычных сайтах, таких, например, The National Ex-Prisoner of War Association (www.prisonerofwar.org.uk [21.04.2012]) или The Wartime Memories Project (www.wartimememoriesproject.com [21.04.2012]).

⁹ В первую очередь следует указать работы: *Otto R.* Wehrmacht, Gestapo und sowjetische Kriegsgefangene im deutsche Reichsgebiet 1941/1942. München, 1998; *Keller R.* Sowjetische Kriegsgefangene im Deutschen Reich 1941/1942. Behandlung und Arbeitseinsatz zwischen

то в польской историографии все еще ощущается нехватка подобных работ¹. Что касается территории Гданьского Поморья и Куявии, до сих пор не было проведено систематических исследований о советских военнопленных за период 1941–1945 гг. и пока не написана научная монография на данную тему.

В связи с этим в задачи данной статьи входит начальная систематизация различного рода информации о советских военнопленных, которые в годы Второй мировой войны попали в лагеря и рабочие команды в Гданьском Поморье и Куявии. Она посвящена нескольким избранным вопросам. Большая часть представленных данных была извлечена из архивных материалов о деятельности органов немецкой военной администрации XX ВО. До сих пор эти материалы, касающиеся территории Гданьского Поморья и Куявии, так широко не использовались. Данную статью следует рассматривать как начальный этап столь необходимого изучения истории военнопленных (прежде всего, именно советских военнопленных), попавших в лагеря, расположенные в XX ВО, и находившихся там в годы Второй мировой войны.

Самым крупным учреждением, в котором содержались советские военнопленные на территории Гданьского Поморья и Куявии в годы Второй мировой войны, был лагерь в Торуни – Mannschafts-Stammlager (Шталаг) XX С (312)², который иногда именовали как Sowjethaide³ или Kopernikus Lager Thorn. Решение

Vernichtungspolitik und kriegswirtschaftlichen Zwängen. Göttingen, 2011). Стоит также обратить внимание на статью *Otto R., Keller R., Nagel J.* Sowjetische Kriegsgefangene in deutschem Gewahrsam 1941–1945. Zahlen und Dimensionen // Vierteljahrshefte für Zeitgeschichte. 2008. № 4. Р. 557–602. Кроме того, необходимо упомянуть книги: *Streit Ch.* Keine Kameraden. Die Wehrmacht und die sowjetischen Kriegsgefangenen 1941–1945. Stuttgart, 1978; *Streim A.* Die Behandlung sowjetischer Kriegsgefangener im «Fall Barbarossa». Eine Dokumentation. Unter Berücksichtigung der Unterlagen deutscher Strafverfolgungsbehörden und der Materialien der Zentralen Stelle der Landesjustizverwaltungen zur Aufklärung von NS-Verbrechen. Heidelberg-Karlsruhe, 1981; *Reuß E.* Kriegsgefangenen im 2. Weltkrieg: wie Deutsche und Russen mit ihren Gegnern umgingen. Berlin, 2010.

¹ Из числа монографий работ можно сослаться только на одну: *Marczyk W.* Jeńcy radzieccy w niewoli Wehrmachtu na ziemiach polskich w latach 1941–1945. Opole, 1987. Частично военнопленным посвятил свою работу Юлиан Тобиаш (*Tobiasz J.* Na tyłach wroga. Obywatele radzieccy w ruchu oporu na ziemiach polskich 1941–1945. Warszawa, 1972), хотя к части представленной им информации следует относиться с осторожностью.

² Двойная нумерация являлась следствием желания сохранить очередность в нумерации лагерей для военнопленных в данном округе (римская цифра означает номер военного округа, на территории которого находился лагерь, буква алфавита относится ко времени создания данного лагеря). Она также отражала намерение определить его функции, как лагеря, предназначенного для советских военнопленных (нумерация всех учреждений этого типа состояла из трех цифр и начиналась с цифры 3; лагеря, которые были созданы на первом этапе, обозначались номерами 301–330, на следующем – 330–360. См.: *Otto R.* Op. cit. Р. 34).

³ Дословно «советский дремучий лес» или «советская степь» – это название должно было подчеркивать мнимую «дикость» советских военнопленных (*Heide* – дремучий лес или степь, в данном случае место, в котором могут находиться «дикие», неотесанные и далекие от цивилизации люди). См.: *Tyszewicz J.* Op. cit. S. 57.

о его создании было принято на секретном заседании командиров по вопросам военнопленных (*Kommandeure der Kriegsgefangenen*), на которой присутствовали представители из более чем 20-ти военных округов и офицеры из Управления по делам военнопленных в Берлине. На этом заседании было объявлено о планах нападения на СССР летом 1941 г. и намечены практические шаги для того, чтобы в отдельных округах создать лагеря для военнопленных, предназначенных для волны советских солдат, которые, как ожидалось, попадут в немецкий плен. Изначально, согласно плану, XX Военный округ должен был принять около 50 тыс. военнопленных.

В середине марта 1941 г. в Майнце, на территории XII ВО, началось формирование 12-го Запасного стрелкового батальона (*Landeschützen-Ersatz-Bataillon 12*), который должен был проходить службу в планируемом лагере для советских военнопленных в XX ВО. В конце марта было принято, скорее всего, окончательное решение в вопросе выбора места для шталага. Новый лагерь должен был быть размещен в южной части Торуня (*Thorn-Süd*), обширной территории, тянувшейся от Торуня-Подгуже до деревни Глинка. В начале апреля, после завершения основных учений 12-го Запасного стрелкового батальона, его солдаты были переданы в ведение созданной комендатуры Шталага XX С (312). Задача по созданию штаба в новом лагере была поручена комендатуре Шталага XII А из Лимбурга в земле Гессен. В мае 1941 г. командование XII ВО окончательно передало соединение командованию XX ВО¹. При этом формально Шталаг XX С (312) существовал уже с конца апреля 1941 г.²

В связи со спешкой в подготовке каждого лагеря рекомендовалось вначале лишь оградить его территорию и обеспечить охрану. На начальном этапе подобным образом выглядел и Шталаг XX С: его строительство началось с ограждения обозначенной территории колючей проволокой. Для выполнения этого использовалась одна рабочая команда из британских военнопленных. Основным этапом строительства лагеря XX С пришелся на лето и осень 1941 г., т.е. на то время, когда в шталаге уже находились советские военнопленные. В первую очередь были построены дороги и здания для лагерной администрации, а также хозяйственные постройки, и лишь затем – бараки для самих военнопленных. Эти работы продолжались (с перерывом) и в дальнейшем. Следует подчеркнуть, что мест в самих бараках никогда не хватало, в связи с чем часть военнопленных были вынуждены находиться за пределами предназначенных для этого зда-

¹ Ibidem. S. 55–56; *Otto R. Op. cit.* P. 97; BA-MA, *Nachlaß Wilhelm Keitel* (Keitel), N 54/14, *Aussagen des Generalleutnants der deutschen Wehrmacht A. D. von Österreich, Kurt, des ehemaligen Kommandanten der Kriegsgefangenen des Danziger Wehrkreises XX, 28 XII 1945* (*Aussagen gen. v. Österreich*). P. 1–2 *wew. pag.*

² *Otto R. Op. cit.* P. 36.

ний¹. К моменту немецкого нападения на СССР лагерь XX С (312) был одним из 19-ти такого типа учреждений (Russenlager) на территории Третьего рейха. Самое большое количество шталагов, а именно по четыре, имелось во II и XI ВО, по три было в IV и VIII ВО, по два – в VI ВО и по одному – в X, XX и XXI ВО².

Шталаг XX С (312) действовал в качестве отдельного учреждения чуть более года. Решением военных властей от 18 июня 1942 г. его комендатура стала формально подчиняться командованию Шталага XX А (этот шаг был продиктован экономией)³. В последующие годы Шталаг XX С (312) действовал в качестве филиала основного лагеря для военнопленных в XX ВО, а именно – Шталага XX А⁴. Кроме Шталага XX С советских военнопленных поместили также в Шталаг XX В и отделение (Zweiglager) этого Шталага в Гданьске-Оливе⁵. Этот последний был, впрочем, самым большим из числа подчинявшихся администрации лагерей советских военнопленных на описываемой территории (после Шталага 312), который был полностью занят ими в конце 1941 г. Лагерь существовал как минимум с конца 1940 г.⁶. На него стоит обратить внимание и с точки зрения цели, ради которой он создавался: изначально содержащиеся в нем военнопленные должны были строить на вершине мареновых холмов в Гданьске крупный учебный комплекс для немецких сухопутных войск (Heeres-Kriegsschule). В связи с тем, что на реализацию данного проекта предполагалось затратить огромные средства, как финансовые, так и материальные, проект в конечном счете был заморожен. Завершить его предполагалось уже после войны (согласно немецким прогнозам, около 1950 г.). Скорее всего, в связи с нехваткой мест для узников

¹ Tyszewicz J. Op. cit. S. 55–56; BA-MA, Keitel, N 54/14, Aussagen gen. v. Österreich. P. 1–2 wew. pagn.

² Otto R. Op. cit. P. 39.

³ BA-MA, WKdo XX, RH 53-20/25, Tätigkeitsbericht des Stellv. Gen. Kdo. XX AK (Wehrkreiskdo. XX Danzig) (TTB WKdo XX) 1–30 VI 1942, запись от 18 VI 1942. К. 85. Рольф Келлер сообщает, что Шталаг XX С (в качестве самостоятельной единицы) был ликвидирован лишь в июле. См.: Keller R. Op. cit. P. 487.

⁴ Если комендатуре Шталага XX В подчинялся основной лагерь в Мальборке (Stalag XX В) и его два отделения в Гданьске (Stalag B/Z Danzig-Bischofsberg oraz Stalag B/Z Danzig-Oliva), то комендатуре Шталага XX А подчинялся основной Шталаг XX А, Шталаг XX С (312) и Офлаг XX А (Fort XI), в котором содержались высшие французские офицеры и какое-то время – главнокомандующий норвежской армией генерал-инспектор Отто Руге. См.: BA-MA, WKdo XX, RH 53-20/27, Anlage zu Stellv. Kdo. XX A.K. Id Nr. 371/42 geh. (перечень в рукописной форме), b. p.; BA-MA, WKdo XX, RH 53-20/29, ehrkreiskommando XX, Stand: 1 X 1943 (перечень в рукописной форме). К. 96.

⁵ Stalag XX B/Z Danzig-Oliva. Если точно, лагерь был размещен в той части Гданьска, которая сегодня носит название VII Двур (между жилым кварталом Стжижа и районом Олива). Исходя из практических соображений, далее в тексте это учреждение будет называться Оливским отделением.

⁶ На конец декабря отделение должно было насчитывать 950 военнопленных, в основном французов и бельгийцев. См.: Daniluk J. Op. cit. S. 27.

летом 1941 г. было окончательно решено заменить военнопленных из западных стран в этом лагере советскими военнопленными (бельгийцы и французы были направлены в другие учреждения)¹. Это учреждение действовало подобным образом – как и остальные лагеря и второе отделение Шталага XX В в районе Гданьска – Бискупя Гурка – до первых недель 1945 г.

Попытка восстановления этапов прохождения транспорта советских военнопленных в XX ВО в 1941–1944 гг., а также более-менее точного определения их числа на описываемой территории, вызывает большие трудности, прежде всего из-за фрагментарности сохранившейся источниковой базы. В отличие от военнопленных остальных стран антигитлеровской коалиции (в особенности британских), находившихся в лагерях, которые достаточно регулярно посещали представители Международного Комитета Красного Креста (МККК)², Юношеской христианской ассоциации (ИМКА³) или дипломаты США⁴, относительно советских военнопленных нет столь подробной и одновременно разнородной документации, которая могла бы дополнить сохранившуюся материалы немецкой военной администрации. Польские военнопленные, военнопленные союзных армий или даже итальянские заключенные, помещенные в лагеря для военнопленных Гданьского Поморья и Куявии, были привезены в короткие сроки, а их количество в общем не подвергалось сильным колебаниям. В случае советских военнопленных сложилась иная ситуация: хотя первая волна была направлена в XX ВО в течение шести месяцев после германского нападения на СССР, в последующем их количество часто менялось, причем в значительно бóльшей степени, чем узников других стран.

¹ Из анализа данных, полученных из Обобщенного банка данных «Мемориал» о советских военнопленных в Гданьске, следует, что еще в конце 1941 г. иногда место смерти военнопленных в Гданьске-Оливе называли «Kriegsschule» («военная школа»). Первые советские военнопленные попали в отделение в Оливе не позднее 10 сентября 1941 г. Сначала они находились в Шталаге 312 (XX С) и лишь потом оттуда (т.е. из Торуня) перевозились в Гданьск. См.: Flis M. Op. cit. S. 49–56.

² Comité International de la Croix-Rouge (CICR). Документация CICR в настоящее время хранится в историческом архиве МККК в Женеве (Archives historiques du CICR (ACICR)). Автор хотел бы поблагодарить д-ра Даниэля Палмера из Исторического архива МККК за получение заверенных копий избранных отчетов делегатов МККК, а также Ярослава Василевского за перевод документов с французского языка. Большая часть копий отчетов МККК (переведенных на немецкий язык) находится сейчас в Политическом архиве МИД Германии в Берлине (Politisches Archiv des Auswärtigen Amtes (PAAA)).

³ Young Men's Christian Association. Отчеты представителей ИМКА, посещавших Шталаги XX А и XX В хранятся в BA-MA, в фонде MSg 194 – Evangelisches Hilfswerk e.V.: Kriegsgefangenen-, Kriegsverurteilten- und Interniertenbetreuung [Ev. Hilfswerk], в прошитых делах с шифрами: MSg 194/54, MSg 194/57, MSg 194/60-61 oraz MSg 194/64-66.

⁴ Например, BA-MA, WKdo XX, RH 53-20/20, [письмо Джеферсона Паттерсона из Посольства США майору Виттмеру, коменданту Шталага XX А, 21 V 1940]. К. 50; BA-MA, WKdo XX, RH 53-20/21, KTB 1 VII 1940-31 XII 1940, запись от 1 X 1940, b. p.

Первый транспорт с советскими военнопленными прибыл в лагерь в XX ВО в конце июля – начале августа (с полной уверенностью можно сказать, что между 21 июля и 10 августа 1941 г.). Во вторую неделю августа в Торуне должно было находиться 2 тыс. советских военнопленных, а через почти два месяца (т.е. 1 октября) – уже около 11 тыс. Это количество затем резко снизилось: – до 6725 в начале ноября и до 5002 – в начале декабря¹. Большинство советских военнопленных, которые оказались с лета 1941 г. по февраль 1942 г. в Гданьском Поморье и Куявии, сначала попадало в Торунь², а лишь оттуда направлялось далее, в Шталаг XX В в Мальборке³ и в Гданьск⁴. Этим, кроме высокой смертности (о чем пойдет речь далее), можно объяснить резкое изменение количества военнопленных в торуньском лагере в октябре и в ноябре 1941 г.

В последующее два месяца (т.е. до конца 1941 г. и в январе 1942 г.) были привезены новые военнопленные в количестве около 4,7 тыс. Как представляется, они в большинстве своем сразу, минуя Торунь, попали непосредственно в лагерь. В Шталаге XX С (312) в январе 1942 г. насчитывалось уже только 4313 советских военнопленных, а на 1 февраля – 3661. В это время во всем XX ВО советских военнопленных было всего 8454⁵. Это составляло около 2,7% от общего числа советских военнопленных, находившихся на тот момент в немецком плену на территории Третьего рейха, которых насчитывалось более 311 тыс.⁶

До конца января 1942 г. из около 15 730 советских военнопленных, которые к этому времени были привезены на территорию XX ВО, официально в связи с «общим ослаблением» (*allgemeine Körperschwäche*) от болезней желудочно-кишечного тракта и сыпного тифа умерло 4734 чел.⁷. Через два последующих меся-

¹ Ср.: *Otto R.* Op. cit. P. 97; *Keller R.* Op. cit. P. 485.

² Рольф Келлер сообщал, что самым высоким номером (зарегистрированным до конца 1941 г.) советского военнопленного, попавшего в Шталаг XX С, был № 13 768. См.: *Ibidem.* P. 484. В статье, написанной им в соавторстве, появляется информация, что самым высоким зарегистрированным номером советского военнопленного был номер 15 963 – общим для всего периода существования «*Russenlager*» в Торуне (т.е. до июня 1942 г.). См.: *Otto R., Keller R., Nagel J.* Op. cit. P. 572).

³ *Keller R.* Op. cit. P. 367. В т.н. женевской статистике советские военнопленные в Шталаге XX В отмечены впервые лишь в начале декабря 1941 г. Их должно было быть в лагере под Мальборком 4088. См.: *Bundesarchiv Ludwigsburg, Zentrale Stelle der Landesjustizverwaltungen in Ludwigsburg, B 162/15281, Stalag XX В Marienburg, 31 X 1969.* K. 71.

⁴ См. сноску 25.

⁵ BA-MA, WKdo XX, RH 53-20/25, TTB WKdo XX 1-30 VI 1942, запись от 31. 01. 1942. K. 19; *Keller R.* Op. cit. P. 486.

⁶ Количество всех военнопленных (с делением на национальности) для периода 1942–1944 гг. дает в своей работе Стефан Гек. См: *Geck S.* *Das deutsche Kriegsgefangenenwesen 1939–1945* (дипломная работа в Майнцском университете им. И. Гуттенберга, 1998 г.). P. 39. Статистические данные по февралю 1942 г. С. Гек приводит по: BA-MA, *Allgemeines Wehrmachtsamt, RW 6/534, Kriegsgefangene am 1 II 1942.* K. 9.

⁷ BA-MA, WKdo XX, RH 53-20/25, TTB WKdo XX 1-30 VI 1942, запись от 31.01.1942. K. 19.

ца количество умерших в этой группе военнопленных уже составляла 5460 чел. Рост смертности был вызван в первую очередь катастрофическими условиями в лагере в зимний период и одновременно отсутствием медицинской помощи. Военнопленные были размещены в не отапливаемых помещениях, в бараках отсутствовали полы; не хватало мест на нарах, поэтому часть узников спала просто на земле. Недоставало также основных санитарных приспособлений, временами также и воды. Военнопленные не были обеспечены соответствующим достаточным количеством пищи, а та, которая им доставалась, имела низкую ценность (низкокалорийная)¹. Уменьшение количества смертей отмечается в первые месяцы весны. В апреле, мае и июне отмечается «только» 185, 190 и 165 смертей (соответственно). Таким образом, в середине 1942 г. общее количество смертельных случаев среди советских военнопленных в XX ВО (с момента их появления на его территории) достигло 6 тыс.². К концу июня 1942 г. в живых оставалось уже только около 8150³.

Стоит обратить внимание еще на один вопрос. В данных, касающихся советских военнопленных⁴, приведенных в конце января 1942 г., немецкие военные власти, возможно косвенно, раскрывают приблизительное количество казненных советских солдат – около 2540 чел.⁵. Представляется маловероятным, что эта разница – следствие, например, перевозки военнопленных в учреждения, расположенные в других военных округах (до сих пор не найдено никаких упоминаний о подобном транспорте в упомянутый период). Частично подтверждают это показания уже цитируемого генерала Курта фон Остеррайха, который сообщил, что власти Торуньского шталага передали спецотделу Службы безопасности СС (*Sonderkommando der SD*) для ликвидации группу советских военнопленных. Хотя прямо о дате не сообщается, но из контекста показаний следует, что это должно было произойти до конца 1941 г. Следует добавить, что фон Остеррайх упоминал только о приблизительно 1200 казненных советских военнопленных⁶.

Разница между суммой всех случаев смерти советских военнопленных (с начала их нахождения в XX ВО – 6 тыс.) и их количеством к 30 июня 1942 г. (око-

¹ *Tyszewicz J.* Op. cit. P. 71–72.

² BA-MA, WKdo XX, RH 53-20/25, TTB WKdo XX 1-30 VI 1942, запись от 31.03.1942. К. 50; *Ibidem*, запись от 30.04. 1942. К. 65; *Ibidem*, запись от 31.05.1942. К. 79; *Ibidem*, запись от 30.06.1942. К. 89.

³ *Ibidem*.

⁴ Общее количество военнопленных, находившихся на тот момент на территории XX ВО – 8454; количество смертей, вызванных болезнями и «общим ослаблением» – 4734.

⁵ Результат разницы между суммой двух выше перечисленных цифр (сноска №39) и общим количеством привезенных военнопленных на территорию XX ВО с конца июля по начала августа, т.е. около 15 730.

⁶ BA-MA, Keitel, N 54/14, Aussagen gen. von Österreich. P. 5 wew. pagin.

ло 8150), то есть около 14 150, при общем количестве привезенных в XX ВО (к концу января 1942 г. – 15 730 чел.) частично объясняется прибытием двух транспортов военнопленных, последовавших в феврале и июне 1942 г. Всего около 1520 советских военнопленных было вывезено тогда на кораблях в сторону Финляндии¹. Остающаяся разница (около 100 чел.) может быть следствием небрежного ведения записей. Одновременно в апреле 1942 г. отмечается одноразовый рост количества советских военнопленных (до 9052 чел.)². Других случаев вывоза из XX ВО (с середины июля–августа 1941 г. до конца июня 1942 г.) или прибытия новых транспортов, привозивших военнопленных (с февраля до конца июня 1942 г., за исключением уже упомянутого апрельского), которые могли бы приведенные данные принципиальным образом исказить, скорее всего, не было (о них нет записей в сохранившейся документации администрации XX ВО)³.

С весны 1942 г. до середины 1944 г. количество советских военнопленных в XX ВО постепенно сокращалось (за небольшим исключением). Если с конца июня 1942 г. на рассматриваемой территории пребывало около 8150 советских

¹ В отчетах немецкого военно-морского флота отмечено, что в связи с плохими условиями в гданьских лагерных отделениях следует перевести часть советских военнопленных в другие учреждения для военнопленных. См.: BA-MA, Kriegsmarinedienststellen (KMD), RM 108/113, Kriegstagebuch des Admirals der Kriegsmarinedienststelle Danzig (KTB KMD Dzg) für die Zeit vom 1 I bis 31 III 1942 (1 I–31 III 1942), запись от 9.02.1942. К. 124; Ibidem. KTB KMD Dzg 1 IV–30 VI 1942, запись от 21.06.1942. К. 140.

² 30 марта 1942 г. в XX ВО находилось всего 7862 советских военнопленных, через месяц – уже 9052 чел. (прибыло 1190 чел.). См.: BA-MA, WKdo XX, RH 53-20/25, TTB XX WKdo 1-30 VI 1942, запись от 31.03.1942. К. 50; Ibidem, запись от 30.04.1942. К. 65. Этот рост численности военнопленных нашел также частичное отражение в данных, касающихся количества советских военнопленных в Шталаге XX С (312): на 1 апреля 1942 г. их там числилось 3262 чел., а на 1 мая – уже 4158 чел. (Keller R. Op. cit. P. 486).

³ Януш Тышевич на основании т.н. женевской статистики сообщает, что количество советских военнопленных только в Шталаге XX С выросло с 3262 в апреле 1942 г. до 4158 в мае 1942 г. (Tyszewicz J. Op. cit. S. 66). Однако следует помнить, что данные, приводимые женевской статистикой, не являются достоверным источником в той части, которая касается действительного количества военнопленных, находившихся на территории XX ВО, и тем более в том, что касается транспортов групп военнопленных. Факт прекращения прибытия транспортов советских военнопленных в 1941 г., или же в январе 1942 г. (за исключением транспорта, пришедшего в апреле 1942 г.), как представляется, подтверждается признаниями цитируемого уже генерала фон Остеррайха. Он сообщил о 12–13 больших транспортах советских военнопленных (каждый из которых насчитывал 1–1,5 тыс. чел.), которые пришли в XX ВО до лета 1942 г., когда генерала перевели на Украину. Если верить этому сообщению, при сопоставлении с приводимыми выше данными, касающимися количества советских военнопленных в Гданьском Поморье и Куявии (начало августа 1941 г. – около 2 тыс., начало октября 1941 г. – около 11 тыс., а в конце января 1942 г. – около 15,7 тыс.), все или большая часть (открытым остается вопрос лишь по январю 1942 г.) транспортов, перечисленных генералом фон Остеррайхом, прибыли во второй половине 1941 г., а с февраля по июнь 1942 г. фактически был только один привоз советских военнопленных – в апреле (1190 чел.).

военнопленных¹, то уже в конце января 1943 г. их было 7546, в марте 1943 г. – 7100, в июне 1943 г. – 6836, а в июле 1943 года – всего 5791². Правда, на протяжении следующих нескольких недель количество военнопленных увеличилось (в начале августа 1943 г. их было уже 6221, а спустя месяц – даже 6845³). Однако уже осенью их число начало постепенно уменьшаться. 1 января 1944 г. в XX ВО находился 6601 советский военнопленный⁴.

Практически для всего 1944 г. отсутствуют достоверные данные по количеству военнопленных (в том числе советских) на территории XX ВО. Лишь опираясь на т.н. женевскую статистику для Шталага XX А⁵, можно с осторожностью предположить, что небольшое количество советских военнопленных поступало в январе, а затем – в апреле 1944 г. Ситуация начала динамически меняться лишь во второй половине года. Количество советских военнопленных заметно выросло в августе и сентябре, а затем (резко) – в последнем квартале 1944 г. Это было связано, прежде всего, с эвакуацией лагерей для военнопленных, в т.ч. советских военнопленных, с восточных территорий, на которые наступали части Красной армии. В октябре во всем XX ВО было уже 15,8 тыс. советских военнопленных⁶, а в начале декабря – 20 025. На всей территории Гданьского Поморья и Куявии в это время находилось в общей сложности 49 442 военнопленных разных национальностей; таким образом, советские военнопленные на рубеже 1944–1945 гг. составляли уже более 40% от всех заключенных в XX ВО⁷.

Условия, в которых находились и трудились военнопленные, предопределили непосредственное влияние на масштаб попыток к бегству, предпринимаемых отдельными группами заключенных в лагерях и рабочих командах. В одном из немецких отчетов приводятся интересные данные по этому вопросу: до конца

¹ BA-MA, WKdo XX, RH 53-20/25, TTB WKdo XX 1-30 VI 1942, запись от 30.06.1942. К. 89.

² BA-MA, WKdo XX, RH 53-20/28, TTB WKdo XX 1 I-30 VI 1943, Februar 1943. К. 15; Ibidem, April 1943. К. 30; Ibidem, Mai 1943. К. 36; Ibidem, Juni 1943. К. 43.

³ BA-MA, WKdo XX, RH 53-20/29, TTB WKdo XX 1 VII-31 XII 1943, Juli 1943. К. 6; Ibidem, August 1943. К. 12.

⁴ Ibidem, Dezember 1943. К. 42.

⁵ Ее приводит Януш Тышевич. См.: *Tyszewicz J.* Op. cit. S. 66.

⁶ В ведении комендатуры Шталага XX А в то время находилось 8316, а комендатуры XX В – 7556 советских военнопленных. В то же время общее количество британских военнопленных составляло 14 013 чел. (Шталаг XX А – 4897 чел., Шталаг XX В – 9116 чел.), французских военнопленных – 11 547 чел. (Шталаг XX А – 663, Шталаг XX В – 10 884 чел.). Всего военнопленных на 1 октября 1944 г. на территории XX ВО насчитывалось 43 948 чел. См.: BA-MA, Allgemeines Wehrmachtsamt, RW 6/276, Zusammenstellung der Kriegsgefangenen im Reich, Norwegen und in den Bereichen der Obfh. Südwest u. Südost, einschl. Luft. u. Marine, Stand: 1 X 1944. К. 26, 28.

⁷ В ведении комендатуры Шталага XX А в то время находилось 11 506 советских военнопленных, а в ведении комендатуры Шталага XX В – 8519. Британских военнопленных было тогда 14 069 (Шталаг XX А – 5002, Шталаг XX В – 9070), французских военнопленных – 11 947 (Шталаг XX А – 667, Шталаг XX В – 11 280). См.: Streim A. Op. cit. P. 396, 401.

1943 г. наибольшее число попыток к бегству (259) приписывалось именно советским военнопленным (напомним, что уже почти два с половиной года они пребывали в Гданьском Поморье и Куявии). Практически столько же попыток (257) предприняли польские военнопленные, но в течение 6-ти месяцев заключения в XX ВО (т.е. с сентября 1939 г. по апрель–май 1940 г.). Для правильной оценки приводимых данных следует помнить, что порядок надзора в учреждениях для военнопленных в начальный период (особенно осенью 1939 г.) был далек от совершенства. Господствовал хаос в связи с формированием системы военной администрации, а предпринимаемым поляками побегам способствовало несовершенное знание территории и присутствие польского гражданского населения. Следующее место при сопоставлении заняли французские (149 предпринятых попыток к бегству) и британские военнопленные (99). Отдельные случаи подобного рода были отмечены среди бельгийских военнопленных (3) и «интернированных» итальянцев (2)¹. Столь мизерное количество побегов итальянцев было следствием высокой степени их измождения: перевозимые в катастрофических условиях, они попали в XX ВО за четыре месяца до этого, в начале осенне-зимнего периода (документ, содержащий приводимую статистику, был составлен в январе 1944 г., и касался положения дел на конец 1943 г.).

Увеличение количества побегов военнопленных (прежде всего, именно советских) отмечается в 1942 г., неслучайно именно в этот период в немецкой прессе стали появляться первые сообщения о сбежавших, а также напоминания о действующих наказаниях за контакт с ними². Однако это не удерживало местное население от оказания помощи беглецам; зачастую некоторые жители делали это ценой своей жизни³. До конца февраля 1942 г. советские военнопленные предприняли 35 попыток к бегству, а на протяжении последующих трех месяцев – еще восемь. Резкий рост количества побегов происходил с поздней весны до осени 1942 г., а также весной и летом 1943 г. До конца января 1943 г. произошло всего 89 побегов. В последующие 11 месяцев было отмечено уже 170⁴ (эти данные касаются только советских военнопленных).

Возможность совершения побегов увеличилась, когда советских военнопленных начали посылать на работу за пределы лагеря. Лагеря для военноплен-

¹ BA-MA, WKdo XX, RH 53-20/29, TTB WK do XX 1 VII-31 XII 1943, Dezember 1943. К. 43.

² См., например: «Danziger Vorposten» от 23 февраля 1942 г.; «Danziger Vorposten» от 29 мая 1942 г.; «Danziger Vorposten» от 20 июня 1942 г.

³ За предоставление сбежавшим советским военнопленным убежища к смертной казни были приговорены, например, семья Варшавских (33-летний Юзеф, 31-летняя Болеслава и 35-летняя Анна-Мария) из-под Коронова в Куявии. См.: Danziger Vorposten от 3 апреля 1943 г.

⁴ Ср.: BA-MA, WKdo XX, RH 53-20/25, TTB WKdo XX 1-30 VI 1942, запись от 31 III 1942. К. 50; Ibidem, запись от 31 V 1942. К. 79; BA-MA, WKdo XX, RH 53-20/28, TTB WKdo XX 1 I-30 VI 1943, Februar 1943. К. 16; BA-MA, WKdo XX, RH 53-20/29, TTB WKdo XX 1 VII-31 XII 1943, Dezember 1943. К. 43.

ных были важным источником рабочей силы. На территории XX ВО проблемы с обеспечением нужного количества работников появились еще на протяжении первых нескольких месяцев. Это было следствием, с одной стороны, резкого перехода крупнейших предприятий на военное производство и подчинения всех отраслей экономики военным целям, с другой – слишком малого (по мнению оккупационных властей) количества немецкого населения, которое могло бы занять наиболее важные должности, предназначенные для немцев.

На начальном этапе проблема касалась, прежде всего, квалифицированных работников. Уже в конце 1939 г. для немцев начали организовывать специальные курсы переподготовки, по окончании которых они занимали новые должности на предприятиях, действовавших в наиболее важных (с точки зрения военной экономики) отраслях промышленности. В Гданьском Поморье они направлялись главным образом на судостроение, а также на предприятия машиностроения и металлообрабатывающей промышленности. Их должны были заменить на рабочих местах в первую очередь немецкие женщины и частично гражданские подневольные работники. Для последних начали, в ускоренном темпе, особенно с 1940 г., создаваться на территории округа лагеря для гражданских подневольных работников, а также шире стали использовать труд военнопленных¹. Несмотря на предпринятые шаги в этом направлении уже в 1941 г. все сильнее ощущалась нехватка рабочих рук в экономике XX ВО: поздней весной у в распоряжении военных властей уже не было контингентов пленных, которых можно было бы отправить на предприятия².

Вопрос об использовании труда советских военнопленных на территориях, являвшихся частью Третьего рейха, вызывал большие опасения и вначале – даже серьезное сопротивление в кругах военных властей³. Однако, в конечном счете решающим стали потребности военной экономики, а не идеологические соображения.

Первые советские военнопленные в XX ВО были направлены на работы уже в начале сентября 1941 г.⁴. В конце 1941 г. на принудительных работах трудилось во всем XX ВО 33 499 военнопленных, включая в общей сложности 5344 совет-

¹ Информация о ситуации на рынке труда и спроса на рабочую силу, в т.ч. об использовании военнопленных в период 1939–1941 гг., содержится в документации военной Инспекции вооружения XX Военного округа (Rüstungsinspektion XX Wehrkreis). См. фонды в BA-MA с шифром RW 20-20/8 – RW 20-20/14.

² BA-MA, Rūln XX, RW 20-20/12, Rūln XX an OKW Wehrwirtschaftsamt: Bericht über die wehrwirtschaftliche Lage der Rūln XX, 13 VI 1941. K. 104. Подробнее на эту тему: *Daniluk J. Op. cit., passim.*

³ Подробнее на эту тему в т.ч.: *Otto R. Op. cit. S. 36–38.*

⁴ 10 сентября 1941 г. началось деление на меньшие рабочие команды советских военнопленных, содержащихся в Шталаге XX С, после чего их начали отправлять на работу за пределы лагеря. См.: *Keller R. Op. cit. S. 367.*

ских военнопленных¹. Однако военные власти все еще опасались направлять их на предприятия, работавшие на немецкие вооруженные силы (Wehrmacht-Betriebe). В середине января 1942 г. указывалось, что такое решение связано с очень большим риском саботажа². Вместе с тем, согласно окончательному решению, в начале февраля 1942 г. первые советские военнопленные были высла- ны на судоверфь Шихау в Эльблонге. Планировалось, что на этом предприятии должно было использоваться по назначению 1200 советских военнопленных, кроме того, 1050 должно было быть направлено на строительные работы но- вых военных предприятий; 475 предполагалось направить в скором времени на Гданьскую судоверфь; 100 следующих – на Гданьский вагоностроительный завод, по несколько десятков – на мелкие предприятия (в общей сложности на первом этапе на предприятиях, работающих на вермахт, или на их строитель- стве должно было оказаться более 2930 советских военнопленных)³. Несмотря на предписания не направлять русских на те предприятия, где работают поляки (гражданские подневольные работники), из опасения риска саботажа или со- вместных побегов, подобных ситуаций избежать не удалось⁴.

В связи с растущей потребностью в рабочей силе военные власти ХХ ВО со- здали в 1942 г. также специальные комиссии, которые должны были изучить и отобрать советских военнопленных в наибольшей степени пригодных для работы в отдельных секторах военной экономики. До конца мая 1942 г. было изучено с этой точки зрения 8461 чел., и на каждого была заведена особая папка с персональными данными. Большая часть военнопленных (около 90%), прошедших через военные комиссии, были молодыми людьми, родившиеся в период с 1910 по 1920 гг. Примерно половина военнопленных была класси- фицирована как пригодная для работы в сельском хозяйстве; 12% – в качестве возможных квалифицированных рабочих в металлообрабатывающей промыш- ленности (еще 13% были признанными годными пройти переобучение в этой отрасли); 7,3% – в качестве будущих рабочих строительной отрасли, а оставши- еся (19,1%) – в качестве работников в текстильном, швейном, пищевом произ- водстве и угледобывающей промышленности⁵.

В связи с намерением направить часть советских военнопленных в отрас- ли, работавшие на вермахт, военная администрация приняла решение продол-

¹ BA-MA, Rūln XX, 20-20/14, Rūln XX an OKW Wehrwirtschaftsamt: Bericht über die wehrwirtschaftliche Lage der Rūln XX, 13 XII 1941. K. 17.

² Ibidem, Rūln XX an OKW Wehrwirtschaftsamt: Bericht über die wehrwirtschaftliche Lage der Rūln XX, 13 I 1942. K. 37.

³ Ibidem, Rūln XX an OKW Wehrwirtschaftsamt: Bericht über die wehrwirtschaftliche Lage der Rūln XX, 11 II 1942. K. 60.

⁴ Ibidem.

⁵ BA-MA, Rūln XX, RW 20-20/10, Geschichte der Rūln XX des Reichsministers für Bewaffnung und Munition, 1 I 1941-31 V 1942, 29 VII 1942. K. 13.

жить (значительно ограниченные или вообще прекратившиеся ранее) работы по расширению количества бараков в каждом из лагерей и рабочих командах¹, а также улучшить санитарные условия и медицинское обслуживание (например, дополнительные аппараты для дезинфекции, выделение особых зон при госпиталях), на что, возможно, определенное влияние оказали также случаи заражения тифом в конце 1941 – начале 1942 гг. не только советских военнопленных, но и лагерной охраны в Торуне и одной из медсестер гданьского госпиталя, которая оказывала помощь больному военнопленному (немка в скором времени умерла)². Позднее незначительное улучшение произошло и в условиях труда³.

Процент советских военнопленных, которые в плену работали в самих лагерях или рабочих командах, колебался на протяжении 1943 г. (только по этому году сохранились полные данные) от 84% до 92%. Подобный высокий процент работающих военнопленных наблюдался среди удерживаемых в плену сербских (79–89%) и британских солдат, хотя в последнем случае диапазон был меньше (88–91%). Меньше работало французов – от 69 до 79%, а также бельгийцев – в среднем всего лишь каждый второй (52%) до четвертого квартала; с октября их процент вырос, однако, до примерно 70%. В то же самое время на работы попали первые «интернированные итальянцы» – в последнем квартале 1943 г. трудилось уже 89–92% из них. Так же, как и другие группы, большинство советских военнопленных были задействованы в гражданском секторе, в основном в сельском хозяйстве⁴. Из советских военнопленных создавались замкнутые, однородные рабочие команды, в отличие, например, от французов и бельгийцев.

На основании доступных источников сложно установить (даже приблизительно) количество разных по размеру рабочих команд советских военнопленных, которые работали в годы Второй мировой войны в Гданьском Поморье и Куявии⁵. Отчеты МККК и ИМКА, в которых можно найти данные по рабочим ко-

¹ Ibidem. К. 25.

² BA-MA, WKdo XX, RH 53-20/26, Beitrag zum Kriegstagebuch, 9 II 1942. К. 24.

³ Например, осенью 1943 г. было увеличено вознаграждение для работающих советских военнопленных. Расширился ассортимент товаров (в основном, продуктов питания), которые военнопленные могли купить на заработанные средства в лагерных буфетах. Кроме того, на одном из предприятий пробно ввели во время ночной смены предоставление горячей еды, что увеличило эффективность труда военнопленных. См.: BA-MA, Rūln XX, RW 20-20/4, Zusammender Überblick über die rüstungswirtschaftliche Entwicklung im 4. Vierteljahr 1943, b. d.. К. 13.

⁴ Daniluk J. Op. cit. S. 32–34.

⁵ В общедоступном перечне (Obozy hitlerowskie na ziemiach polskich...) содержится только 25 населенных пунктов, о которых можно сказать с полной уверенностью, что там находились рабочие команды советских военнопленных в Гданьском Поморье и Куявии, а именно: Багно, Белице, Вихоже, Вомжезьно, Грудзёндз, Група, Гутово, Дземяны, Клече, Лисево-Млын, Мелно, Ницпоня, Нова Вещь, Нова Вещь Жечна, Новогрудек, Орле, Рекчин, Румя, Сально, Субковы, Суш, Чарлин, Щука, Щутово, Щьвече.

мандам в Шталаге XX А и XX В, как правило, не включают статистики по советским командам¹, а если это и делается, то без указания их количества. Вместе с тем, количество команд (в двух шталагах), представленное в сохранившейся документации за 1940–1941 гг., колебалось, скорее всего, в рамках 500–800, затем выросло до уровня 900–1000, но затем незначительно уменьшилась до примерно 900². Сложно предположить, что этот резкий рост количества рабочих команд в 1942–1943 гг. не был вызван созданием новых, состоявших из советских военнопленных (направленных на работы из лагерей или немногочисленных, но имевших место новых транспортов), однако в то же время следует помнить, что, по крайней мере, в определенной степени их увеличение шло также за счет деления больших, например, британских или французских, рабочих команд.

Часть советских рабочих команд действовала также на территории оборонительного района Гдыни (упоминавшемся в начале статьи). Стоит сказать, что в этом городе, переименованном немцами еще в 1939 г. в Гетенхафен, превратившемся в один из самых важных и одновременно самых крупных центров кригсмарин, действовал пересылочный лагерь для военнопленных, находившийся в ведении немецкого Военно-морского флота (Marinelager-Durchgangslager Gotenhafen). Решение о его создании было принято в середине августа 1941 г. Точная дата начала его работы неизвестна, хотя с уверенностью можно сказать, что он существовал с зимы 1943 г. по октябрь 1944 г. Кроме советских моряков (как из военного флота, так и из торгового) там также находились в заключении французские моряки. Однако подробные данные об условиях нахождения в этом учреждении советских военнопленных отсутствуют³.

Ликвидация всех лагерей для военнопленных в Гданьском Поморье и Кувии произошла в январе 1945 г.⁴ Часть советских военнопленных, как и военнопленных других стран, находившихся в XX ВО и еще способных к маршу, была выслана после Нового Года колоннами с сопровождением на запад в заранее определенные лагеря для военнопленных⁵. Неизвестен, однако масштаб этих «маршей смерти» и количество советских военнопленных, погибших во время

¹ Например, в 1944 г. сообщалось, что в Шталаге XX В имеется 703 рабочие команды, в т.ч. 468 британских, 220 франко-бельгийских и 12 сербских. Вообще не были приняты во внимание советские команды, которые точно еще находились в ведении комендатуры этого лагеря. См.: *Daniluk J.* Op. cit. S. 26.

² *Ibidem.* S. 34.

³ *Keller R.* Op. cit. P. 63; *Obozy hitlerowskie na ziemiach polskich...* S. 173; например, PAAA, R 67060, Bestand per 1 VII 1943 an französischen Kriegsgefangenen in Mannschaftslagern, b.d., b.p.

⁴ *Obozy hitlerowskie na ziemiach polskich...* S. 172, 313, 521.

⁵ Интересную информацию по этой теме приводит Дмитрий Борисович Ломоносов, советский военнопленный из Торуньского лагеря, написавший после войны свои воспоминания. См.: *Ломоносов Д. Б.* Плен. Автобиографическая повесть. http://sivokoz-kuzma.narod.ru/plen_lomonosov.html 08.11.2016. Он в принципе первый, кто поделился своими личными воспоминаниями с общественностью на страницах издания «*Nowości Toruńskie*» в 2009 г.

эвакуации. Отдельным вопросом, требующим изучения, является судьба советских военнопленных, попавших в немецкий плен уже во время непосредственных боев за Гданьское Поморье и Куявию, зимой 1945 г. Так, например, согласно одному из сохранившихся воспоминаний, только в районе Грудзёндза в одном из казематов цитадели удерживалось около 120 советских военнопленных, схваченных во время боев за город, которые были освобождены после взятия Грудзёндза Красной армией¹.

Как и во всем Третьем рейхе, самым трагичным для советских военнопленных в Гданьском Поморье и Куявии был первый год плена. С конца июля – начала августа 1941 г. до конца июня 1942 г. в XX ВО попало в общей сложности около 17 тыс. советских военнопленных, из которых умерло в тот же период на месте около 6 тыс. Если принять во внимание количество военнопленных, вывезенных в это время из XX ВО, то уровень смертности советских военнопленных, которые находились с конца 1941 г. до середины 1942 г. в Гданьском Поморье и Куявии, равняется примерно 39%.

В годы Второй мировой войны в Гданьском Поморье и Куявии советские военнопленные до конца лета 1944 г. занимали по численности третье место после британских и французских. С середины 1942 г. до середины 1944 г. численность этой группы колебалась в границах 6–8 тыс. Лишь осенью 1944 г. она резко выросла до уровня более чем 20 тыс., опередив тем самым остальные группы военнопленных.

Перед современными исследователями периода истории Второй мировой войны в Гданьском Поморье и Куявии все еще стоит задача описания судьбы этой одной из крупнейших и одновременно важнейшей группы военнопленных. Даже в свете только этих двух перечисленных фактов (количество и размеры смертности советских военнопленных) представляется невозможным без предварительного изучения истории советских солдат, попавших в немецкий плен, придти к полному пониманию не только истории всех военнопленных Второй мировой войны, но и шире – функционирования военной экономики и рынка труда, а также немецкого репрессивного аппарата в Округе Рейха Данциг–Западная Пруссия.

¹ Фрагмент воспоминаний немецкого защитника Грудзёндза получен от Кшиштофа Дроздовского 18 сентября 2012 г.

Рената Кобыляж-Була

СОЛДАТЫ КРАСНОЙ АРМИИ В ЛАГЕРЯХ ДЛЯ ВОЕННОПЛЕННЫХ ЛАМСДОРФ (1941–1945 гг.)

Миллионы «неспрошенных, униженных, проданных-перепроданных, битых-перебитых, оголодавших и охолодавших людей, досыта претерпевших и от Гитлера, и от Сталина – главных человеконенавистников столетия» – так в своей работе охарактеризовал судьбу бывших военнопленных красноармейцев Павел Полян¹. Во время Второй мировой войны в немецком плену умерло в общей сложности около 3,3 млн советских военнопленных. Это означает, что каждый второй не пережил пребывания в лагере. Одним из таких мест уничтожения был Шталаг 318/VIII F (344) Ламсдорф Опольского административного округа, находившийся в 40 км к юго-западу от Ополя, по направлению железной дороги Ополе–Ныса². Он был создан весной 1941 г. как один из 60-ти планировавшихся так называемых Руссенлагер³. Лагеря этого типа должны были в первую очередь создаваться на территории Генерал-губернаторства и Первого военного округа⁴.

¹ Полян П. М. Жертвы двух диктатур: Остарбайтеры и военнопленные в Третьем рейхе и их репатриация. М., 1996. С. 5.

² Основная научная литература об истории этого лагеря и о судьбах советских военнопленных принадлежит специалистам, связанным с Центральным музеем военнопленных в Ламбиновицах-Ополе. См., в частности: *Sawczuk J.* Jeńcy radzieccy w Stalagu 318 (VIII F) w Łambinowicach. Traktowanie i zatrudnienie (lipiec 1941 – sierpień 1942) // *Łambinowicki Rocznik Muzealny* (ŁRM). 1974. T. 1. S. 100–145; *Idem.* Hitlerowskie obozy jenieckie w Łambinowicach w latach 1939–1945. Opole, 1974; *Uryga L.* Stalag 318 (VIII F). Lokalizacja i budowa obozu // *ŁRM*. 1974. T. 1. S. 146–161; *Nowak E.* Obozy jenieckie w Łamsdorf (Łambinowice) 1939–1945. Rezultaty najnowszych badań archiwalnych // *Jeńcy wojenni II wojny światowej. Stan archiwów i najnowszych badań. Materiały z ogólnopolskiej konferencji naukowej, 11–12 września 1995 r.* Red. E. Nowak. Opole, 1996. S. 115–123; *Sawczuk J., Senft S.* Obozy jenieckie w Łamsdorf w latach II wojny światowej // *Obozy w Łamsdorf/Łambinowicach (1870–1946)*. Red. E. Nowak. Opole, 2006. S. 117–260 (на немецком языке: *Lager in Łamsdorf/Łambinowice [1870–1946]*. Red. E. Nowak. Opole, 2009).

³ *Otto R.* Wehrmacht, Gestapo und sowjetische Kriegsgefangene im deutschen Reichsgebiet 1941/1942. München, 1998. P. 34.

⁴ *Streit Ch.* Keine Kameraden. Die Wehrmacht und die sowjetischen Kriegsgefangenen 1941–1945, Stuttgart 1978. P. 171.

Однако, в скором времени было решено распространить их и на территорию Рейха, при этом были выбраны, прежде всего, территории военных полигонов, закрытые для доступа гражданского населения¹. Одновременно, несмотря на опасения относительно влияния большевизма, существовало понимание того, что советские военнопленные нужны для восполнения нехватки рабочих рук в немецкой экономике. Отсутствие последовательной политики в отношении этой группы военнопленных, являвшееся следствием конфликта между идеологией тотальной войны и политическим реализмом, оказывало принципиальное влияние на работу лагерей для советских военнопленных, в том числе и на Шталаг 318/VIII F (344) Ламсдорф².

Создание лагерей для военнопленных немецкими властями на территории военных полигонов имеет свою долгую, уходящую в XIX в. традицию, оставившую свой след также в истории лагеря Ламсдорф в Ламбиновицах. Лагерь для военнопленных создавался в этом месте на протяжении трех войн: франко-прусской, Первой и Второй мировой. Размещение лагерей на территории, не доступной для гражданского населения, способствовало тому, что они хорошо выполняли свою изоляционную функцию. Этот факт приобрел особое значение в ходе Второй мировой войны в контексте политики, проводимой в отношении советских военнопленных.

Решение о создании в Ламбиновицах лагеря для взятых в плен солдат Красной армии было принято относительно рано. Шталаг 318 Ламсдорф возник согласно принятому во второй половине марта 1941 г. Верховным главнокомандованием вермахта (OKW) распоряжению. Среди учрежденных в это время Руссенлагерей лагеря с нумерацией 301–330 должны были быть созданы в первую очередь, т.е. через три недели после издания распоряжения³. В лагерях, находившихся в границах Третьего рейха, планировалось разместить от 20 до 30 тыс. военнопленных⁴. Согласно приказу они создавались быстро с использованием принудительного труда военнопленных, без бараков и санитарных помещений. Солдаты, поступавшие в лагеря в первых транспортах, были загнаны на небольшую территорию. Долгие недели они жили под открытым небом в выкопанных ямах и землянках⁵.

¹ *Otto R. Op. cit. P. 37.*

² См. подробнее на эту тему: *Keller R. Sowjetische Kriegsgefangene im Deutschen Reich 1941/42. Behandlung und Arbeitseinsatz zwischen Vernichtungspolitik und kriegswirtschaftlichen Zwängen. Göttingen, 2011.*

³ Приказ № 37 Отдела по делам военнопленных ОКВ от 30 апреля 1941 г. подтверждал существование Шталага 318 Ламсдорф. См.: *Otto R. Op. cit. P. 34, 36.*

⁴ *Osterloh J. Ein ganz normales Lager. Das Kriegsgefangenen-Mannschaftsstammlager 304 (IV H) Zeithain bei Riesa/Sa. 1941 bis 1945, Leipzig 1997. P. 23.*

⁵ *Sawczuk J., Senft S. Op. cit. S. 130–131.*

В таких условиях оказались военнопленные, которые в июле 1941 г. добрались до шталагов, размещенных рядом с довоенной польско-немецкой границей, т.е. до лагерей: 318 Ламсдорф, 315 Хаммерштайн и 308 Нойхаммер¹. Во всех этих лагерях были очень тяжелые бытовые условия. В Ламсдорфе, также как и в Хаммерштайне, шталаг для советских солдат был сделан рядом с существующим лагерем, в котором находились военнопленные из других государств, в том числе – из Польши, Франции, Великобритании и Югославии. Расстояния между ними в каждом из трех случаев были достаточно большими: в частности, в Ламсдорфе оно составляло около 1,5 км, а видимость со стороны Шталага VIII В была ограничена рельефом². Это доказывает, что немецким властям было важно скрыть лагеря от посторонних глаз.

Как уже говорилось, строительные работы в перечисленных лагерях начались только после прибытия военнопленных; они продолжались всю осень и в большинстве случаев не были закончены до зимы. В Ламсдорфе в 1941 г. были построены узкоколейка от станции до лагеря, здания комендатуры и администрации, а также хозяйственные постройки: мастерские, склады, бани и дезинфекционный барак³. Лагерь приобрел окончательный вид лишь в 1942 г., а отделочные работы проводились в 1943 г.

Жилые бараки строились с использованием минимума средств с целью максимального наполнения их военнопленными. По принятым в сентябре 1941 г. нормам, которые были доведены до сведения начальников военных округов уже в октябре, предусматривалось строительство барачных типа RAD⁴, наполняемость которых должна была быть увеличена со 150 до 300 чел. за счет сноса внутренних перегородок и строительства многоярусных нар, а также сооружения т.н. массивных барачных, рассчитанных на 900–1200 военнопленных⁵.

Воссоздание общего вида лагеря вызывает определенные трудности. Сравнение планов шталагов 318/VIII F и VIII В позволяет прийти к выводу, что второй из этих лагерей был построен с большей заботой с точки зрения организации пространства и с особой тщательностью при возведении хозяйственных построек и барачных для военнопленных⁶. План Шталага 318/VIII F Ламсдорф воссоздал крайне наглядно Януш Савчук, описав по отдельности назначение всех 20 секторов, из которых состоял лагерь⁷.

¹ Otto R. Op. cit. P. 36–37, 44.

² Sawczuk J., Senft S. Op. cit. S. 130–131.

³ Ibidem. S. 131.

⁴ RAD – сокр. от Reichsarbeitsdienst – Имперская служба труда - национал-социалистическая организация (1933–1945), занимавшаяся организацией трудовых лагерей для немцев. Прим. пер.

⁵ Streit Ch. Op. cit. P. 172; Sawczuk J., Senft S. Op. cit. S. 185.

⁶ Sawczuk J. Op. cit. S. 25–26.

⁷ Ibidem. S. 27–28. См. также: Uryga L. Op. cit. S. 149–159.

Определение военнопленных в тот или иной сектор происходило на основании, с одной стороны, их способности к работе и имеющейся квалификации, а с другой – зависело от национальной принадлежности¹. Административная структура Шталага для советских военнопленных создавалась по образцу уже действовавшей в Шталаге VIII В Ламсдорф. Лагерем управлял с помощью десяти особых отделений комендант, который был офицером, чаще всего в звании майора (в Шталаге VIII В он имел звание полковника или подполковника)². Коменданту лагеря подчинялось охранное отделение, в состав которого входили члены вспомогательного подразделения вермахта – Запасного стрелкового батальона (*Landeschützenbataillon*).

С осени 1941 г. лагерь фигурировал в документах под названием Шталаг VIII F Ламсдорф. Согласно имевшейся практике ОКВ в отношении Руссенлагерей, открывавшихся на территории Третьего рейха, его название Шталаг 318/VIII F Ламсдорф объединяло в себе новую систему классификации, совмещенную с типичной номенклатурой, в основе которой были военные округа³. Свое назначение лагеря для советских военнопленных этот шталаг сохранил дольше, чем большая часть Руссенлагерей, которые были ликвидированы весной 1942 г. Поводом стало изменение политики в отношении солдат Красной армии, вызванное срывом наступления на восточном фронте⁴. Увеличение трудовой занятости военнопленных привело к тому, что администрация Шталага 318/VIII F Ламсдорф перестала справляться с управлением рабочими командами (*Arbeitskommandos*), в связи с чем часть функций, в том числе – учет команд, взяло на себя руководство Шталага VIII В. Итогом подобной реорганизации стало принятое в мае 1943 г. решение об упразднении Шталага 318/VIII F и присоединении его к Шталагу VIII В. Создание столь большого лагеря для военнопленных не повлияло на улучшение управления им⁵.

С мая по декабрь 1943 г. общее количество военнопленных в этом лагере выросло с примерно 58 тыс. до более 121 тыс., в том числе работавших – с 47 тыс. до 98 тыс.⁶. К этому времени Шталаг VIII В Ламсдорф стал самым многочисленным лагерем в Рейхе и на оккупированных территориях. Требовалось решить определенные проблемы, связанные с управлением таким гигантским

¹ Один из секторов был предназначен для солдат Красной армии других национальностей, главным образом татар, казахов и грузин.

² *Sawczuk J.* Op. cit. S. 29–31.

³ *Otto R.* Op. cit. P. 36.

⁴ Немцы оставили только шталаги в Зенне, Берген-Бельзен и Ламсдорф, а также Офлаг 62 Хаммельбург. См.: *Otto R.* Op. cit. P. 248.

⁵ В его состав входил также с сентября 1942 г. Шталаг VIII D Тешин. См.: *Konečný Z., Mainuš F.* Obozy jenieckie na Górnym Śląsku (Z dziejów stalagu cieszyńskiego). Katowice, 1969. S. 11.

⁶ *Senft S.* Rozmieszczenie, liczebność i skład narodowościowy obozów jenieckich w VIII Okręgu Wojskowym Wehrmachtu podczas II wojny światowej // *ŁRM.* 1974. T. 1. S. 46–47.

учреждением, а также с организацией рабочих бригад, среди которых все большее значение для экономики Третьего рейха имели те, которые располагались в шахтах Верхней Силезии (их охрана возлагалась на 8 охранных батальонов).

Все это привело к следующим переменам. В ноябре 1943 г. комендатура Шталага VIII В была перенесена в Тешин. С этого времени в ее подчинении насчитывалось около 72 тыс. военнопленных из катовицкого и опольского административных округов, находившихся под надзором охранных батальонов под номерами 337, 398, 438 и 515. В Ламсдорфе был создан Шталаг 344 в рамках Опольского и Опавского административных округов с 50 тыс. военнопленных, которые находились в ведении 427-го, 439-го, 559-го и 565-го охранных батальонов¹. В Шталаге 344 Ламсдорф сохранилось прежнее деление на т.н. Руссенлагер, т.е. лагерь, в котором самой большой группой были советские солдаты, и т.н. Бритенлагер, где преобладали британцы². По решению ОКВ от 6 января 1944 г. бельгийских, сербских и итальянских военнопленных следовало направить в Шталаг VIII А Гёрлиц, а французских – в Шталаг VIII С Заган³.

Третий этап функционирования лагерей в Ламсдорфе (январь 1944 – январь 1945 гг.) характеризовался явным падением значения Шталага, который перестает играть важную роль в том, что касалось использования труда военнопленных в стратегических отраслях немецкой экономики. Он сохранил определенные полномочия в отношении лагеря в Тешине, поскольку прежде чем отправить в этот лагерь военнопленных, их готовили к работе именно в Ламсдорфе. Однако сюда попадали, прежде всего, люди временно или полностью нетрудоспособные, в т.ч. тяжелобольные и истощенные советские военнопленные.

Точное определение количества советских военнопленных во многих лагерях вермахта вызывает трудности в связи с отсутствием полных данных. Серьезной проблемой является представление достоверной статистики, особенно если речь идет о первых транспортах военнопленных. Подобным образом ситуация выглядела и в Ламсдорфе. На основании рапорта ОКВ, представленного Международному Комитету Красного Креста в Женеве от 15 июля 1941 г., приказа Рейнхарда Гейдриха от 21 июля 1941 г. о расширении полномочий Айнзацкоманд СД на территории всего Рейха и отчета начальника НСДАП в Фалькенберге (Немодлин) от 11 сентября 1941 г., исследователи смогли установить, что первый транспорт советских военнопленных прибыл в Ламсдорф в конце июля

¹ Senft S., Sawczuk J. Op. cit. S. 136.

² Это соответствовало планам ОКВ, стремившегося к созданию однообразных, с национальной точки зрения, лагерей. См.: Archiwum Centralnego Muzeum Jeńców Wojennych w Łambinowicach-Opolu (ACMJW). Mikrofilm praski (Mp). Sygn. 2 R I. Cz. 1. № 64.

³ Ibidem. № 21.

1941 г.¹ Последующие транспорты с неизвестным количеством военнопленных прибыли в лагерь в августе и сентябре 1941 г.

В первый период работы лагеря сюда попало немного солдат Красной армии, возможно, из-за отсутствия места. Доставка приобрела регулярный характер лишь в начале октября, когда в Ламсдорф начинают приходить транспорты, насчитывающие примерно 2 тыс. чел. По неполным данным, до 12 ноября сюда было привезено приблизительно почти 15 тыс. советских военнопленных. К этому же времени 8,6 тыс. из них были переведены в концентрационный лагерь Аушвиц и в Гливице. Затем было вывезено еще 5760 чел. Высокий оборот военнопленных указывает на то, что в этот период Шталаг был пересылочным лагерем².

В ноябре 1941 г. в Ламсдорфе находилось около 5,5 тыс. военнопленных, в феврале 1942 г., после эпидемии тифа, их осталось около 3,2 тыс. Уже в марте 1942 г. количество военнопленных, возможно из-за отмены карантина в лагере и прихода новых транспортов, выросло более чем в 2 раза. Затем, до второго полугодия 1942 г., отмечается постепенный рост количества военнопленных в связи с прибытием в лагерь больших групп военнопленных из шталагов: 367 Ченстохау, 360 Ровно, 338 Кривой Рог, 305 Кировоград, 334 Белая Церковь, XXI С Вольштейн – всего около 33,8 тыс. чел.³ Несмотря на это, к началу декабря 1942 г. в лагере было только около 11,5 тыс. советских военнопленных, в то время как в ведении Шталага VIII В Ламсдорф (в отделении лагеря в Цешине) находилось в два раза большее их количество⁴.

Эти данные указывают на небольшое значение Шталага 318/VIII F в немецкой экономике. Ситуация изменилась лишь после упразднения Руссенлагер и реорганизации, в результате которой в 1943 г. был создан Шталаг VIII В. До декабря 1943 г. количество советских военнопленных в этом лагере выросло почти до 73 тыс. Новое снижение их численности наблюдалось после очередной реорганизации, в результате которой был создан Шталаг 344 Ламсдорф. В этот последний период, с января 1944 г. до января 1945 г. количество пленных солдат Красной армии, содержащихся в нём, колебалось между 24 и 30 тыс.⁵

В связи с эвакуацией Шталага в конце января 1945 г. в советской части лагеря осталось около 6 тыс. военнопленных, больных и не способных к походу. Освобождения дождалось около 4 тыс.⁶.

¹ Sawczuk J. Op. cit. S. 102; Datner S. Zbrodnie Wehrmachtu na jeńcach wojennych armii regularnych w II wojnie światowej. Warszawa, 1964. S. 152.

² Sawczuk J. Op. cit. S. 46–48.

³ Ibidem. S. 49; Sawczuk J., Senft S. Op. cit. S. 146–147.

⁴ Senft S. Op. cit. S. 44–45.

⁵ Ibidem. S. 46–49.

⁶ Tomczyk D. Zdobycie Stalagu 344 Lamsdorf – aspekty militarne (na tle działań w ramach operacji wiślańsko-odrzańskiej i opolskiej) // ŁRM. 1993. T. 16. S. 43, 52–53.

В период Второй мировой войны через лагерь в Ламбиновицах прошло в общей сложности 180–200 тыс. советских военнопленных¹. Эти данные были представлены на Нюрнбергском процессе 26 февраля 1946 г. советским прокурором Львом Смирновым².

В отношении немецкой администрации к советским военнопленным в Ламсдорфе можно выделить два периода: с лета 1941 г. до весны 1942 г.; с весны 1942 г. до марта 1945 г. В первый период реализовалась политика истребления, во второй – пленные солдаты Красной армии превратились в востребованную рабочую силу, которую следовало обязательно использовать для работы в экономике Третьего рейха.

Жертвой чисток в лагерях для советских военнопленных согласно приказу, изданному Р. Гейдрихом 17 июля 1941 г., стали все «нежелательные элементы», т.е. политработники Красной армии, служащие СССР и члены компартии, представители интеллигенции, евреи. В первую очередь казни проводились на операционной территории и в лагерях Генерал-губернаторства и Первого военного округа (Восточная Пруссия). Они осуществлялись оперативными командами Службы безопасности (SD) и охранной полицией (Sipo). Уже 21 июля 1941 г. было принято решение направить эти соединения в лагерь, образованные на территории Третьего рейха, где размещались советские военнопленные. Оттуда прошедшие отбор бывшие военнослужащие Красной армии должны были переводиться в концентрационные лагеря³. В Шталаге 318/VIII F Ламсдорф оперативные команды SD также проводили отбор военнопленных; здесь, как и в Шталаге 326 (VI K) Зенне, проверка велась почти до конца войны. Эти шталаги выполняли функции селекционных лагерей, т.е. принимали новые транспорты советских военнопленных и вели их отбор для работы в угледобывающей промышленности Верхней Силезии или на территории Рейнской области. Поэтому вновь прибывшие должны были быть «изучены» с точки зрения политических позиций. Военнопленных, которых относили к «нежелательным», высылали из Ламсдорфа прежде всего в концлагерь Аушвиц⁴. В начале октября 1941 г. эту участь разделили 6 тыс. бывших солдат Красной армии. Данное решение, продиктованное желанием использовать их для строительства лагеря в Бжезинка, означало для большинства узников смерть⁵. В 1943–

¹ Эти данные были приведены Комиссией по расследованию гитлеровских преступлений в отношении советских военнопленных в лагере Ламсдорф в 1941–1945 гг.

² Nowak E. Dokumentacja obozów jenieckich w Lamsdorf (Łambinowice) w archiwach moskiewskich // Śląsk Opolski. 1993. Z. 3. S. 23; ACMJW. Materiały i Dokumenty. VIII Okręg Wojskowy (MiD. VIII OW). Sygn. 91. S. 4.

³ Streit Ch. Op. cit. P. 104–105.

⁴ Jdm Otto R. Op. cit. P. 250.

⁵ Из около 10 тыс. военнопленных, направленных в октябре 1941 г. из Ламсдорф и Нойхаммер в Аушвиц, в марте 1942 г. в живых осталось 900. См.: *Niestrój H. Transporty jeńców*

1944 г. в результате отбора в концлагерь Аушвиц попал 541 военнопленный из Ламсдорфа¹.

Вторым концентрационным лагерем, в который высылали советских военнопленных из Шталага 318/VIII F Ламсдорф, был Гросс-Розен. Уже 16 и 17 октября 1941 г. туда попала группа, насчитывавшая 2,5 тыс. чел. Изначально планировалось этих специально отобранных людей умертвить. Часть из них простилась с жизнью, остальных спасло решение Гитлера использовать их в качестве рабочей силы. Зимой 1941 г. комендант концлагеря Гросс-Розен просил прислать еще одну группу военнопленных из Ламсдорфа (около 1500 чел.). Однако в связи с эпидемией тифа в Шталаге его просьба не была выполнена. Следующая известная информация о направлении в этот концентрационный лагерь солдат Красной армии из Ламсдорфа относится к октябрю 1944 г. и касается группы 68 советских военнопленных. Часть из них была подвергнута «специальной обработке» (*Sonderbehandlung*), т.е. была казнена².

Остальные советские военнопленные умирали в Ламсдорфе из-за голода, отсутствия соответствующего жилья, болезней и бесчеловечного обращения с ними в лагере. Распоряжения, касавшиеся этой группы военнопленных, явно свидетельствовали о действиях немецких властей, направленных на истребление. Согласно одному из них, изданному в октябре 1941 г. властями VIII Военного округа, советские военнопленные должны были получать только картон в качестве укрытия, который сами и производили; они подлежали захоронению без одежды, без гроба, в массовом порядке, безымянными, завернутыми в упаковочную бумагу³. Была запрещена организация погребальных церемоний и украшение могил⁴. Не говоря уже об идеологической подоплеке этого решения, следующим аргументом стала высокая смертность, особенно в зимние месяцы 1942 г. Лагерные власти решили тогда, что существовавшее место захоронения у стен военного кладбища Первой мировой войны не соответствует в полной мере необходимым требованиям. Было решено хоронить умерших советских военнопленных на небольшом холме, находившемся на территории полигона

radzieckich do KL Auschwitz // *Pro Memoria*. 2001. № 14. S. 71–76; *Setkiewicz P.* Sonderkommando Zeppelin – Vorlager Auschwitz // *ŁRM*. 2006. T. 29. S. 45, 49; *Cyra A.* Polacy wśród jeńców sowieckich w KL Auschwitz // *Wrzesień 1939 roku. Geneza II wojny światowej w polskiej perspektywie*. Red. J. Faryś, T. Sikorski, P. Słowiński. T. 2. Gorzów Wielkopolski, 2010. S. 215–216.

¹ *Lachendro J.* Los jeńców sowieckich w KL Auschwitz. Nowe spojrzenie // *Między Wehrmachtem a SS. Jeńcy wojenni w niemieckich obozach koncentracyjnych*. Red. V. Rezler-Wasielewska. Opole, 2010. S. 70.

² *Sula D.* Jeńcy sowieccy i włoscy w KL Gross-Rosen // *Między Wehrmachtem a SS...* S. 107–110, 117.

³ *ACMIJW.* Mikrofilm moskiewski (Mm). Sygn. R I, № 135.

⁴ *Rezler-Wasielewska V.* Sprawa pochówku jeńców obozów Lamsdorf (1939–1945) // *ŁRM*. 2000. T. 23. S. 50.

в месте, удаленном как от жилых районов, так и примерно на полкилометра от Шталага 318/VIII F Ламсдорф.

На высокую смертность советских военнопленных на протяжении всего периода плена оказывали влияние многие факторы. Прежде всего, норм питания, которые были для них установлены, не хватало для удовлетворения самых основных потребностей. Проблема была не только в количестве, но и в качестве еды. Вареная конина, особый хлеб из ржаного шрота, свекловичного жома, целлюлозной муки, листьев и соломы (т.н. *Russenbrot*), искусственный жир, суп из брюквы – все это не давало шансов на улучшение физического состояния военнопленных. Те узники, которые не работали, не получали жира, а их пайки в значительной степени были сокращены¹. Ослабленные военнопленные из-за холода, антисанитарии и отсутствия медицинской помощи заболевали, в т.ч. тифом. Немецкие власти не реагировали на появление очередных жертв эпидемии, что привело к ее распространению на весь лагерь. В Ламсдорфе в результате эпидемии тифа умерло зимой 1941–1942 гг. около 10 тыс. советских военнопленных².

К самой большой группе военнопленных, гражданам СССР, в Ламсдорфе было презрительное отношение со стороны охранников, по любому поводу прибегавших к оружию³. Приказ стрелять без предупреждения с целью попасть в военнопленного, похвала и награды тем, кто не дал совершить побег или сломил сопротивление, – все это способствовало более частым расправам над советскими узниками⁴. Жестокое обращение с военнопленными, несмотря на необходимость сохранения их в качестве рабочей силы, оставалось повседневным вплоть до конца войны, что подтверждается воспоминаниями и рассказами бывших советских военнопленных, а также содержавшихся вместе с ними участников Варшавского восстания⁵.

Военные нужды стали решающими в выборе прагматичного подхода немецких властей к советским военнопленным. Эволюция позиции верховной власти Третьего рейха в вопросе использования солдат Красной армии для труда на исконно немецкой территории нашла подтверждение в подписанной 7 ноября 1941 г. Германом Герингом директиве, в которой определялись условия трудоустройства этой группы военнопленных в Германии⁶. Первоначально

¹ *Marczyk W.* Jeńcy radzieccy w niewoli Wehrmachtu na ziemiach polskich w latach 1941–1945. Opole, 1987. S. 25.

² *Sawczuk J., Senft S.* Op. cit. S. 218.

³ *ACMJW.* Mm. Sygn. R I. K. 121.

⁴ *ACMJW.* Mp. Sygn. 2 R I. Cz. 1. № 168, 622, 630, 632, 635, 638–639.

⁵ См.: *Czirow D. T.* Bolesne wspomnienia // *ŁRM.* 1997. T. 20. S. 164–165; *ACMJW, RiW.* Sygn. 802. S. 3; *Łukowski S.* Zbrodnie hitlerowskie w Łambinowicach i Sławięcicach na Opolszczyźnie w latach 1939–1945, Katowice 1965. S. 72–83.

⁶ *Lemiesz W.* Praca przymusowa jeńców wojennych w Niemczech w latach II wojny światowej, Zielona Góra 1969. S. 118–122.

это решение вступило в силу с определенными оговорками, затруднявшими организацию труда, согласно которым военнопленных могли высылать за пределы лагеря в отрядах, насчитывавших от 100 до 200 чел., изолированных от окружающих и содержавшихся под серьезной охраной. Согласие на их трудоустройство должен был каждый раз выдавать окружной комендант, что мешало использовать военнопленных на текущих сельхозработах, которые имели первостепенное значение для властей Опольского района¹. Поздней осенью 1941 г. эти суровые требования смягчились: допускалось использование рабочих отрядов численностью в 20 чел., а зимой – даже группы из 5 чел. для работы на лесоповале². Лишь весной 1942 г. стало возможным высылать советских военнопленных для работы в хозяйства поодиночке³. Тем не менее, до весны 1942 г. не было полного согласия на всех уровнях как военной, так и гражданской власти по вопросу о трудоустройстве военнопленных. Следствием этого стало то, что в сентябре 1941 г. из Шталага 318/VIII F на работы было отправлено только 1,1 тыс. военнопленных⁴.

Ситуация улучшилась к концу 1942 г., когда сначала для строительства дорог и аэродромов, а затем – под нажимом административных властей – на сельхозработы было дополнительно отправлено около 5,5 тыс. советских военнопленных из Ламсдорфа⁵. Многие из них к тому времени из-за истощения уже не были в состоянии работать. Решением этой проблемы должна была стать т.н. программа откармливания (*Aufpäppelungsaktion*), начавшаяся в конце 1941 г. Суть ее заключалась в предоставлении дополнительного пайка тем, кто еще мог физически восстановиться. Военнопленных Шталага 318/VIII F решили посылать на более легкие работы при строительстве автомагистрали Гливице–Вроцлав, где, получая дополнительный паек, они должны были восстановить силы⁶.

Принципиальные перемены произошли весной 1942 г., когда после того, как удалось справиться с эпидемией тифа, советских военнопленных распределили на работы в сельском хозяйстве, на сталелитейном заводе, в шахтах и на заводах Верхней Силезии, а также на строительство дорог в Судетский округ. В декабре 1942 г. уже использовался труд 24,6 тыс. чел., а в ноябре 1943 г. – 61 тыс. чел.⁷. На предприятиях их стали воспринимать как наиболее востребованную рабочую силу по сравнению с британцами, поведение которых оказы-

¹ ACMJW. Mp. Sygn. 2 R I. Cz. 1. № 914–916.

² Sawczuk J., Senft S. Op. cit. S. 158.

³ ACMJW. Mp. Sygn. 2 R I. Cz. 1. № 920.

⁴ Sawczuk J., Senft S. Op. cit. S. 158.

⁵ Popiołek S. Polityka wykorzystania siły roboczej i rozmieszczenia jeńców wojennych w III Rzeszy podczas II wojny światowej // Hitlerowska polityka wyniszczenia przez pracę (materiały na konferencję popularnonaukową – Kędzierzyn, 30 września 1966 r.). Opole, 1966. S. 69.

⁶ Sawczuk J. Op. cit. S. 112.

⁷ ACMJW. Mp. Sygn. 2 R I, cz. 2, № 110–200.

вало негативное влияние на остальных узников и военнопленных. Под конец существования Шталага в Ламсдорфе именно на эти две группы приходилось 90% всех работавших в лагере¹.

С 1941 по 1945 гг. на территории ламбиновских шталагов было создано более 1 тыс. советских рабочих отрядов, расположенных в Опольском, Катовицком и Опавском административных округах. Эти отряды действовали в разное время, могли быть переведены в другие населенные пункты, а в результате реорганизации порой оказывались в переподчинении. Бытовые условия, хотя и считалось, что были лучше, чем в основном лагере, не соответствовали во многих рабочих отрядах основным санитарным нормам. Военнопленных размещали обычно в бараках, расположенных рядом с местом работы. Оснащенность бараков была недостаточной: как правило, не хватало тюфяков и одеял. Рабочий день длился более 12 час, а медицинское обслуживание не предоставлялось должным образом². Нормы питания зависели от производительности – тот, у кого она была наиболее высокой, получал самые большие пайки.

Идея разделить военнопленных на группы в соответствии с производительностью труда появилась в промышленных кругах Верхней Силезии и изначально воспринималась как проявление грабительской политики, ведущей к быстрому истощению военнопленных³. Вначале она получила негативную оценку коменданта VIII Военного округа⁴. Однако после того, как были приняты во внимание несколько принципов – гарантия установления самой нижней группы норм, которые не приведут к физическому истощению, распределение новых работников по группам после двухмесячного стажа, эта система для советских военнопленных летом 1943 г. была одобрена ОКВ. Сделанные замечания показались справедливыми. Военнопленных с невысокой производительностью труда переводили в более низкие группы с меньшим пайком, что приводило к их истощению и смерти. Истощенных и больных военнопленных высылали в шталаг⁵.

Федор Поликаркин, работавший в чешской шахте Орлово, сообщал, что в задачу военнопленных входило за 12 рабочих часов загрузить и перевезти 13 тележек с углем, вес каждой из которых был более одной тонны. Столь интенсивный труд был для военнопленных настолько изнуряющим, что ежене-

¹ Sawczuk J., Senft S. Op. cit. S. 162. W grudniu 1944 roku w przemyśle górnośląskim zatrudniano ponad 38 tysięcy jeńców sowieckich. ACMJW. Mp. Sygn. R II, № 525.

² Ibidem. № 579–580; sygn. 2 R I, cz. 3, № 32–33.

³ Ранее в качестве стимулирования более интенсивного труда использовалось разного рода дополнительные поощрения, или же, например, учитывалась зависимость качеств и количество пищи от того, где велась работа – под землей или на поверхности. См.: Ibidem. Sygn. 2 R I, cz. III, № 61, 64–65, 116–117.

⁴ Ibidem. cz. I, № 823–824.

⁵ Popiołek S. Op. cit.. S. 70.

дельно в Ламсдорф высылали по 14–20 чел., меняя их на новых работников¹. И это происходило тогда же, когда предпринимались попытки улучшения ситуации².

Контроль над рабочими командами, работавшими в шахтах, должен был увеличить производительность труда советских военнопленных³. Однако контролирующие органы при этом констатировали: «Промышленность, безусловно, эксплуатирует военнопленных и проводит грабительскую политику в отношении рабочей силы»⁴. Немногим лучше были условия размещения и труда у советских военнопленных в других отраслях экономики⁵.

Хотя большинство работавших в шталагах Ламсдорфа осенью 1942 г. были советскими военнопленными и работали они в стратегических отраслях промышленности, это привело лишь к частичному улучшению положения этой группы военнопленных, отношение к которой было наихудшим. Голод, беспощадная эксплуатация, расистский подход немецких работодателей и охранников во время работы, вели к высоким людским потерям, а для военнопленных были очередным доказательством, что их жизнь не имеет никакой ценности ни для немцев, ни для советского правительства. Чрезвычайно верно отметил это Николай Быстров, который во время нахождения в госпитале в Козьле (нем. Козел) встретился с больными военнопленными из Западной Европы и Америки: «В отношении военнопленных союзных армий придерживались норм международного права [...]. Было видно, что правительства союзных армий помогали своим гражданам, в том числе тем, которые попали в немецкий плен. Они старались придти на помощь военнопленных по каждому случаю. Иначе было с нами. Мы были брошены нашим правительством. Именно поэтому и отношение к нам было гораздо хуже: нас морили голодом и унижали»⁶.

Анализируя отношение советских военнопленных к лагерной действительности в Ламсдорфе, можно с определенной долей упрощения выделить четыре позиции: смирение, сопротивление, приспособление и коллаборационизм. Первая из них не требует особого объяснения. Точно описали ее сами военнопленные. Так, Святослав Николаевич Корсунский вспоминал: «Отсутствие сильной воли вело многих военнопленных к смерти. Однажды я увидел на куче угля человека, который что-то искал, а то, что находил, старался как можно быстрее

¹ ACMJW, MiD. VIII OW. Sygn. 6. K. 93–95.

² ACMJW. Mp. Sygn. 2 R I. Cz. 1. № 184.

³ Ibidem. № 873, 895–896.

⁴ Ibidem. № 897.

⁵ См.: *Lesiuk W.* Zatrudnienie jeńców wojennych i cywilnych robotników przymusowych w przemyśle śląskim na przykładzie zakładów celulozowo-papierniczych w Krapkowicach i zakładów koksowniczych w Zdziechowicach (1939–1945) // *ŁRM.* 1982. T. 5. S. 87–93.

⁶ *Bystrow N.* Obywatel drugiej kategorii // *ŁRM.* 1999. T. 22. S. 104–105.

проглотить. В ответ на мой вопрос он объяснил, что ищет бурый уголь. Он сокращал себе жизнь, полностью сознавая это. Вскоре умер»¹.

Те, у кого срабатывал механизм самозащиты, старались выжить, неоднократно любой ценой, когда в крайних случаях им приходилось есть тела умерших товарищей по плену². Выжить можно было с помощью кражи продуктов (частое явление, особенно в рабочих сельхозотрядах), когда в небольших группах украденным делились с товарищами³. Товарищи могли оказывать поддержку и других образом, например, помогая получить лучшее место работы, как это было с военнопленными Ламсдорфа Степаном Правдуном и Михаилом Громовкиным, которых приняли на работу по составлению картотеки лагеря⁴. Советские врачи, работавшие в лазарете, также пытались помогать военнопленным⁵.

Эти примеры говорят, с одной стороны, о том, что солидарная позиция даже в столь антигуманном мире была возможна, а с другой – указывают на то, что некоторые виды работ в лагере улучшали положение военнопленных. Работа в лазарете, канцелярии (переводчики, писари), бане или на кухне могла спасти жизнь. Часть военнопленных искала спасения в тяжелом труде за пределами лагеря, за который получали дополнительную порцию еды. Однако следует помнить, что тяжелый труд очень быстро лишал сил (особенно это касается работы в промышленности), а дополнительные порции еды не давали возможности для их восстановления. Работа за пределами лагеря способствовала становлению контактов с военнопленными гражданским работникам из других стран, которые порой оказывали советским узникам бескорыстную помощь или занимались бартером⁶.

Некоторым военнопленным спасли жизнь особые способности. Примером тому может быть судьба Григория Ивановича Данилова, студента Московского художественного института и военнопленного Ламсдорфа. Спустя годы Данилов вспоминал о том, как «больной, истощенный за маленький кусочек хлеба рисовал красочные открытки для немцев»⁷. Однако он не останавливался на этом, а еще старался документировать окружающую действительность. Тайно Данилов рисовал портреты своих товарищей по плену, сохранив память об их трагической судьбе.

¹ Korsuński S. N. Chwila i całe życie // Szkice z dziejów obozów w Lamsdorf/Łambinowicach. Historia i współczesność. Red. E. Nowak. Z. 1. S. 161.

² ACMJW, MiD. VIII OW. Sygn. 6. K. 8–11. K. 136–141.

³ Ibidem. K. 84–87.

⁴ Ibidem. K. 12–16, 76–78.

⁵ ACMJW, RiW. Sygn. 215. S. 7.

⁶ Ibidem. Sygn. 442. S. 2; Gawrych-Laudański A. Wspomnienia (fragmenty) // ŁRM. 1987. T. 10. S. 195–196.

⁷ Georgij Iwanowicz Daniłow. Szkice portretowe (ze zbiorów Centralnego Muzeum Jeńców Wojennych w Łambinowicach-Opolu). Seria: «Katalog Zbiorów». Red. C. Wawrzyniak. Opole, 1999. S. 5–6.

Крайне сложно дать оценку и понять масштаб таких явлений, как оказание сопротивления и проявление коллаборационизма в Ламсдорфе. Организованное военное сопротивление в лагерях для советских военнопленных, учитывая их критическое положение, было явлением достаточно редким. Свидетели вспоминают о саботаже, организации собраний и тайном праздновании государственных праздников, передаче информации о положении на фронте, особенно когда Красная армия начала освобождать от немецких войск территорию СССР¹. С такого рода инициативами выступали офицеры и политкомиссары, скрывавшиеся среди военнопленных. В то же время, можно с уверенностью сказать, что готовность уже после войны признаться в организации сопротивления в лагере, имела еще одну цель: попытаться спастись от обвинения в измене, а как следствие – от репрессий. Описания деятельности подпольных организаций, как правило, даются самими военнопленными, что неудивительно: ведь эта деятельность носила ограниченный характер и была скрыта от лагерных властей. В связи с этим нелегко проверить достоверность подобных сведений².

К одной из форм оказания сопротивления, распространенной среди советских военнопленных, можно отнести стремление избежать работы, медленное ее выполнение, симулирование болезней и получение увечий, результатом чего было направление в лагерный лазарет³. Возможность сохранить психическое состояние давало проведение скромной и тайной культурной деятельности, например, коллективное пение, игра на аккордеоне или в шахматы, выполнение небольших художественных работ, ведение дневника. Однако самой важной формой сопротивления среди этой группы военнопленных были побеги, которые начались уже осенью 1941 г., когда прибыли большие транспорты с советскими военнопленными. Беглецов из транспортов преследовало в основном опольское гестапо, а также жандармерия и другие службы. Уже тогда поступило предписание стрелять в военнопленных без предупреждения, с целью обезвреживания⁴.

Побеги советских военнопленных превратились в серьезную проблему, характерную для всего VIII Военного округа в 1943 и 1944 гг.⁵ В связи с этим комендант предписывал относиться к военнопленным соответственно, избегать изде-

¹ ACMJW, MiD. VIII OW. Sygn. 6. K. 82.

² *Iszbutałow S.* Anioł śmierci // *ŁRM.* 1999. T. 22. S. 107–109.

³ *Popowski K. W.* Lamsdorf // *Szkice z dziejów...* S. 173–177.

⁴ *Jońca K.* Udział niemieckiej policji w ściganiu radzieckich jeńców wojennych na Śląsku w 1941 roku // *Studia Śląskie.* 1963. T. 7. S. 300–302.

⁵ Из шталагов VIII В і 344 Ламсдорф сбежало всего 3561 военнопленных, из которых 2070 было схвачено и, как минимум, 75 застрелено. См.: *Banik J., Ciasnocha R.* Jeńcy różnych narodowości w obozach jenieckich w Lamsdorf w latach II wojny światowej. Przyczynek // *ŁRM.* 2005. T. 28. S. 82.

вательств над ними и обеспечивать хорошим питанием¹. Фактором, влиявшим на принятие военнопленным решения о побеге, было осознание того, что ему неоткуда ждать помощи, а выживание зависит только от него самого.

Подобной была мотивация и у тех, кто решался сотрудничать с немцами. Предпосылкой к принятию такого решения были также успехи немецких войск на востоке и убеждение в скором падении СССР, связанное зачастую с неприязнью к коммунистической идеологии. Склонность коллаборационизму проявляли некоторые национальные группы, главным образом – украинцы, латыши, туркмены и представители кавказских народов. Негативное восприятие ими Советской страны усиливалось тем, что ее власти не только отказались от защиты собственных граждан, но и признали их предателями, что старательно использовалось немецкой пропагандой². С целью поиска сотрудников, а в особенности солдат для коллаборационистских частей в Ламсдорф и в находившиеся в его подчинении рабочие команды направлялись специально подготовленные пропагандисты, издавалась специальная пресса (в том числе «Клич»), печатались листовки, организовывались лекции³.

Количество советских военнопленных Ламсдорфа, которые под влиянием этой пропаганды, разного рода опыта или просто из желания спасти жизнь вступили в армию, создаваемую генералом Андреем Власовым, или в другие формирования, неизвестно⁴.

Опасной частью коллаборационизма были доносы и участие в преследовании товарищей по плену, чем отличалась т.н. лагерная полиция⁵. Сотрудничество с врагом, заключавшееся в работе в качестве лагерных надзирателей, обычно приписывается украинским военнопленным⁶. Однако, как указывают конкретные примеры, не только они состояли в т.н. лагерной полиции: Палачами над своими собственными товарищами по плену были также русские и военнопленные других национальностей⁷.

При изучении большинства лагерей вермахта, в которые попали советские военнопленные, продолжает существовать проблема точного определения количества жертв с их стороны. Зачастую при установлении количества жертв

¹ ACMJW. Мр. Sygn. R II, № 649.

² Sawczuk J., Senft S. Op. cit. S. 194–195.

³ Czirow D. T. Op. cit. S. 169–170.

⁴ Из Шталагов VIII В и 344 Ламсдорф было освобождено всего 1828 советских военнопленных. Неизвестно, какое количество из них вступило в коллаборационистские части, а какое было направлено на принудительные работы. См.: Banik J., Ciasnocha R. Op. cit.. S. 82; ACMJW, MiD. VIII OW. Sygn. 6, b.p., Protokoły przesłuchań G. E. Czaszczyzna w oddziale kontrwywiadu „Smiersz” 16 Brygady Samochodowej, Miedling (Austria), 13 grudnia 1945 r.

⁵ Ibidem. K. 76–77.

⁶ Ibidem. K. 65.

⁷ Ibidem. K. 82.

приходилось использовать неполную документацию и данные выборочной эксгумации. В Ламбиновицах сразу после войны начали работать комиссии, целью которых было установление обстоятельств смерти советских военнопленных; кроме того, там сохранилась часть лагерной документации, в то время как во многих других местах, где находились лагеря, например, Чарны или Борны Сулимув, эксгумация сразу не проводилась, а если и предпринималась, то гораздо позже. Однако это не означает, что число жертв – 40 тыс. чел., представленное в литературе, не является окончательным и не подлежит обсуждению¹.

Комиссия по расследованию гитлеровских преступлений в отношении советских военнопленных в лагере Ламсдорф в 1941–1945 гг. была первой, уточнившей эту цифру. Она использовала результаты судебной эксгумации, проведенной в Ламбиновицах после обнаружения массовых захоронений советских военнопленных². Эта цифра была представлена после проверки первоначальных сообщений о 80 или 100 тыс. жертв³. Сообщение об этом открытии достаточно широко публиковалось в польской прессе⁴. Однако, как представляется, данное событие должно было послужить реализации определенных политических целей. Советская сторона исходила из того, что результаты работы комиссии, изучавшей массовые захоронения в Ламбиновицах, будут представлены во время Нюрнбергского процесса в качестве примера, документирующего преступления вермахта против советских военнопленных. Основой для определения количества погибших в Ламсдорфе стали, как уже говорилось, результаты эксгумации, проведенные комиссией в период с 19 по 30 декабря 1945 гг. В результате было установлено, что до середины 1942 г. советских военнопленных хоронили рядом с военным кладбищем времен Первой мировой войны, где в 1940–1945 гг. также хоронили британцев и, возможно, военнопленных из других государств.

Эпидемия тифа весной 1942 г. и связанная с ней высокая смертность среди советских военнопленных стали основной причиной, по которой место их захоронения было перенесено в окрестности Шталага 318/VIII F. Из отчетов видно, что в этих двух местах проводилось измерение могил. Осмотр останков позволил установить, что главной причиной смерти военнопленных было истощение,

¹ В монографии Януша Савчука, изданной в 1974 г., содержалась информация о том, что в основном лагере умерло от 36 до 40 тыс. советских военнопленных См.: Sawczuk J. Op. cit. S. 191.

² О работе комиссий см.: Nowak E. Ocalone dla pamięci. Opole, 1995.

³ АСМЖВ, MiD. VIII OW. Sygn. 5. K. 1. Цифра 100 тыс. появляется, в том числе в кинематографическом материале, записанном в августе или сентябре 1945 г. во время работ по эксгумации на кладбище с массовыми захоронениями рядом с Шталагом 318/VIII F Ламсдорф.

⁴ Linek B. Obozy w Lamsdorf / Łambinowicach na łamach prasy regionalnej (lipiec – luty 1946) // Szkice z dziejów obozów w Lamsdorf/Łambinowicach. Historia i współczesność. Red. E. Nowak. Z. 2. S. 119–133.

поскольку немцы морили их голодом¹. Эти данные повторили в отчете об осмотре массовых захоронений и останков польские врачи доктор Болеслав Попельский (доцент Института судебной медицины Ягеллонского университета в Кракове), доктор Тадеуш Прагловский (эксперт Окружного суда в Катовицах и бывший старший ассистент Института судебной медицины Ягеллонского университета), которые 10 января 1946 г. находились в Ламбиновицах. И хотя они не подвергли сомнению полученные данные, однако их выводы были сформулированы в более осторожной форме. Медики сообщили, что минимальное число жертв составляет около 32 тыс., а допустимое максимальное число – около 40 тыс.².

Те, кто выступали с критикой результатов работы советско-польской комиссии, указывали на недочеты в ее работе, оказавшие влияние на представленную оценку. Основные претензии касались отсутствия полной эксгумации (число эксгумированных тел ограничивалось 1031) и того факта, что количество умерших было установлено на основании измерения могил. Помимо этого, до конца неизвестно, была ли проведена эксгумация узников, покоившихся у кладбища военнопленных Первой мировой войны и были ли их тела перезахоронены на кладбище рядом со Шталагом 318/VIII F³. Члены комиссии сначала провели упомянутые работы, на основании которых представили количество жертв, и лишь потом проанализировали показания свидетелей и немецкую документацию, из которой следовало, что в период 1941–1945 гг. в Ламсдорфе умерло около 32 тыс. советских военнопленных. Однако данная информация уже не была распространена официально⁴. В то же время нельзя пренебрегать мнением, что документация по количеству и по смертности советских военнопленных, особенно в Шталаге 318/VIII F, не является полной⁵.

¹ ACMJW, MiD. VIII OW. Sygn. 5. K. 1; *Rezler-Wasielewska V. Łambinowickie cmentarze jenieckie w świetle najnowszych ustaleń* // ŁRM. 1995. T. 18. S. 36.

² ACMJW, MiD. VIII OW. Sygn. 5. K. 43–46.

³ *Nowak E. Obozy jenieckie...* S. 119–121; *Rezler-Wasielewska V. Łambinowickie cmentarze jenieckie...* S. 37. См. также: *Kiselëva E. Dokumente über den Tod sowjetischer Kriegsgefangener im Archivbestand der «Ausserordentlichen Staatlichen Kommission für die Feststellung und Untersuchung von Greueltäten der deutsch-fasistischen Eindringlinge...»* www.dokst.de (15.04.2012).

⁴ ACMJW, MiD. VIII OW. Sygn. 5. K. 53.

⁵ *Banik J., Ciasnocha R.* Op. cit.. S. 81–83. На основании поисков в российских архивах Эдмунд Новак пришел к выводу, что в период Второй мировой войны в основном лагере Ламсдорф и в рабочих отделениях погибло в общей сложности 70–73 тыс. военнопленных, включая 65 тыс. советских военнопленных. См.: *Nowak E. Dokumentacja obozów jenieckich...* S. 23.

* * *

Сохраняется необходимость продолжения исследований о положении советских военнопленных в Ламсдорфе (главным образом на основании документов, хранящихся в российских архивах), в том числе по проблеме смертности, численности в каждой из национальных групп, функционирования рабочих команд, масштаба сопротивления и коллаборационизма, состава лагерного гарнизона.

Не менее интересна послевоенная история увековечивания памяти о жертвах шталагов Ламсдорфа, в том числе и советских военнопленных. Политический контекст значимого интереса к теме военнопленных в 1960-е гг. в Польше, результатом которого стало создание и открытие Кладбища советских военнопленных в 1964 г., а также Центрального музея военнопленных в Ламбиновицах-Ополе, является темой, требующей подробного изучения.

Анджей Рыбак

СУДЬБЫ СОВЕТСКИХ ВОЕННОПЛЕННЫХ В ШТАЛАГЕ 319 ХЕЛМ

Лагерь для военнопленных в Люблинском дистрикте были всего лишь небольшой частью целой лагерной системы, которая действовала во время Второй мировой войны как на территории Третьего рейха, так и на территории оккупированных Германией государств, в том числе – в Генерал-губернаторстве.

Первые лагеря для советских военнопленных неслучайно были размещены на территории трех приграничных повятов Генерал-губернаторства и СССР, т.е. в городах Бяла-Подляска (Шталаг 307), Хелм (Шталаг 319) и Замостье (Шталаг 325). Размещение этих лагерей было связано с близостью границы и наличием железнодорожных путей, проходивших по этой территории. Главной задачей лагерей было принять первую волну советских военнослужащих, взятых в плен на начальном этапе боев в приграничных районах. Недолгое время эти учреждения исполняли роль фронтовых лагерей. Всего в Люблинском дистрикте с 1941 по 1944 гг. действовало 32 лагерей разного типа для советских военнопленных (включая постоянные, пересылочные, рабочие, а также рабочие отделения)¹. Через них прошло от 350 до 400 тыс. чел., из которых около 250 тыс. погибло².

История Шталага 319 в Хелме относится к наиболее трагическим страницам истории города и всего региона. Хотя этот лагерь был одним из элементов целой системы лагерей для военнопленных в Люблинском дистрикте, он выделялся на фоне такого же типа лагерей, действовавших в то же самое время на Люблинщине. Шталаг 319 с подчинявшимися ему региональными отделениями и филиалами действовал дольше всех остальных комплексов лагерей для военнопленных на территории Люблинщины (с 22 июня 1941 по июль 1944 гг.). Через его землянки и бараки прошло, по различным оценкам, 200 тыс. военнопленных разных национальностей, из которых около 98 тыс. погибло. Хелмский лагерь в

¹ Советские военнопленные и движение Сопротивления на польских землях в годы Второй мировой войны: Сб. статей. Отв. ред. Ю. С. Новопашин. М., 1991. С. 27.

² Ibidem.

полном смысле этого слова был международным лагерем. Немцы держали там, прежде всего, взятых в плен солдат Красной армии разных национальностей, а также поляков. В более поздний период здесь находились французские, британские, бельгийские и итальянские военнопленные. Под конец существования лагеря в нем были заключены партизаны 27 Волынской пехотной дивизии Армии Крайовой, которые попали в плен во время операции «Буря»¹.

Решение о создании в Хелме лагеря для военнопленных солдат Красной армии было принято 10 апреля 1941 г. командованием V Военного округа вермахта со ставкой в Штутгарте. На начальном этапе была создана комендатура лагеря, которая занялась дальнейшей организационной работой. Лагерь получил тогда официальное название «Шталаг 319 Холм»².

К строительству основного лагеря (Шталаг 319 А) немцы приступили в первые недели июня 1941 г., примерно за две недели до открытия военных действий против СССР. Первоначально работы сводились к ограждению территории колючей проволокой на перекрестке улицы Окшовска с улицей Рампа Бжеска, строительству башен для охранников и нескольких бараков вблизи стекольного завода «Мира». В административном здании завода расположилась комендатура. По немецким данным, лагерь мог вместить до 12 тыс. чел. Его общая площадь превышала 60 га. За три годы работы через Шталаг 319 А прошло приблизительно 100 тыс. советских военнопленных, из которых около 60 тыс. умерло в основном из-за голода и болезней. Лагерь был ликвидирован в апреле 1944 г., а оставшихся в нем военнопленных вывезли в Скерневице, где Шталаг 319 действовал до августа 1944 г. под тем же названием. На его месте работал пересылочный лагерь Дулаг 121³.

Вторым по размерам лагерем, входившим в состав Шталага 319, было отделение лагеря Б, с соответствующим немецким названием «Шталаг 319 В Холм». Он размещался на полях между улицами: Львовска, Войсловицка, Базыляны и Катовска, на территории около 86 га. Созданный в конце июня 1941 г., первоначально он не имел никаких жилых помещений. Военнопленные независимо от погоды находились под открытым небом, спали на голой земле – мергельной почве, превращавшейся во время дождей в болото. Лишь осенью 1941 г. лагерные власти разрешили построить примитивные землянки и поставить палатки. К востоку от лагеря (территория современного коммунального кладбища) находился лазарет. Согласно немецким документам, наполняемость лагеря составляла 6 тыс. чел. По данным за ноябрь 1941 г., в Шталаге 319 В было заключено 28 277 советских военнопленных. Всего через лагерь прошло приблизительно

¹ Rybak A. Stalag 319. Międzynarodowy obóz jeniecki w Chełmie w latach 1941–1944. Chełm, 2009. S. 44–50.

² Ibidem.

³ Ibidem.

80 тыс. военнопленных. Количество жертв оценивается в 30 тыс. чел. Шталаг 319 В был ликвидирован в апреле 1944 г.¹

Следующее отделение, Шталаг 319 С, было размещено рядом с улицей Рампа Бжеска на уровне железнодорожного переезда, на расстоянии около 150 м к северу от основного лагеря Шталаг 319 А. Первые советские военнопленные попали сюда в июле 1941 г. Здесь также вначале не было жилых помещений; только в июле 1942 г. завершилось строительство около 50 деревянных барakov. Согласно немецким данным, лагерь мог вместить 5 тыс. военнопленных. На начальном этапе работы он исполнял роль пересылочного лагеря – советские военнопленные находились здесь достаточно недолго, а затем их перевозили в другие лагеря, размещенные на территории Рейха. С августа 1942 г. в Шталаге 319 С находились французские, британские и бельгийские военнопленные. Это были сержанты, которых отправили в Хелм за разного рода проступки, главным образом из-за отказа работать на Третий рейх. Все военнопленные стран-союзников СССР до июня 1943 г. были вывезены из Хелмского лагеря в неизвестном направлении. Следующими узниками лагеря стали итальянские офицеры и солдаты, привезенные в Хелм в конце октября – начале ноября 1943 г.

Общая площадь всех лагерей в Хелме составила около 180 га. Хелмскому Шталагу 319 подчинялся также лагерь для военнопленных в Жмуди (Жемайтя), называемый Шталаг 319 D. Он действовал с июля 1941 г. по октябрь 1943 г. на территории водочного завода, где военнопленные жили в нескольких бараках, огражденных колючей проволокой. Содержащиеся здесь советские военнопленные использовались на работах главным образом в лесном, сельском хозяйстве и при строительстве дорог. Всего в лагере погибло около 450 узников, похороненных потом на кладбище для военнопленных².

Следующее отделение Шталага 319 находилось в казармах 9-го артиллерийского полка во Владеве (Шталаг 319 E). Он существовал с июля 1941 г. С ноября 1941 г. в нем находилось 5209 советских военнопленных. По различным оценкам, за три года его работы немцы уморили голодом и убили здесь от 12 до 15 тыс. военнопленных. Их тела хоронили за казармами в общих могилах³.

Лагерю для военнопленных в Хелме подчинялся также рабочий лагерь для советских военнопленных в деревне Жулин. Он был организован в сентябре 1941 г. В среднем в нем насчитывалось около 1 тыс. военнопленных, работавших на железной дороге и занятых в сельском хозяйстве. Лагерь был ликвидирован в 1942 г.⁴

¹ Ibidem. S. 50–56.

² Ibidem. S. 60.

³ Ibidem. S. 60–61.

⁴ Ibidem. S. 62.

Еще один трудовой лагерь для военнопленных, подчинявшийся Шталагу 319, находился в Хрубешове и действовал с 1943 по 1944 гг. Он насчитывал около 120 военнопленных, которые выполняли разного рода работу на территории города¹.

Шталаг 319/Z Замостье, отделение Хелмского лагеря, действовал в этом городе с марта по апрель 1944 г. Скорее всего, немцы отправляли военнопленных из Хелмского лагеря для эвакуационных работ, которые в связи с приближением восточного фронта велись полным ходом².

Истребление советских военнопленных начиналось уже на этапе их транспортировки в хелмские лагеря. Первых военнопленных в Шталаг 319 А привели после полудня 22 июня 1941 г., в день начала войны между Третьим рейхом и СССР³. Первая колонна насчитывала от 100 до 250 военнопленных. Прибывших солдат сразу использовали для расширения лагеря. Трассы первых транспортов, формировавшихся в прифронтовых зонах, проходили по дорогам от Дорогуска, Хрубешова, Замостья через Красныстав и Рёвец в Хелм⁴. Каждая из колонн насчитывала от нескольких сотен до нескольких тысяч военнопленных. Среди них были раненые, контуженые или больные. Их охраняли солдаты вермахта с автоматами наготове. Погоняемым солдатам не давали еды и лишали воды, несмотря на стоявшую жару. Гражданскому населению под угрозой расстрела также запрещалось давать им еду и воду. Охрана расстреливала на месте тех военнопленных, которые пытались что-то поднять с придорожного поля. Тех, кто не выдерживал темпа марша и отставал, немецкие солдаты расстреливали или добивали прикладами автоматов⁵.

Основная трасса пешего транспорта в Шталаг 319 проходила по шоссейной дороге из Ковеля в Хелм. Этим путем часто проходили продолжительным маршем в лагерь самые большие, многотысячные колонны военнопленных, формировавшиеся в сборных пунктах в операционной зоне. Одну из них, насчитывавшую несколько тысяч взятых в плен красноармейцев, гнали аж от Житомира. Большая часть военнопленных, у которых не было сил идти дальше, была расстреляна конвоирами еще в пути. В Хелм из этой группы пришло едва несколько сотен. При входе в город немцы приказали военнопленным снять шинели, обувь и остаться в рваных рубашках⁶. Одновременно с советскими военнопленными

¹ Czubara K. Tragiczna karta. Dzieje Hrubieszowa w czasie II wojny światowej // Tygodnik Zamojski. 2000, № 11. S. 11.

² Rybak A. Op. cit. S. 63.

³ Archiwum Instytutu Pamięci Narodowej w Lublinie (AIPN Lublin). Sygn. OKL / Ds.322/67. Protokoły przesłuchań świadków: Jana Pasiecznego i Stanisława Niedźwińskiego. K. 21, 90.

⁴ Czuba P., Wojtal J. Walczyli na ziemi krasnostawskiej 1939–1945. Warszawa, 1979. S. 232; Relacja Bolesława Bassy – zbiory autora.

⁵ Poliszczuk W. Dowody zbrodni OUN i UPA. Toronto, 2000. S. 300–301.

⁶ Ibidem.

вели немалые группы гражданского населения (в основном поляков), которых немцы задержали при строительстве разного рода укреплений в приграничных районах. Поляки были в основном с Волыни, из окрестностей Львова и Коломыи. Благодаря активной деятельности Польского комитета опеки в Хелме они были освобождены до весны 1942 г.¹

В связи с тем, что линия фронта быстро перемещалась на восток, немецкие власти приняли в июле 1941 г. решение о перевозке военнопленных железнодорожным транспортом. В первые месяцы войны в течение суток приходило по несколько товарных поездов, состоявших из десятков вагонов. Транспорт сопровождался усиленным конвоем, который при попытках бежать стрелял не только в бежавших, но и в остающихся военнопленных. Военнопленные, перевозимые по железной дороге, были лишены доступа к воде и к пище. Физиологические потребности осуществлялись на месте. Через несколько дней такого пути военнопленные находились в состоянии крайнего истощения². Нередко из вагона, в котором везли около 100 военнопленных, выносили 20 тел тех, кто не выдержал ужасных условий. Оставшимся в живых приказывали идти сквозь строй немцев в сторону ворот лагеря. Когда они проходили, их считали, били деревянными палками, подгоняли. Количество военнопленных, выходящих и выносимых из вагонов, указывало на то, что они не имели возможности сидеть в вагоне, а только стояли, скученно, один рядом с другим. Хелмский железнодорожник сообщал, что в Шталаг 319 порой приходили такие транспорты с военнопленными, ни у одного из которых не хватало сил самостоятельно выйти из вагона³.

Во время приема в лагерь новых военнопленных проводился каждый раз строгий отбор. На его первом этапе новоприбывших отправляли на пустое лагерное поле, где они проходили карантин, длившийся, как правило, три дня. В этот период военнопленным, находившимся под открытым небом, не давали даже воды. После периода изоляции их допрашивали с участием офицера лагерного отделения Абвера. Цель допросов состояла в выявлении военнопленных еврейского происхождения, политрабтников, офицеров, членов компартии и комсомола, госслужащих, представителей интеллигенции и т.п., относимых к нежелательным элементам. Остальных военнопленных делили на группы согласно званию и национальной принадлежности. Каждую группу размещали на отдельном лагерном поле и как следует изолировали от остальных. Хотя по хелмским лагерям нет данных, но скорее всего, как и в других лагерях, военнопленных делили на шесть групп. В первой находились, независимо от

¹ Rybak A. Op. cit. S. 158–172.

² AIPN Lublin. Sygn. OKL/Ds.322/67. Protokół przesłuchania świadka Bolesława Zygmunta Wirskiego. K. 30–31.

³ Ibidem. Protokół przesłuchania świadka Mariana Szymanka. K. 25–28.

национальности, генералы и старшие офицеры; во второй группе, также независимо от национальной принадлежности, были младшие офицеры, в третьей – рядовые и сержанты белорусского происхождения, в четвертой – рядовые и сержанты русские, в пятой – рядовые и сержанты украинцы, в шестой – рядовые и сержанты различных национальностей: казахи, азербайджанцы, грузины и др.¹

Собственно говоря, до середины 1942 г. Шталаг 319 являлся лагерем смерти для заключенных здесь советских военнопленных. Уничтожение осуществлялось различными способами, их результатом был резкий рост смертности, представляемой немцами как естественной. Основными элементами этой стратегии были: спланированный голод военнопленных, содержание их даже зимой в неотапливаемых помещениях, а нередко и под открытым небом, ужасные санитарно-гигиенические условия, что в результате привело к эпидемиям заразных болезней, в особенности брюшного тифа, дизентерии и туберкулеза.

До сих пор не известно точное количество расстрелянных советских солдат. В первую очередь расстреливали отобранных ранее «нежелательных». Одной из форм уничтожения было принуждение истощенных военнопленных к тяжелому физическому труду.

В 1942 г. в политике немецких властей произошли определенные перемены, связанные главным образом с необходимостью использования военнопленных в качестве дешевой рабочей силы в экономике Третьего рейха. Менее жестоко стали относиться к ним во время перевозки по железной дороге. В Хелмском лагере к каждому вагону, который подходил к ул. Рампа Бжеска, приставляли специальный помост (использовался также для загона в вагоны свиней и скота), чтобы военнопленные могли по нему спокойно спуститься. Раненых и больных доставляли в лагерьный лазарет на грузовиках².

В первый период действия Шталага 319 в Хелме не было подготовлено никаких помещений, в которых военнопленные могли бы жить. Прибывавших людей размещали под открытым небом. На протяжении дня люди жарились на солнце, а ночами мерзли, лежа на голой земле. Поскольку лагерь располагался на мергельной почве, даже после небольшого дождя земля превращалась в болото, в котором военнопленные спали без соломы³. Лишь осенью 1941 г. лагерные власти разрешили строительство землянок (лагеря А и В). Было построено

¹ Bartniczak M. Grądy i Komorowo 1941–1944: z dziejów stalagów 324 i 333. Ostrów Mazowiecka–Warszawa, 1978. S. 39–40.

² Relacja Zofii Kornyluk – zbiory autora; <http://1db1.narod.ru> (7.06.2005).

³ AIPN Lublin. Sygn. OKL / Ds. 322 / 67. Protokoły przesłuchań świadków: Mieczysława Jędrzejewskiego, Piotra Wasilewskiego, Franciszka Chachaja. K. 6–7, 20–22, 39–40; *Płoski S. Zbrodnie niemieckie w obozach jeńców sowieckich // Biuletyn Głównej Komisji Badania Zbrodni Niemieckich w Polsce*. 1946. T. 1. S. 309.

несколько бараков в основном лагере и поставлено несколько десятков разного размера палаток в лагере В¹.

Лагерные власти интереса к какому-либо благоустройству объектов не проявляли, они лишь требовали, чтобы те находились на одинаковом расстоянии друг от друга, что обеспечивало хорошую видимость. Военнопленные сами строили землянки с помощью инструмента, который предоставляли немцы². Ранее выкопанные ямы увеличивали в размере, а затем накрывали временными навесами из досок или брезента от палаток. В землянках были небольшие оконные отверстия, сделанные из кирпича и камня, в них не было пола, военнопленные сначала спали в болотистой мергельной почве, лежа перпендикулярно к стене, тесно прижавшись друг к другу. Отсутствие полноценного сна и отдыха приводило к ослаблению организма и ухудшению концентрации, что в условиях лагеря зачастую было решающим в вопросе жизни и смерти. В лагере В землянки были длиной около 10 м и 3-4 м шириной. Они были прикрыты деревянной двускатной крышей или брезентом. Стены минимально поднимались над поверхностью земли³. И в стенах, и в крышах было полно щелей, поэтому неудивительно, что в осенний период на них оседал слой грязи, а зимой – снега и льда. Позже на территории лагеря были поставлены военные палатки для одного взвода, но военнопленных там должно было поместиться гораздо больше – нередко целая рота. Палатки защищали от дождя и ветра, но не от мороза.

Также как и в землянках, замерзшие красноармейцы спали на голой земле, укрываясь тем, что у них было, а чаще всего грелись, лежа довольно близко друг другу и одновременно переворачиваясь по команде. В первые месяцы работы лагеря построенных землянок хватило примерно для 25% военнопленных⁴.

Осенью 1941 г. строительство данного типа объектов началось также в лагере А на ул. Окшовска. Оно продолжалось несколько месяцев. Землянки были больше по площади, чем построенные в лагере В на ул. Львовска. Каждая из них имела в длину около 20 м, 5 метров в ширину и 2 м в высоту. Они строились из балок, поставленных стоймя, а крыши землянок делались из досок, засыпанных землей. Сначала военнопленные спали на голой земле, но поздней осенью были построены двухъярусные нары. С наступлением морозов (ноябрь 1941 г.) военнопленные сожгли их, чтобы согреться⁵. Они накрывались собственной одеждой. В каждой землянке находился дымоход, который служил для вентиляции помещения. Здесь также дырявые крыши не могли защитить военноплен-

¹ AIPN Lublin. Sygn. OKL / Ds. 322 / 67. Protokoły przesłuchań świadków: Wincentego Jędrzejewskiego, Piotra Wasilewskiego, Franciszka Chachaja.

² Ibidem. Protokół przesłuchania świadka Piotra Wasilewskiego. K. 20–22.

³ Ibidem. Protokół przesłuchania świadka Mariana Szymanka. K. 25–27.

⁴ Ibidem. Protokół przesłuchania świadka Franciszka Chachaja, . K. 15–16.

⁵ Relacja Jana Karenki – zbiory autora.

ных от атмосферных осадков. На земле, служившей полом, были лужи и грязь. В помещениях было влажно и промозгло. В землянке в среднем помещалось от 150 до 200 военнопленных¹, хотя некоторые свидетели говорят о 300, или даже 400 чел.². За принесение подстилки в землянку грозило наказание в виде порки. В этот период лагерные власти не предоставляли тюфяков с соломой или одеял, чтобы военнопленные могли укрыться.

В то же самое время на территории лагеря началось также строительство нескольких десятков бараков, каждый из которых мог вместить 500 военнопленных³. С целью увеличения вместимости помещений устанавливались двухъярусные нары или одну подстилку предоставляли нескольким военнопленным. Сначала они спали на голых досках, в более поздний период (с середины 1942 г.) им начали привозить солому, опилки, и даже бумажные тюфяки и одеяла. В связи с тем, что в бараках зияли щели (стены этих помещений обивались тонкими досками или панелями, а потолки отсутствовали), подобные временные жилища лишь в незначительной степени защищали военнопленных от дождя и ветра и совсем не помогали от мороза. По словам одного из свидетелей, на территории лагеря А находилось около 50 таких бараков⁴.

Иначе, чем в хелмских лагерях, выглядели условия размещения в Шталаге 319 Е во Влодаве. Здесь военнопленных селили в конюшнях, а также в сарае, где хранился корм для лошадей, и в деревянных бараках. Эти помещения не отапливались и не освещались. Солома, на которой спали военнопленные, не менялась и «люди лежали практически в навозе»⁵. Бараки были около 30 м в длину, внутри них находились двухъярусные нары⁶.

Непригодные условия размещения в основном лагере и в его отделениях были причиной тяжелых заболеваний, связанных с переохлаждением, представлявшим особую угрозу для голодного и истощенного организма. До конца войны в Шталаге 319 работы по улучшению помещений ограничивались лишь мелким ремонтом оборудования или сломанного инструмента.

В задачу подобного системного негативного отношения к военнопленным, действовавшего в Шталаге 319, также как и в других лагерях этого типа, входило приведение военнопленных в короткие сроки к т.н. естественной смерти. Основным средством в реализации этой цели являлся голод. Немецкая политика

¹ Relacja Mieczysława Jędrzejewskiego – zbiory autora.

² AIPN Lublin. Sygn. OKL / Ds. 322/67. Protokół przesłuchania świadka Piotra Wasilewskiego. K. 6–7; Relacja Bolesława Pietruszki – zbiory autora.

³ Muzeum Pojezierza Łęczyńsko-Włodawskiego we Włodawie (MPŁW). Brak sygn. Protokół przesłuchania świadka Jakowa Sawienko.

⁴ Relacja Ryszarda Pietruszki – zbiory autora.

⁵ AIPN Lublin. Sygn. Lu-1 / 10 / 21. Obóz jeńców sowieckich we Włodawie. Protokoły przesłuchań świadków: Mariana Chorażego i Władysława Piwowara. K. 12–13, 19–20.

⁶ Ibidem, Protokół przesłuchania świadka Władysława Piwowara. K. 12–13.

продовольственного снабжения особым образом дискриминировала взятых в плен советских военнопленных. Несмотря на то, что в приказе Верховного командования сухопутных войск (*Oberkommando des Heeres*) Третьего рейха от 6 августа 1941 г. устанавливался размер пайка на одного военнопленного (на период до четырех недель), который составлял: шесть кг хлеба, 400 г мяса, 440 г жиров, 600 г сахара¹, на практике он никогда не предоставлялся. Получаемый советскими военнопленными паек был не только гораздо меньшего размера по сравнению с гарантированным вермахтом, но и имел ужасное качество. Для них пекли специальный хлеб, который на 50% состоял из ржаного шрота, на 20% – из свекловичного жома, на 20% – из клетчатки и на 10% – из молотой соломы, порубленных листьев или опилок. Энергетическая ценность этого питания была гамного ниже нормы, и его не хватало для сохранения сил и здоровья. В первый период пребывания в плену советские военнопленные в лагерях на территории Генерал-губернаторства, в том числе – в Хелмском лагере получали дневные пайки в лучшем случае с энергетической ценностью в 500 ккал². У большинства из них не было возможности восполнения недостающих килокалорий. Они быстро теряли жировой слой, затем мышечную ткань, и тем самым утрачивали сопротивляемость болезням. В результате методичного принудительного голодания в течение двух-трех месяцев наступало истощение организма и как его следствие – смерть.

В первый период работы Шталага 319 (до середины 1942 г.) ежедневный продовольственный паек, часто уменьшавшийся или изменявшийся, был следующим: завтрак – черный кофе без сахара (как правило, отвар из разных зерен) и от 150 до 200 г хлеба³; обед – около пол-литра супа (вид супа зависел главным образом от времени года), чаще всего он состоял из брюквы, нижних листьев капусты, кормовой свеклы или неочищенного картофеля. Для приготовления супа использовались также отруби⁴. Такая еда не имела никакой пищевой ценности, суп был без жира и даже без соли. На ужин узники получали только «кофе» без сахара. В результате постоянного притока военнопленных в лагерь порции уменьшались, а лагерные власти ничего не делали для изменения ситуации. Кроме того, даже этих скудных пайков не хватало на всех.

В условиях массового голода в пищу употреблялось всё, что можно было найти в мергельной земле на территории лагерей. Военнопленные ели траву, листья и кору деревьев, даже насекомых – территория лагерей была полностью

¹ Gumkowski J., Leszczyński K. *Okupacja hitlerowska w Polsce*. Warszawa, 1961. S. 99; Gumkowski J., Barciszewski M. *Żagań: Stalag VIII C*. Warszawa, 1961. S. 25.

² Lietz Z. *Obozy jenieckie w Prusach Wschodnich 1939–1945*. Warszawa, 1982. S. 136.

³ AIPN Lublin. Sygn. OKL / Ds. 322 / 67. *Protokoły przesłuchań świadków: Piotra Wasilewskiego i Jana Pasiiecznego*. K. 21; MPŁW. *Protokół przesłuchania świadka Georgija Skidana*. Brak sygn.

⁴ Ibidem.

опустошена. Большим событием был день, когда удавалось найти крапиву на суп, считавшуюся драгоценным источником витаминов¹. Сотни военнопленных заболели и умирали от водянки и дизентерии. Во время жаркого лета 1941 г. в лагерях сильно ощущалась нехватка питьевой воды – многие военнопленные изнемогали от жажды.

В октябре 1941 г. в Шталаге 319 А лагерные власти начали систематически уменьшать продовольственный паек, а через две недели перестали доставлять хлеб. Голод привел к тому, что военнопленные выкопали из земли все растения и корни, а когда и этого не стало, менее стойкие начали по ночам выдирать из умерших собратьев части тела, вначале сердце и печень, которые ели сырыми². Позднее вырезались все крупные мышечные ткани. Канибализм среди военнопленных был также в лагере В на ул. Львовска и в лагере во Влодаве. По словам одного из военнопленных, «когда ночью кто-то из товарищей по плену умирал, его съедали сразу»³. Также военнопленные, хоронившие своих коллег на кладбище для военнопленных в Борке, могли проявлять канибализм. Воспользовавшись невниманием немецких охранников, они вырезали части тела у умерших и жарили их вечером на маленьких кострах⁴. В настоящий момент сложно оценить размах этого явления, но, принимая во внимание господствующий голод, ощущавшийся военнопленными хуже всего в первый период нахождения в плену, можно предположить, что это были не единичные случаи.

О голоде в хелмском лагере также сообщал в письмах к жене в 1941 году немецкий солдат (Й.З.): «Я не верил в то, что русские стоят так низко в культурном отношении, пока не получил возможность наблюдать их ежедневно. [...] Они жрут [...] траву как скот. В канавах на улице находят огрызки яблок и бросаются на них как волки на добычу. Чтобы пройти с этими скотами мимо картофельного поля, надо бить их прикладами, иначе не идут. Они падают на землю, выгребая руками картофель и жрут его сырым и грязным»⁵.

Определенное улучшение в питании военнопленных можно отметить со второй половины 1942 г., когда в связи с распоряжением Верховного главкомандования вермахта (Oberkommando der Wehrmacht) их начали направлять

¹ AIPN Lublin. Sygn. OKL / Ds. 322 / 67. Protokoły przesłuchań świadków: Franciszka Chadaja i Bolesława Wirskiego; relacja Anny Olesińskiej – zbiory autora.

² Waldowski Z. Dziennik z lat wojny i okupacji. S. 631. (Rękopis w zbiorach Chełmskiej Biblioteki Publicznej (ChBP).

³ Archiwum Zarządu Oddziału Związku Nauczycielstwa Polskiego w Chełmie (AZOZNpWCh). Hamerska A. Opowiadanie okupacyjne: człowiek z obozu. S. 2. B. sygn.

⁴ AIPN Lublin. Sygn. OKL / Ds. 322 / 67. Protokół przesłuchania świadka Mariana Szymanka. K. 25.

⁵ Stenzel T. Das Rußlandbild des «kleinen Mannes». Gesellschaftliche Prägung und Fremdwahrnehmung in Feldpostbriefen aus dem Ostfeldzug (1941–1944/1945). München, 1998. P. 105. Й.З. был командиром взвода со служебными собаками в Шталаге 319 в Хелме.

на работы в лесное и сельское хозяйство. Поводом к улучшению питания была вовсе не забота об улучшении состояния заморенных голодом людей, а оказались перемены, происходившие в немецкой политике уничтожения. С этого времени незначительное улучшение в питании военнопленных связывалось с их максимальным использованием в военной промышленности Третьего рейха в качестве рабочей силы до окончательного уничтожения. В Шталаге 319 в Хелме и подчинявшихся ему лагерях это также стало заметным. Например, дневной паек хлеба увеличился с 200 до 250 г¹, в супе появилось подобие конины, которую поставляли в лагерь со скотобойни на ул. Львовска².

Еду давали следующим образом: военнопленные сидели на земле, держа в руках емкости (кастрюли, котелки или банки из под консервов), куда дежурный наливал суп. В случае любого замешательства пленных били палками. Если военнопленных заставляли на месте кражи продуктов, их расстреливали тут же³.

Рассказывая о бытовых условиях существования советских военнопленных, невозможно опустить такую важную тему, как состояние лагерной гигиены. В лагерях везде было очень грязно, что представляло опасность при приготовлении пищи. Чрезмерное количество людей, находившихся в бараках и землянках, а также антисанитария привели к появлению рассадников насекомых. Заражение вшами происходило очень быстро, следствием чего было начало эпидемий тифа и других заразных болезней. Из слов поляка, имевшего непосредственный доступ в лагерь: «Военнопленные черные от грязи, их по-настоящему едят вши»⁴. Вши и блохи находились в одежде и белье военнопленных, а также в одеялах и тюфяках, в нарах и в полу землянок и бараков. Насекомые вызвали раздражение на коже и даже раны, которые моментально инфицировались.

Соблюдение личной гигиены в лагерях было практически невозможно. Царившая грязь была следствием ограниченного доступа к воде. Например, на лагерном поле в Шталаге 319 А, где находились военнопленные польского происхождения, был только один водяной насос, рядом с которым стояло деревянное корыто для мытья⁵. Подобным образом была организована помывка и в других лагерях. На лагерном поле могло находиться несколько тысяч военнопленных, и возможность мытья и стирки одежды была в принципе иллюзорной. Вплоть до второй половины 1942 г. в хелмском лагере А отсутствовала прачечная. В более

¹ AIPN Lublin. Sygn. OKL / Ds. 322 / 67. Protokół przesłuchania świadka Piotra Porębskiego.

² Relacja Władysława Baranowskiego – zbiory autora.

³ AIPN Lublin. Sygn. OKL / Ds. 322 / 67. Protokół przesłuchania świadka Piotra Porębskiego.

⁴ Płoski S. Op. cit. S. 309.

⁵ AIPN Lublin. Sygn. OKL / Ds. 322 / 67. Protokół przesłuchania świadka Piotra Wasilewskiego.

поздний период советские военнопленные получили возможность помыться и постирать одежду в бане и прачечной, расположенных в Шталаге 319 С¹.

Еще более сложным был доступ к воде в Шталаге 319 В на ул. Львовска: примерно на 30 тыс. военнопленных, содержащихся там, приходилось несколько колодцев, оставшихся от захваченных хозяйств².

По воспоминаниям жителей Хелма, которые контактировали с освобожденными из лагеря поляками, «все были такие грязные, что чтобы их отмыть, надо было несколько раз менять воду, а грязи на них было столько, что хоть ножом срежай»³. Все имевшееся у них белье и одежду сразу жгли, т.к. все было облеплено вшами и гнидами⁴.

В связи с огромным перенаселением основного лагеря, даже после строительства бани какие-либо гигиенические процедуры были крайне редкими. После дезинфекции формы военнопленные часами голые ждали еще мокрую одежду, т.к. у них была только одна смена одежды. Результатом этого были массовые простудные заболевания, воспаление легких и как следствие – смерть.

Вначале в лагерях А и С находились отхожие места в виде выгребных ям. Со временем уборные были размещены в предназначенных для этого бараках. На одну уборную приходилось несколько тысяч военнопленных, из-за чего к ним выстраивались длинные очереди. В очень тяжелой ситуации находились страдавшие поносом, т.к. уборными можно было пользоваться только в определенные часы. Многие тяжелобольные военнопленных теряли в уборных сознание и гибли, падая в выгребные ямы⁵.

В Шталаге 319 В на ул. Львовска уборные были примитивные: по образцу военных вдоль колючей проволоки, окружавшей лагерь, выкапывались длинные рвы глубиной 2 м. Над этими рвами на высоте 80 см над землей были размещены жерди, служившие опорой. Они были без какого-либо прикрытия, люди облегчались на виду у всех. Также и здесь были случаи, когда ослабленные военнопленные тонули⁶. Один из узников лагеря вспоминал: «Я молился о том, чтобы не умереть в уборной, это была страшная смерть. Глубокие рвы с переброшенными бревнами предназначались для уборной, а для многих становились могилой. Изнуренные голодом, дизентерией и другими болезнями люди не могли удержаться на бревнах и, падая в экскременты, умирали в страшных условиях. Присыпаемые слоем земли рвы закапывались, когда уже были заполнены»⁷.

¹ Diario di Pompilio Aste // <http://digilander.libero.it> P. 5 (26.11.2005).

² AIPN Lublin. Sygn. OKL / Ds.322 / 67. Protokół przesłuchania świadka Franciszka Chachaja.

³ Relacja Władysława Baranowskiego – zbiory autora.

⁴ Ibidem.

⁵ Relacja Zofii Kornyluk – zbiory autora.

⁶ Relacja Ryszarda Błażejczuka – zbiory autora.

⁷ Relacja Anny Olesińskiej – zbiory autora

Такие антигуманные санитарные условия способствовали быстрому распространению инфекционных болезней. Они действовали на психику военнопленных опустошающе: грязные, вшивые, спавшие в грязи люди, лишенные возможности удовлетворения основных потребностей, должны были почувствовать себя существами, вызывающими отвращение и презрение. Унизительный вид военнопленных был для немцев поводом для дальнейших притеснения и унижения.

Практически весь период существования Шталага 319 в Хелме не хватало обуви, брюк и белья для советских военнопленных. Только 20% узников были в достаточной мере обеспечены одеждой. Около 30% не имело обуви, что особенно сильно чувствовалось зимой; ноги от холода пытались защитить, заматывая их тряпками и бумагой. Одежда военнопленных была в очень плохом состоянии: по большей части она представляла собой лохмотья, оставшиеся от летней формы. Только у некоторых были шинели. Люди пытались использовать взамен одежды бумажные мешки и тряпье.

По приказу комендатуры Шталага с тел умерших военнопленных снимали не только форму, обувь, но также и белье. Это делалось и в случаях, когда смерть наступила в результате инфекционного заболевания. Ношение формы, оставшейся от умерших, военнопленных ослабленными солдатами или обмен такой одежды на пищу вели к увеличению заболеваемости и смертности. Лагерные власти не спешили предоставлять недостающую одежду, хотя на складе на ул. Окшовска находилось несколько тысяч шинелей и комплектов формы, оставшейся от умерших¹.

В Шталаге 319 в Хелме и в его отделениях, также как и во всей завоеванной Европе, военнопленные находились под опекой медицинской службы вермахта на тех же основаниях, согласно Женевской конвенции, что и солдаты немецкой армии. Формально первую помощь раненым, контуженным и больным военнопленным должны были оказывать медико-санитарные бригады полевых войск, задачей которых было проведение отбора и формирование групп, требующих медицинской помощи. Если в полевом госпитале не было мест, отбор военнопленных производили передовые санитарные отряды. В первую очередь должны были эвакуировать тяжело раненных с целью оказания им немедленной помощи. Однако теория была крайне далека от практики – санитары в первую очередь эвакуировали раненых немецких солдат, оставляя советских военнопленных без какой-либо медицинской помощи, что приводило к массовым смертям еще до перевозки в лагерь².

Действовавшие в Шталаге 319 лазареты для военнопленных подчинялись начальнику медицинского сектора (Abteilung IV B), которым в 1942 г. был обер-

¹ Relacja Zofii Kornyluk – zbiory autora.

² Datner S. Zbrodnie Wehrmachtu na jeńcach wojennych armii regularnych w II wojnie światowej. Warszawa, 1964. S. 450–460; Lietz Z. Op. cit. S. 17.

штабсарц Генхт¹. Высшую власть над лазаретом осуществлял комендант, которому подчинялись немецкие врачи и рекрутировавшиеся из военнопленных. Контроль над этими последними осуществлялся немецким персоналом. В связи с тем, что дела канцелярий лазаретов Шталагов 319 А и 319 В не сохранились, невозможно восстановить личные данные работавших там людей.

В существующей литературе, посвященной военнопленным, господствует мнение, что раненые советские военнопленные, попадавшие в немецкий плен, не получали никакой медицинской помощи. Такая точка зрения представлена среди прочего в книге Шимона Датнера «Преступления немецко-фашистского вермахта в отношении военнопленных во Второй мировой войне»². Не стремясь оспорить эти данные, обратим внимание на малоизвестный факт лечения советских военнопленных в гражданских больницах за территорией лагерей. Это происходило и в Хелме, где более месяца раненые и больные военнопленные из Шталага 319 направлялись на лечение в местную больницу Св. Николая на ул. Хрубешевска. Подобным образом на территории Люблинщины это происходило в Повятовой больнице в Замостье³. Первые военнопленные попали туда уже 23 июня 1941 г. Это были в основном раненные во время приграничных боев, а затем взятые в плен немецкими войсками поляки. Первые советские военнопленные были направлены в Больницу Св. Николая 27 июня, в тот день было принято 19 чел.⁴. Всего в больнице лечилось 84 чел., направленных сюда из холмского лагеря, из которых 13 умерло⁵. Последнего военнопленного выписали из больницы 8 августа 1941 г.

Из анализа книги учета больных следует, что около 90% раненых было принято в больницу в июне и июле 1941 г. Они оказались здесь в связи с полученными огнестрельными ранами. Чаще всего были поражены руки, грудная клетка, живот, бедра, голени, голова. У остальных были сломаны кости рук, ног, а также имелись ожоги. Среди военнопленных больше всего насчитывалось украинцев (30), русских (24) и поляков (17); имелись также монголы (4), белорусы (2), грузины (2) и один узбек. Национальность четырех военнопленных установить не удалось. Раненые поляки в большинстве были с территории Любомильского повята (Волинь)⁶.

Продолжительность лечения колебалась от одного до 36 дней. В среднем раненые военнопленные находились в больнице порядка трех недель. Около

¹ Archiwum Państwowe w Lublinie Oddział w Chełmie (APLOCh). Akta szpitala św. Mikołaja w Chełmie (AsśMCh). Sygn. 127. Księga chorych za lata 1940–1942, b. p.

² Datner S. Op. cit. S. 450–460.

³ APLOCh, AsśMCh. Sygn. 127. Księga chorych za lata 1940–1942, b. p.

⁴ Ibidem.

⁵ Ibidem.

⁶ Ibidem.

60% раненых лечились в течение более длительного времени. За один день пребывания больного военнопленного в Больнице Св. Николая военная администрация платила пять злотых¹. Подробный анализ книги учета больных затрудняют нечитабельные записи на украинском языке (больница в то время была украинской), содержащие данные о пациентах. Сложность вызывают также названия болезней, записываемые чаще всего неразборчиво на латыни.

Неизвестно, по какой именно причине в конце июля 1941 г. немцы перестали направлять больных военнопленных в больницу на ул. Хрубешовской. Скорее всего, к этому времени лагерные власти уже успели организовать собственные лазареты. Определенной подсказкой может служить распоряжение, направленное Отделом здравоохранения Люблинского дистрикта к старостам повятов. В документе рекомендовалось не принимать в гражданские больницы больных военнопленных без согласия санитарного офицера комендатуры лагерей для военнопленных в Люблине. В противном случае средства, потраченные на их лечение, не должны были возмещаться².

Создание лазарета для военнопленных в Шталаге 319 А относится к концу июня 1941 г., когда из барака № 1а начали направлять тяжелораненых на лечение в Больницу Св. Николая. Скорее всего, в этом бараке находилась временная больничная палата. В связи с огромным увеличением количества военнопленных в конце июля – начале августа 1941 г. полностью завершилась организация лагерного лазарета, состоявшего из четырех барачков³. В каждом из них имелись двухъярусные нары и помещения для медперсонала. В лазарете работали немецкие врачи, в подчинении которых находились русские и польские медики из числа военнопленных.

Медперсонал из числа военнопленных не имел в принципе возможности оказания эффективной помощи раненым и больным коллегам. В лазарете не хватало основных перевязочных материалов (например, бумажных бинтов), дезинфицирующих и обезболивающих средств, а также хирургических инструментов.

Ранней осенью 1941 г. в связи с холодом и дождем среди военнопленных начала распространяться опасная болезнь – воспаление легких. Большое влияние на состояние их здоровья оказывала нехватка питания, что вело к заболеваниям желудочно-кишечного тракта. В связи с тем, что в лагере постоянно всем не хватало пищевых пайков, в котлы с готовым супом начали вливать холодную воду, в готовящийся суп бросали картофель и другие овощи немывыми и неочищенными. Это вызвало эпидемию брюшного тифа и дизентерии, в результате

¹ Ibidem.

² APŁoch, AsMCh. Sygn. 1350. Pismo do starostów powiatowych dystryktu lubelskiego z 9 VI 1942 г., б. р. Обращение было подписано медработником: Амзарц д-р Рунт.

³ Relacja Mieczysława Jędrzejewskiego – zbiory autora.

которых ежедневно умирало до 500 военнопленных¹. По другим источникам, смертность в лагере в среднем составляла от 200 до 300 чел. в день². На рубеже 1941–1942 гг. огромные потери были вызваны эпидемией тифа: согласно свидетельству немецкого унтер-офицера, работавшего в лазарете, лагерная канцелярия зафиксировала в 1944 г. смерть 70 тыс. чел.: около 50 тыс. чел. не было в начале существования лагеря занесено в реестр, а поскольку военнопленные умирали массово, «записи не велись»³.

Лазарет Шталага 319 А действовал до апреля 1944 г., когда лагерь военнопленных в Хелме был ликвидирован, а на его месте был создан Дулаг 121. Баракы, оставшиеся от лазарета, были предназначены для госпиталя пересылочного лагеря.

Лазарет для военнопленных в Шталаге 319 В возник в конце июля – начале августа 1941 г. и располагался примерно в 200 м от лагеря, на территории созданного позднее коммунального кладбища на ул. Мостицкого. Он занимал территорию в 8 га и был окружен односторонним забором из колючей проволоки. В составе лазарета имелось 18 землянок и бараков, в том числе – 4 землянки для инфекционных больных, отгороженные от основного госпиталя. Немцы, боявшиеся распространения эпидемии среди своих, изолировали там инфекционных больных военнопленных, которым через проволоку бросали в небольшом количестве гнилой картофель и брюкву. Это были сознательные действия, направленные на уничтожение больных⁴. С целью улучшения вывоза тел была построена узкоколейка, которая вела на окраину города к лесу Борек, к кладбищу для военнопленных⁵.

Лазарет лагеря В мог вместить около 700 больных. Его персонал, кроме немецкой медслужбы, состоял из советских врачей и санитаров. Здесь также у них не было никакой возможности оказания действенной помощи больным и раненым военнопленным – не хватало лекарств и перевязочного материала⁶. Медперсонал лишили возможности выполнять свои профессиональные обязанности, несмотря на то, что военнопленные относились к той группе, которой в первую очередь требовалось оказание медицинской помощи. Советские солдаты в первый период пребывания в лагерном госпитале умирали в основном из-за полученных во время боя ранений, потери крови, гангрены. Раненые и больные лежали рядом друг с другом на голой земле в выкопанных ямах, накрытых

¹ *Waldowski Z.* Op. cit. S. 570; *Płoski S.* Op. cit. S. 309.

² AIPN Lublin. Sygn. OKL / Ds.322 / 67. Protokół przesłuchania świadka Piotra Porębskiego.

³ AIPN Lublin. Sygn. Lu-1 / 10 / 27. Protokół przesłuchania świadka Aleksandra Salomona. K. 8; relacja Ryszarda Pietruszki – zbiory autora.

⁴ Lager B – plan w zbiorach ChBP; *Szaron W.* Wspomnienia z lat okupacji // *Tygodnik Chełmski*, 1987. № 45. S. 6–7.

⁵ *Szaron W.* Op. cit. S. 5–6.

⁶ Ibidem.

начерно крышей, которая не защищала от дождя и холода. Немного позднее наиболее частой причиной смерти было истощение, вызванное голодом и экстремальными условиями существования. Среди военнопленных здешний лазарет пользовался дурной славой и его прозвали «морилкой»¹.

В конце 1941 г. на территории Шталага 319 В началась эпидемия тифа, которая привела к огромным потерям среди военнопленных: ежедневно количество умерших колебалось от 50 до 150 чел.². Одновременно с возникновением эпидемии часть лазарета была изолирована: там размещали больных, лишая их какой-либо медицинской помощи³. Военнопленные оставались в лазарете до своей смерти. Одним из способов ликвидации эпидемии лагерными властями был поджог землянок вместе с лежавшими внутри больными тифом военнопленными.

Эпидемия продолжалась до весны 1942 г. Смертность среди военнопленных была настолько высокой, что немцы планировали закрыть лагерь⁴. В конечном счете, этого не произошло, и лазарет просуществовал до апреля 1944 г., когда Шталаг 319 в Хелме был окончательно ликвидирован.

Следует подчеркнуть, что описанные выше лазареты для военнопленных были всего лишь имитацией с целью создания видимости оказания медицинской помощи.

В Шталаге 319 наибольшая смертность была отмечена с сентября 1941 г. до весны 1942 г., когда во всех отделениях лагеря отмечался разгул эпидемии сыпного тифа и дизентерии. В течение суток умирало около 500 чел., хотя некоторые свидетели утверждают, что смертность была еще выше⁵. Тела умерших хоронили на кладбищах, расположенных вблизи лагерей. На начальном этапе существования лагеря, когда смертность не была еще слишком высокой, умерших выносили на кладбище в деревянных ящиках⁶. Но когда количество смертей стало молниеносно расти, тела стали вывозить на телегах, в которые запрягали военнопленных или лошадей⁷. Умерших хоронили слоями в заранее выкопанных могилах длиной до 100 м (в лагере А).

Свидетельства, собранные во время следствия Окружной комиссией по расследованию немецких преступлений в Люблине, указывают на то, что распоряжение Верховного командования вермахта об отношении к советским во-

¹ AIPN Lublin. Sygn. OKL / Ds. 322 / 67. Protokół przesłuchania świadka Tadeusza Kulisza. K. 32–33.

² Ibidem.

³ Szaron W. Op. cit. S. 6–7.

⁴ Biuletyn Informacyjny z 19 lutego 1942 r. № 7 (111). S. 4.

⁵ AIPN Lublin. Sygn. OKL / Ds. 322 / 67. Protokół przesłuchania świadka Stanisława Niedźwińskiego. K. 89–91; Płoski S. Op. cit. S. 309.

⁶ AIPN Lublin. Sygn. Lu-1/10/27. Protokół przesłuchania świadka Jana Wołucha. K. 17.

⁷ Relacja Zofii Kornyluk – zbiory autora.

еннопленным четко соблюдалось в Шталаге 319 Хелм, в его отделениях и рабочих группах. И если оно и нарушалось, то не в пользу военнопленных. Так, например, несмотря на рекомендации, во всех транспортах охранники избивали военнопленных. Во время конвоирования повально военнопленных кололи штыками, били прикладами ружей и деревянными палками, пинали ногами и травили собаками. Эти методы использовались при каждом удобном случае в лагерях, якобы с целью сохранения порядка во время переклички и выдачи еды. В хелмских лагерях наказание «Eine Stunde Phal» (подвешивание за связанные руки на крюке или балке) и наказание карцером относились к дисциплинарным. Наказание грозило узникам за любое нарушение лагерных правил: рука, засунутая в карман, курение, отдых или прием пищи во время работы, розжиг костра, а также любое проявление непослушания¹.

В военнопленных стреляли без предупреждения за попытку самостоятельно добыть пищу. Добивали тех, кто не мог сам идти. Также без предупреждения часовые стреляли в военнопленных, пытавшихся бежать.

Например, несколько сотен военнопленных было убито во время попытки бегства из лагеря А на ул. Окшовска. Согласно сообщению очевидца, схваченных военнопленных ставили группами вдоль ограждения из колючей проволоки, освещали прожектором, а затем немцы из автоматов расстреливали их². Расстрелям подвергались, исходя из принципа коллективной ответственности, даже те узники, которые не принимали участия в побеге. Убийство военнопленных в Хелмских лагерях совершали солдаты вермахта, составлявшие гарнизон Шталага. Преследованием бежавших занималась главным образом полиция: схваченных военнопленных убивали на месте или передавали в местное отделение гестапо. Там они проходили через тяжелые допросы, а затем их вывозили в лес Борек и расстреливали³. Все эти убийства противоречили статье 8-й Женевской конвенции от 27 июля 1929 г., допускавшей использование в отношении бежавших военнопленных только дисциплинарных мер.

Постоянная спешка и страх наказания и насилия доводили военнопленных до нервного срыва, а многих – до отказа от борьбы за выживание. С этим связано множество самоубийств, когда военнопленные бросались на проволоку, или шли под огонь из автоматов охранников. Тела, висящие на проволоке, часто видели в лагере В на ул. Львовска⁴.

К отчаянию были склонны люди слабые и менее поворотливые. Формой психического издевательства над военнопленными были марши узников лагеря

¹ Подробнее см.: Rybak A. Op. cit. S. 98–103.

² Relacja Antoniego Petroniuka // Nestorowicz Fr. Pamiętnikarskie wspomnienia. T. 2. S. 20 (rękopis 32 ze zbiorów ChBP).

³ Caban M. Powrót z rzeki Styks. Warszawa, 1964. S. 143.

⁴ Relacja Władysława Kwiatkowskiego – zbiory autora.

по улицам Хелма. Немцы организовывали их в торговые дни (вторник, пятница) в первые месяцы работы лагеря¹, но потом прекратили подобного рода шествия.

Целью режима лагерной жизни было лишение военнопленных человеческих чувств, а в результате – доведение их до смерти. Распорядок дня в хелмских лагерях не предусматривал времени для психического или физического расслабления. Это должно было ограничить интерес военнопленных к чисто бытовым вопросам: удовлетворение голода, жажды или поиск места для сна. Постоянное требование от военнопленных исполнения всего в очень быстром темпе было одним из элементов планомерного уничтожения солдат Красной армии. Только люди молодые, здоровые и сильные могли выстоять при столь трудных обстоятельствах.

Военнопленных, содержащихся в хелмских лагерях, немцы использовали на транспортных работах, разгрузке на местной железнодорожной станции, по мелиорации реки Ухерки, на строительстве дорог, в лесном и сельском хозяйстве, по наведению внутреннего порядка на лагерной территории, по захоронению тел. Везде, где трудились военнопленные, их судьбы были схожими. Большинство вахманов, сопровождавших военнопленных, заставляло их быстро выполнять непосильную даже для здоровых и хорошо питавшихся людей работу. Обычно тем, кто сбивался с темпа, грозили избиение и даже смерть. Били всем, чем попало: палками, черенками лопат, прикладами ружей, а часто убивали на месте. Ежедневно группы военнопленных, возвращающиеся с работ, несли по несколько десятков тяжело избитых вахманами товарищей и тела покойных².

В связи с тем, что со второй половины 1942 г. Шталаг 319 стал выполнять в принципе роль пересылочного лагеря, не известное до сих пор количество военнопленных было вывезено за пределы Генерал-губернаторства, в основном на угольные шахты Верхней Силезии и вглубь Третьего рейха.

Преступления в отношении советских военнопленных в Хелмских лагерях не ограничивались целенаправленным созданием нечеловеческих бытовых условий, они также включали непосредственное уничтожение солдат как идеологических врагов. Военнопленных, квалифицированных как «нежелательный элемент», группами отводили в лес Борек и расстреливали из автоматов. Так было, например, в конце октября – начале ноября 1941 г. Казнь проводили члены спецгруппы и солдаты вермахта из гарнизона лагеря³. Следует подчеркнуть, что приказ о ликвидации «нежелательных элементов» никогда не был официально отменен и действовал в Хелмских лагерях до вплоть окончания их работы.

В связи с отсутствием заслуживающих доверия источников сложно определить количество расстрелянных «нежелательных». С достаточной степенью до-

¹ Relacja Mariana Bassy – zbiory autora.

² Rybak A. Op. cit. S. 103–107.

³ Ibidem. S. 107–110.

стоверности указывали на место этой казни члены хелмского отделения Армии Крайовой. Они пришли к выводу, что там находится семь коллективных могил, из которых пять с половиной были заполнены. Свободной была только одна в 40 м длиной, шириной 2,5 м и глубиной 2 м, а также половина еще одной могилы такого же размера. Количество похороненных жертв было определено приблизительно в 5 тыс.¹. С целью сокрытия следов этих преступлений с ноября 1943 г. по февраль 1944 г. здесь действовал спецотряд – Зондеркоманда 1005. В первую очередь, были выкопаны и сожжены тела советских военнопленных. Останки сожженных тел были брошены в разрытые могилы². По сообщению оставшегося в живых члена спецотряда Юзефа Стардинера, из двух ям были извлечены и сожжены тела 25 тыс. советских военнопленных, 8 тыс. итальянских офицеров и 10 тыс. женщин и детей еврейского происхождения из хелмского гетто и округи³. Другой беглец из Зондеркоманды 1005 в Борке, Юзеф Резник, признался, что планировали сжечь 30 тыс. тел из 8-ми общих могил. В большинстве случаев это должны были быть тела советских военнопленных, а также несколько сот тел евреев и итальянских солдат⁴. Возможно, удастся эти данные верифицировать во время планируемых на ближайшее время археологических раскопок на так называемой «патэльне»^{5*}.

Подводя итог, следует сказать, что уничтожение советских военнопленных в лагерях, находящихся в ведении Шталага 319, проводилось согласно заранее подготовленному плану, который осуществлялся во всех остальных лагерях для военнопленных этого типа. Немцы стремились к уничтожению военнопленных с помощью различных мер, результатом которых был резкий рост смертей, представляемых немцами как естественные. Среди этих мер следует перечислить основные: плановый голод, содержание зимой в нетопленных помещениях, а нередко под открытым небом, отсутствие медицинской помощи, ужасные санитарно-гигиенические условия, что в результате привело к эпидемиям, в особенности к распространению сыпного тифа, брюшного тифа, дизентерии и туберкулеза. Кроме того, проводились расстрелы «нежелательных», а также массовые убийства, организуемые в ответ на попытки к бегству военнопленных.

¹ Archiwum Muzeum Chełmskiego. List Leonarda Lecha do Głównej Komisji Badania Zbrodni Hitlerowskich w Polsce z 1 IX 1986 r. B. sygn.

² Rybak A. Op. cit. S. 110–115.

³ Instytut Yad Vashem. Sygn. 03 / 2346. Zeznanie świadka Józefa Sterdynera. K. 10. Информация о 8 тыс. убитых итальянских офицерах не является правдивой. Согласно итальянским данным, через Хелмский лагерь 319 С прошло от 2500 до 3000 военнопленных этой национальности, из которых около 1000 погибло.

⁴ Levine A. J. Captivity, Flight and Survival in World War II. Westport CT, 2000. P. 228.

^{5*} «Патэльня» – в переводе «сковорода», народное название места в центральной части леса Борек, где немцы сжигали тела узников лагеря. Прим. пер.

Принимая во внимание факты, представленные выше, следует сказать, что лагеря для советских военнопленных в Люблинском дистрикте, в том числе – Шталаг 319 в Хелме, были организованы как лагеря смерти для солдат и одновременно для идеологических противников.

После освобождения от гитлеровской оккупации места, в которых находились лагеря для военнопленных в Хелме, а также их история не вызывали особого интереса. Местное население разобрало остатки бараков и землянок. После того, как были засыпаны оставшиеся от них ямы, снова после четырехлетнего перерыва стали засеивать поля. В зданиях бывшей комендатуры вновь был открыт стекольный завод. Сегодня на территории, занимавшейся шталагами 319 А и С, находится промзона Хелма, а между улицами Львовска и Войсловицка построен жилой район «Костюшко».

О существовании лагерей для военнопленных в Хелме напоминают лишь кладбища, находящиеся на них памятники (на ул. Пшиязни и в лесу Борек), а также открытый 8 мая 2009 г. на ул. Поланецка д. 8, рядом с общеобразовательной школой №88, мраморный обелиск в память о 65-й пятой годовщине ликвидации Шталага 319. На обелиске написано: «Памяти жертв немецкого террора: русских, украинских, еврейских, польских, французских, британских, бельгийских, белорусских военнопленных и военных других национальностей, – узников Шталага 319 в Хелме в годы 1941–1944. В 65 годовщину ликвидации лагеря. Жители Хелма. Хелм, 8 мая 2009».

В свою очередь в 2014 г. (в 70-ю годовщину ликвидации лагеря) по инициативе самоуправления города заменили надписи на памятниках, находящихся на кладбищах для военнопленных шталагов 319 А и С на ул. Пшиязни и в Шталаге 319 В в лесу Борек. Все памятники были отреставрированы. Кроме того, появились информационные стенды (на трех языках: английском, польском и русском). Цель этих действий – обратить внимание туристов и посетителей на события тех лет.

Во время празднования годовщины 15 мая 2014 г. был совершен объезд мест памяти, связанных со Шталагом 319. Под звуки военного оркестра участники церемонии возложили цветы к подножию памятников, а солдаты гарнизона Хелм составили почетный караул. В Музее хелмской земли была открыта выставка «Шталаг 319 – немецкий лагерь военнопленных в Хелме», а затем в Центре кинокультуры «Зожа» прошла научная сессия по теме Шталага 319¹. На протяжении семи лет празднование ликвидации Шталага 319 стало постоянным мероприятием в календаре городских событий Хелма.

¹ *Bajkiewicz-Kaliszczuk E. Sprawozdanie z obchodów 70. rocznicy likwidacji Stalagu 319 w Chełmie. Chełm 15 maja 2014 r. // Rocznik Chełmski. 2014. T. 18. S. 217–219.* Изменение текста надписей на памятниках было связано с проведенными в 2004–2012 гг. исследованиями, которые позволили конкретизировать данные о работе шлага и находившихся в нем военнопленных.

Адам Пулавский

ПОЗИЦИЯ ПОЛЬСКОГО ПОДПОЛЬНОГО ГОСУДАРСТВА В ВОПРОСЕ О СОВЕТСКИХ ВОЕННОПЛЕННЫХ

22 июня 1941 г., после начала немецко-советской войны, Польскому подпольному государству (ППГ), а именно подчинявшимся Польскому правительству в эмиграции подпольным военным (Союз вооруженной борьбы (ЗВЗ)) и гражданским (Делегатура правительства Республики Польша в оккупированной стране) структурам, стало очевидно, что начался новый этап войны. Естественно, польское подполье следило за событиями на восточном фронте. Предполагалось, что обе стороны конфликта будут брать военнопленных. Однако вскоре стало ясно, что количество советских солдат, взятых в плен немецкими войсками, было очень велико, а отношение к этим военнопленным нетипично для военных действий.

В данной статье я постараюсь ответить на несколько вопросов: 1) реагировало ли ППГ каким-то образом на уничтожение советских военнопленных; 2) была ли эта реакция следствием осознанно принятых решений или, к примеру, это были действия *ad hoc* и т.п.; 3) можно ли говорить об эволюции подобных взглядов; 4) если да, то какова была окончательная позиция польского подполья в вопросе о советских военнопленных, и по каким причинам она таковой являлась.

К сожалению, среди множества материалов польского подполья, касающихся советских военнопленных, найдется немного документов, содержащих инструкции или представляющих в точности решения ППГ. Данная ситуация не является чем-то удивительным для историков, занимающихся изучением позиции польского подполья в общественных вопросах, касающихся не-поляков, или не связанных со сферой политики и отношением к оккупантам. С этим сталкиваются, например, исследователи, занимающиеся польско-еврейскими отношениям во время Второй мировой войны. Именно поэтому, подобно изучению реакции на гибель евреев, выводы об отношении ППГ к советским военнопленным можно сделать лишь на основании общей картины, в основе которой лежит документация, носящая исключительно информационный, пропагандистский или публицистический характер. Другими словами, нет документов, которые бы напрямую давали информацию о конкретных решениях ППГ касательно совет-

ских военнопленных, зато существует материал, косвенным образом отражающий позицию подполья относительно данной группы и ее судьбы.

На основании проведенных поисков в архивах и библиотеках можно с уверенностью сказать, что структуры ППГ прекрасно ориентировались в ситуации с советскими военнопленными, в том числе знали многое о самих лагерях. Первая информация о них пришла сразу после начала войны¹. Источником были радиосообщения. 30 июня 1941 г. радио из Лондона передало немецкую сводку о 40 тыс. советских военнопленных². 2 июля радио из Лозанны представило немецкую сводку, согласно которой только в районе Белостока «взято в плен 100 000 русских военнопленных»³. В передаче из Лондона от 6 июля подводился итог: «Согласно немецкой сводке [...], к настоящему времени немецкие войска взяли в плен 300 тысяч русских военнопленных»⁴. 22 августа из немецкой сводки, переданной по лондонскому радио, уже следовало, что «рус[ские] потери составляют: 5 миллионов солдат, включая 1 200 000 военнопленных»⁵.

Польское подполье не сомневалось в том, что немцы будут создавать лагерь для этих военнопленных. Из июльского (1941 г.) разведдонесения за №70 известно, что Командование ЗВЗ уже 3 июля, т.е. практически одновременно с получением известий о советских военнопленных по радио, располагало информацией о четырех таких лагерях, двух «в районе Острув-Мазовецки [должно быть Острув-Мазовецка – А.П.] – Гронды [для] 1400 военнопленных и Поднежно [для] 400 военнопленных» и двух – «под Ярославом», о которых «нет данных». Однако тогда еще не было известно об отношении к военнопленным немецких охранников⁶.

Едва ли не первым донесением польского подполья, в котором описывались условия в лагерях для советских военнопленных, стал доклад от 23 июля 1941 г. под названием «Новости из Влодавского повята». Одновременно с информацией о создании двух очередных лагерей в Хелме и Бялой-Подляске в докладе сообщалось следующее: «Отношение к военнопленным ужасное: пытаются, бьют, морят голодом», «Имеют место массовые побеги военнопленных»⁷.

¹ Состояние знаний ППГ о советских военнопленных и созданных для них лагерей подробно описывается мной в статье: Puławski A. Kwestia sowieckich jeńców wojennych w polityce Polskiego Państwa Podziemnego// Rocznik Chełmski. 2014. Т. 18. S. 231–293.

² Chełmska Biblioteka Publiczna (ChBP), Prasa Konspiracyjna (PK), 4, «A.[gencja] R.[adiowa]», № 546. B.d., b.p.

³ ChBP, PK, 4, «A.[gencja] R.[adiowa]», № 549. B.d., b.p.

⁴ Biblioteka Narodowa (BN), Czasopisma Konspiracyjne (CzK), mf 52433, «A.[gencja] R.[adiowa]», № 553. B.d., b.p.

⁵ BN, CzK, mf 52433, «A.[gencja] R.[adiowa]», № 599. B.d., b.p.

⁶ Archiwum Akt Nowych (AAN), Armia Krajowa (AK), 203/I-15, Meldunek № 70, 5 VII 1941. K. 422–424, 443.

⁷ AAN, Delegatura Rządu RP na Kraj (DR), 202/I-28, Wiadomości z powiatu włodawskiego, 23 VII 1941. K. 134.

Первая публичная информация о советских военнопленных в главном печатном органе ЗВЗ – «Biuletyn Informacyjny» [досл. «Информационный бюллетень»] – появилась в августе. В разделе «О разном» сообщалось: «В Хелме и Бялой-Подляске немцы создали лагеря для советских военнопленных. К военнопленным относятся исключительно жестоко»¹. В августе полученных сведений на эту тему уже хватило для того, чтобы ППГ попыталось подвести первые итоги существования лагерей для советских военнопленных на территории Генерал-губернаторства (ГГ). По мнению польского подполья, изложенному в разведдонесении № 76, руководство «лагерями для военнопленных на всей территории ГГ» осуществляла комендатура во главе с генералом Георгом Отто: «Это командование размещается в Кельцах». Было известно о 11-ти лагерях. Перечислялись названия некоторых из них: «в районах Острув-Коморово (Гронды Шталаг № 324), Седльце (Сухожебры Шталаг № 316), Замостье (Шталаг № 325), Хелм, Ярослав – в общей сложности около 50 000 военнопленных»². В сентябре количество советских военнопленных в ГГ и на Белостоцине оценивалось «примерно в 299 тысяч человек». Следует подчеркнуть: в подполье считали, что эта цифра была небольшой (исходя, видимо, из общего масштаба происходящего), и объясняли ее массовым использованием труда военнопленных на Востоке³. В дальнейшем стало известно о большем количестве военнопленных, т.к. в месячной сводке №93 (конец декабря 1941 г.) убедительно сообщалось об «общем сокращении советских военнопленных на территории Польши примерно до 300 тысяч»⁴.

С самого начала польское подполье знало, что среди военнопленных были не только советские солдаты. В упомянутом июльском (1941 г.) донесении за №70 сообщалось о «рабочих командах» военнопленных, «состоявших из поляков, для принудительных работ»⁵. В свою очередь, в августе уже пришло понимание того, что среди военнопленных имелись также и гражданские лица (как вначале о них писали, «значительные группы без обмундирования»⁶), «собранные в “котлах”». Их также называли в донесениях «гражданскими военнопленными»⁷. Стало очевидным наличие большого количества военнопленных, о которых немцы сообщали в официальных коммюнике. В периодическом издании, издаваемом для внутреннего пользования и для властей в Лондоне («Aneks» [досл. «Приложение»], № 19, середина ноября 1941 г., сообщалось, что «стяги-

¹ «Biuletyn Informacyjny» z 14 sierpnia 1941 r.

² AAN, AK, 203/I-16, Meldunek miesięczny № 76, 28 VIII 1941. K. 44.

³ AAN, AK, 203/I-16, Meldunek № 78, wrzesień 1941. K. 66–67, 75, 93.

⁴ AAN, AK, 203/I-16, Meldunek miesięczny wywiadowczy №93, 28 XII 1941. K. 299, 319–321.

⁵ AAN, AK, 203/I-15, Meldunek № 70, 5 VII 1941. K. 422–424, 443.

⁶ AAN, AK, 203/I-16, Meldunek miesięczny № 76, 28 VIII 1941. K. 44.

⁷ См., например: AAN, DR, 202/III-28, Stosunek Niemców do jeńców sowieckich, 24 X 1941. K. 469–470.

вая и беря в плен в “котлах” советскую армию, немцы считают военнопленными также все мужское гражданское население, отступающее с этой армией на Восток, а также пойманных на занятой территории мужчин в возрасте от 16 до 60 лет. Этим частично можно объяснить астрономические цифры военнопленных, о которые сообщают немцы»¹.

Достаточно быстро польское подполье получило информацию о различном отношении германских властей к советским военнопленным, в зависимости от их национальной принадлежности и занимаемой должности в армии. В упоминавшемся августовском (1941 г.) донесении за № 76 говорилось о намерении немцев отпустить «по домам военнопленных, происходивших из наших восточных воеводств и недавно насильно призванных в советскую армию»². В сентябре в разведдонесении № 78 отмечалось, что на восточном фронте «военнопленных по мере возможностей не берут и не-украинцев расстреливают», а также говорилось о делении в лагерях «военнопленных по национальному и религиозному признаку на группы»³. В октябре 1941 г. дополнительно сообщалось, что «военнопленных поделили по национальному признаку на поляков, украинцев, белорусов, русских, азиатские народы, казаков (за исключением донских казаков). К последним категориям относятся хуже всего. Частично, кроме последних 2-х групп, военнопленных освобождают»⁴.

В другом аналогичном документе, также датированном октябрём 1941 г., дополнительно уточнялось, что «военнопленных делят по национальному признаку, многих поляков выпустили». Наравне с поляками «к украинцам относятся немного лучше, и они пользуются определенными послаблениями»⁵. В следующем донесении от октября 1941 г. подводился итог: «особо отличают украинских военнопленных, которых отделили в отдельные достаточно хорошо обеспеченные лагеря, откуда частично освобождают тех, кто проживает в районах, захваченных немцами»⁶. Согласно одному из ноябрьских сообщений 1941 г., «на всей территории бывшей советской Украины, к которой немцы приписали также т.н. Галицийский дистрикт, освобождена большая часть советских военнопленных, которые заявили о себе как об украинцах или поляках»⁷. Польское подполье приводило также примеры освобождения военнопленных белорусов⁸.

¹ Studium Polski Podziemnej (SPP), A.3.1.1.1.B, «Aneks» № 19 za czas od 16 października do 15 listopada 1941 r. K. 203–208; AAN, DR, 202/III-8, Załącznik № 1 do «Aneksu» № 19 za czas od 16 października do 15 listopada 1941 r. K. 65–67. См. также: AAN, DR, 202/III-28, Meldunek o transportach kolejowych. B.d.. K. 252.

² AAN, AK, 203/I-16, Meldunek miesięczny № 76, 28 VIII 1941. K. 44.

³ AAN, AK, 203/I-16, Meldunek № 78, IX 1941. K. 66–67, 75, 93.

⁴ AAN, DR, 202/III-28, Jeńcy, 15–17 X 1941. K. 473.

⁵ AAN, DR, 202/III-7, «Informacja Bieżąca» z 29 października 1941 r., № 19. K. 6–7.

⁶ AAN, AK, 203/I-16, Meldunek miesięczny № 81, 28–29 X 1941. K. 185, 187, 228.

⁷ AAN, Prasa Konspiracyjna, 180/1, «Dokumenty Chwili» z 13 grudnia 1941 r., № 8. K. 60.

⁸ См. также: AAN, DR, 202/III-7, «Informacja Bieżąca» z 11 stycznia 1942 r., № 27. K. 29.

Освобождаемые из лагерей поляки и украинцы становились еще одним источником информации для польского подполья, например, подтверждали слухи о случаях каннибализма в лагерях¹. Было известно также, что особенно трагичной была судьба в лагерях военнопленных еврейского происхождения – евреев держали «совершенно отдельно»², и немцы расстреливали их поголовно. В документе, подготовленном в октябре 1941 г. польским подпольем, сообщалось: «евреев массово расстреливают»; имеют место «массовые расстрелы евреев»³; «немцы ищут в лагерях евреев, особо издеваются над ними, либо быстро расстреливают»⁴. Приводились также цитаты из писем немецких солдат: «Военнопленных-евреев расстреливают сразу, они должны для этого вырыть себе яму. Потом их связывают по пять и так расстреливают, чтобы они сразу падали в яму. Ежедневно проходит 300–400 подобных казней»⁵.

Было известно, что такая же судьба ждала политкомиссаров («массовые расстрелы [...] “политруков”, «расстреляли 21 военнопленного – политруков»⁶). 30 октября 1941 г. информация о том, что советских «военнопленных евреев сразу после прибытия в лагерь расстреливают» была обнародована в журнале «Biuletyn Informacyjny»⁷.

Материалы ППГ за второе полугодие 1941 г., касающиеся советских военнопленных, содержат, прежде всего, крайне жуткие описания бесчеловечного отношения к военнопленным немецких охранников, трагических бытовых условий, и, как следствие, – полной депрессивности в реакции и в поведении военнопленных. С конца июля 1941 г. практически в каждом донесении, подготовленном для внутреннего пользования или для польских властей в Лондоне, содержалась подобная информация⁸.

Польское подполье получало ее и из перлюстрированных писем немецких солдат. В одном из них охранник лагеря писал: «Нам часто приходится стрелять

¹ См., например: SPP, A.3.1.1.1.B, «Aneks» № 19 za czas od 16 października do 15 listopada 1941 r. K. 203–208; AAN, DR, 202/III-8, Załącznik № 1 do «Aneksu» № 19 za czas od 16 października do 15 listopada 1941 r. K. 65–67.

² AAN, DR, 202/III-28, Listy poczty polowej (Feldpost), dotyczące stosunków z jeńcami sowieckimi oraz ich traktowania. B.d.. K. 466–468.

³ AAN, DR, 202/III-7, «Informacja Bieżąca» z 29 października 1941 r., № 19. K. 6–7.

⁴ AAN, DR, 202/III-28, Stosunek Niemców do jeńców sowieckich, 24 X 1941. K. 469–470.

⁵ AAN, DR, 202/III-28, Listy poczty polowej (Feldpost), dotyczące stosunków z jeńcami sowieckimi oraz ich traktowania. B.d. K. 466–468.

⁶ AAN, DR, 202/III-7, «Informacja bieżąca» № 19, 29 X 1941 r. K. 6–7. См. также: AAN, AK, 203/I-16, Meldunek № 91, 14 XII 1941 r. K. 276.

⁷ «Biuletyn Informacyjny» z 30 października 1941 r. Позднее эту информация повторялась во внутренних документах (см.: SPP, A.3.1.1.1.B, «Aneks» № 19 za czas od 16 października do 15 listopada 1941 r. K. 203–208; AAN, DR, 202/III-8, Załącznik № 1 do «Aneksu» № 19 za czas od 16 października do 15 listopada 1941 r. K. 65–67).

⁸ Подробнее см.: Puławski A. Kwestia sowieckich jeńców wojennych...

в военнопленных. Как только кто-нибудь из них падает или перестает двигаться, как другие сразу бросаются на него и забирают у него все, что у него было. Дважды подряд у нас были случаи, когда были съедены свежие трупы, в один из дней они напали на одного, убили его и сожрали по кускам. В этом нет ничего придуманного»¹. В свою очередь, уже упоминаемое издание «Aneks» в №19 обобщало: «Приходящие отовсюду достоверные сообщения подтверждают совершенно идентичные действия, характеризующиеся хладнокровной жестокостью, тем более отвратительной, т.к. используются планомерно и умышленно в отношении мужественного и заслуживающего уважения противника, содержание в так называемых лагерях под открытым небом, на голой земле, под дождем, в холоде военнопленных, которых до этого лишили обуви, шинелей и одеял, многодневное содержание без пищи, которое в некоторых лагерях приводит к людоедству, бесчеловечное отношение и избиение, расстрел из автоматов при попытках бунта, и даже без повода, убийство за попытку к бегству, за намек к непослушанию, за то, что не успевают идти друг за другом в строю, наконец, морение голодом на месте, как собак, беглецов из лагерей». Добавляли: «Все эти зверства, несомненно, преследуют лишь одну цель – массовое умерщвление военнопленных»².

Появлялись даже и такие страшные описания, как содержащиеся в документе, датированном декабрем 1941 г.: «Лагерь [в Близине] насчитывает ок. 2000 военнопленных. Ежедневно умирает 45–50 человек. Свидетель видел телегу, в которую были впряжены вместо лошадей военнопленные, привязанные постромками к хомуту. Военнопленные, пихавшие телегу сзади, были также привязаны ремнями. На телеге лежало несколько десятков трупов военнопленных [так в оригинале – *A. P.*], один на другом. Эти трупы, сбрасываемые на поле и поливаемые известью, лежат несколько дней прежде, чем их закопают. Несколько раз в течение дня, особенно во время утренней переклички, эсэсовцы добывают военнопленных, у которых нет сил встать. Военнопленные получают ежедневно 1/4 кг хлеба из каштанов и очисток и суп из полусгнивших листьев капусты. Среди трупов, лежащих в поле, рассказчик видел один со свежесрезанной выше бедра ногой. Позднее он констатировал, что этому военнопленному его товарищи по лагерю отрезали ногу, а затем мясо съели»³.

Такого рода информация производила впечатление на руководство ППГ. В журнале «Informacja Bieżąca» [досл. «Текущая информация»], издававшемся

¹ AAN, DR, 202/III-28, Listy poczty polowej (Feldpost), dotyczące stosunków z jeńcami sowieckimi oraz ich traktowania. B.d.. K. 466–468.

² SPP, A.3.1.1.1.B, «Aneks» № 19 za czas od 16 października do 15 listopada 1941 r. K. 203–208; AAN, DR, 202/III-8, Załącznik №1 do «Aneksu» №19 za czas od 16 października do 15 listopada 1941 r. K. 65–67.

³ AAN, DR, 202/III-8, Załącznik № 2 do «Aneksu» №20 od 16 XI – 30 XI 1941 r. K. 73

для внутреннего пользования, в конце октября 1941 г. после того, как были приведены сведения о ситуации в каждом из лагерей, делался вывод: «Мы приводим эти фрагментарные данные для осознания того, что немецкая жестокость и страх перед революцией обрекают сотни тысяч людей на муку [так в оригинале – А. П.]»¹.

Эти сообщения были услышаны, о чем говорит, прежде всего, тот факт, что они получали огласку при публикации в журнале «Biuletyn Informacyjny». В статье «Одичавший народ» от 23 октября 1941 г. сообщалось: «Каждый такой лагерь, организованный с расчетом на несколько десятков тысяч людей, – это поле, окруженное забором из колючей проволоки. Туда загоняют военнопленных, забрав у них перед этим обувь, одеяла, шинели, а зачастую и форму. Военнопленные день и ночь, в хорошую погоду и в осеннее ненастье, находятся под открытым небом. Еда – раз в день, выдается как диким зверям и никогда ее всем не хватает. В этих условиях люди мрут, как мухи! Время от времени над этим полем человеческой горькой доли поднимается вой от горя и слышны проклятья, которые прекращают серии автоматных очередей. Военнопленных довели до такого ужасного состояния, что все чаще случаются случаи людоедства, на умирающих товарищей бросаются их соседи, чтобы с еще теплых тел сорвать для себя одежду».

Основной целью данной статьи была дискредитация немцев. Далее в ней подчеркивалось, что лагеря «организует не гестапо и СС! Их организует и администрирует славная немецкая армия!». Эти слова должны были привести к выводу о том, что весь немецкий народ одичал. Последний абзац статьи обозначал ее главную цель: «Об этой природе немецкого народа нам, полякам, людям добрым, нельзя забывать. Надо, наконец, призвать озверевший народ к порядку»².

Куда более важной была статья в журнале «Biuletyn Informacyjny» от 30 октября 1941 г., с аналогичным названием – «Одичавший народ». Этот текст также содержал ужасные детали того, что происходило в лагерях для советских военнопленных. В заключении ее повторялось: «Одичавший немецкий народ совершает одно из своих самых жестоких преступлений». Однако данная публикация в большей степени была посвящена жертвам, а не их палачам³.

Обе эти статьи, будучи по своей форме публичным заявлением, наиболее ярко представляют позицию властей польского подполья в вопросе о советских военнопленных. Ее можно назвать эмпатической. Во-первых, видно, что налицо желание вызвать сочувствие у читателей. Во-вторых, однозначно осуждались преступники, а само преступление в отношении военнопленных было названо

¹ AAN, DR, 202/III-7, «Informacja Bieżąca» z 29 października 1941 r., № 19. К. 6–7.

² «Biuletyn Informacyjny» z 23 października 1941 r.

³ «Biuletyn Informacyjny», z 30 października 1941 r.

одним из наиболее жестоких. Данный вывод подтверждает множество работ для внутреннего пользования, донесений и отчетов польского подполья, в которых видно сочувствие к военнопленным¹.

В контексте имеющихся исследований историков, из которых следует, что с самого начала войны польское подполье главной жертвой считало польский народ², нельзя умалить значение такого отношения ППГ к советским военнопленным. Можно, конечно, задуматься, насколько выражение сочувствия и осуждение преступников вообще можно считать реакцией. На мой взгляд, можно, поскольку эти декларации указывают на то, что Польское подпольное государство не было к этим преступлениям безразлично.

Следует также принять во внимание то, что ни в одном из известных мне документов польского подполья не дается прямых указаний на то, как следует себя вести в ситуации уничтожения советских военнопленных. Только одна инструкция этого времени содержит рекомендацию польских властей в Лондоне, направленную польскому подполью, и касается исключительно военнопленных – от октября 1941 г. за № 8. В ней польские власти в Лондоне давали оценку работе разведки ЗВЗ на территории страны, указывая на то, чего «не хватает II Отделу в связи с недостаточно полной информацией». Одновременно были заданы вопросы, для ответа на которые ощущалась нехватка информации. Один из них формулировался следующим образом: «Что происходит с военнопленными – советскими военнопленными, сотни тысяч которых оказались в немецком плену?». В заключении говорилось: «Любая новость [...] важна, в связи с этим прошу сообщать даже фрагментарные данные, если будет сложно представить вопрос целиком»³.

Ясно, что польское подполье должно было понять, что необходимо усилить разведработу также и в этом направлении. Изучение источников показывает, что ППГ по собственной инициативе со второго полугодия 1941 г. пересылало в Лондон многочисленные донесения, содержащие информацию о советских военнопленных⁴. В данной связи сложно считать инструкцию, в которой говорится

¹ См.: Puławski A. Kwestia sowieckich jeńców wojennych...

² Следует согласиться с историком Дарьюшом Либёнкой, что военная действительность на польских землях воспринималась в этнических категориях, а также с Кристиной Керстен, утверждающей, что война обострила и вынесла на поверхность деление по национальному признаку: «Фактом стало то, что общество Второй Польской республики с треском разорвалось по национальным швам». На эту тему см.: *Libionka D. ZWZ-AK i Delegatura Rządu. ZWZ-AK i Delegatura Rządu RP wobec eksterminacji Żydów polskich // Polacy i Żydzi pod okupacją niemiecką 1939–1945. Studia i materiały. Red. A. Żbikowski. Warszawa, 2006. S. 54. См. также: Puławski A. Polskie Państwo Podziemne wobec Zagłady (в печати).*

³ AAN, AK, 203/I-27, Instrukcja № 8 – 1941 (одно из приложений к этой инструкции датируется 28 октября 1941 г.). К. 340–341.

⁴ См.: Puławski A. Kwestia sowieckich jeńców wojennych...

об усилении разведработы по этому вопросу, переломным и важным распоряжением в деле получения надежной и подробной информации.

Представляется, что выражение сочувствия к военнопленным было следствием естественной человеческой реакции на не известные до того времени преступления, а не результатом продуманной стратегии. Мне не встретился ни один документ ЗВЗ–АК (ни по этому, ни по более позднему периоду), в котором *explicite* (явно) рассматривался бы вопрос об оказании помощи советским военнопленным. Отношение ППГ к помощи, оказываемой советским военнопленным гражданскими лицами, также можно охарактеризовать лишь на основе анализа документов описательного характера. Об оказании такого рода помощи польскому подполью было известно с самого начала. В упомянутом документе от 23 июля 1941 г. после утверждения о том, что военнопленные бегут из лагерей, сообщалось: «Население по мере возможности помогает им»¹. В другом документе, датированном серединой октября, добавлялось, что военнопленные «питаются остатками еды, подбрасываемыми населением во время работы»².

В конце октября польское подполье уже знало также о распоряжении «варшавского губернатора Фишера о коллективной ответственности гмин за сокрытие или оказание помощи беглым военнопленным или партизанам из разбитых советских частей»³. В середине ноября информация о немецких распоряжениях была дополнена. В № 19 журнала «*Aneks*» сообщалось: «Польское население дает кров и кормит военнопленных. Варшавский губернатор Фишер в своем распоряжении от 27 IX текущего года был вынужден ввести коллективную ответственность гмин, пригрозить смертной казнью и тюремным заключением строгого режима за укрывательство военнопленных». Отмечались и другие указания немцев: «Распоряжение генерал-губернатора от 23 X текущего года о запрете на любые контакты с военнопленными. За помощь беглым военнопленным в виде предоставления крова, одежды, питания, за информирование грозит наказание в виде тюремного заключения и тюремного заключения строго режима [так в оригинале – А. П.]. На гмины, в которых будет установлено нарушение этого распоряжения, губернатор может возложить денежный штраф в любом размере»⁴. «*Agencja Prasowa*» [досл. «Пресс-агентство»], периодическое издание для редакции подпольной прессы, 29 ноября сообщало, что местное население доброжелательно относится к советским военнопленным, дает им папи-

¹ AAN, DR, 202/I-28, *Wiadomości z powiatu włodawskiego*, 23 VII 1941. К. 134.

² AAN, DR, 202/III-28, *Jeńcy*, 15–17 X 1941. К. 473.

³ AAN, DR, 202/III-28, *Stosunek Niemców do jeńców sowieckich*, 24 X 1941. К. 469–470

⁴ SPP, A.3.1.1.1.B, «*Aneks*» № 19 за czas od 16 października do 15 listopada 1941 r. К. 203–208; AAN, DR, 202/III-8, *Załącznik № 1 do «Aneksu» № 19 за czas od 16 października do 15 listopada 1941 r.* К. 65–67.

росы и деньги¹. Информация о помощи появлялась также в подпольной прессе. В журнале «Biuletyn Informacyjny» в начале октября сообщалось: «Население полностью игнорирует призывы немецкого оккупанта по сотрудничеству в поимке военнопленных. Основная причина бегства – ужасающие нечеловеческие условия, в которых немецкими властями содержатся военнопленные». Затем было добавлено предложение, которое, хотя и было написано в изыскательном наклонении, следует воспринимать как своего рода призыв (воззвание): «Польское население понимает, что сотрудничество с немецким оккупантом по вылавливанию военнопленных большевиков было бы позором и именно поэтому такого рода случаи к счастью являются исключением»².

Другими словами, подпольные польские власти знали не только о том, что местное население помогает военнопленным, но и о случаях «вылавливания» военнопленных. Конечно, подавалось это в прессе в несколько завуалированной манере, что, как представляется, не было случайным. Информация о том, что польское население также участвовало в поимке скрывавшихся военнопленных, не размещалась в журнале «Aneks», который регулярно высылали в Лондон. Хотя, к примеру, в его №19 охотно писали о помощи со стороны поляков. Это, конечно, не означает, что от «польского Лондона» пытались скрыть нежелательные факты. В ежемесячном декабрьском (1941 г.) донесении за №91 Лондон информировали о шагах, предпринятых немецкими властями с целью поимки беглых заключенных. Однако о том, что местное население, прельщенное наградой, возвращает беглецов в лагеря, читатель мог лишь догадаться после внимательного анализа текста. В донесении за №91 сообщалось: «Наложен запрет на любые контакты населения с военнопленными и оказание любой продовольственной помощи. В Люблинском дистрикте объявлена награда в сто злотых за каждого пойманного военнопленного. Беглецов расстреливают на месте». В заключение упоминалось о немецких распоряжениях и инструкциях: «Варшавский губернатор Фишер пригрозил коллективной ответственностью гмин за оказание помощи беглым и за то, что не будет сообщаться об их появлении. В циркуляре [...] говорится, что с советскими военнопленными следует сохранять бдительность, внимание, осторожность и не доверять им, запрещаются разговоры, чтобы исключить возможность подслушивания, дается совет стрелять без предупреждения с целью попасть в цель, а не для устрашения»³.

Интересный случай поведения поляков был описан в связи с маршем колонны военнопленных через Варшаву. В материале для внутреннего пользова-

¹ «Agencja Prasowa» z 29 listopada 1941 r. (Цит. по: *Tobiasz J. Na tyłach wroga. Obywatele radzieccy w ruchu oporu na ziemiach polskich 1941–1945. Warszawa, 1972*).

² «Biuletyn Informacyjny» z 9 października 1941 r.

³ AAN, AK, 203/I-16, Meldunek №91, 14 XII 1941. К. 276.

ния от 24 октября 1941 г. сообщалось, что «конвоиры абсолютно не допускают оказания какой-либо помощи со стороны населения»¹. Информация, повторяемая в издании, высылаемом в Лондон, т.е. в упомянутом журнале «Aneks» под №19, была уже иной: «Люди бросали военнопленным еду, папиросы, сырую картошку, на которую те бросались и в спешке пожирали. Солдаты стреляли в тех, кто бросал еду из окон домов»².

Не исключено, что эти два документа описывали разные события (в донесении от 24 октября нет даты марша колонны военнопленных через Варшаву, в последнем случае известие датировано 13 октября). Кроме того, авторы журнала «Aneks» могли получить дополнительную информацию, что, несмотря на запрет немцев на «оказание населением помощи», люди «бросали военнопленным продукты». Однако если речь идет об одном и том же событии, а источником заметки в журнале «Aneks» была лишь статья от 24 октября (что вполне правдоподобно), то радикальное «изменение» описания следует интерпретировать как пример манипуляции информацией об отношении поляков к военнопленным (хотя, как известно, такие ситуации, как подбрасывание еды или оказание более широкой помощи советским военнопленным, возникали³).

В периодических изданиях для внутреннего пользования отмечались и другие случаи отношения к военнопленным польского населения. В № 21 (середина ноября 1941 г.) журнала «Informacja Bieżąca» сообщалось: «Во многих районах собирались дать (или дали) разрешение хозяйствам на трудоустройство в сельском хозяйстве советских военнопленных из лагерей. Это было осуществлено во Влодавском повяте». Не все поддерживали эту позицию: «В некоторых районах Подляшья было отменено распоряжение о приеме на работу военнопленных, поскольку землевладельцы отнеслись к этой инициативе негативно по моральным причинам и из-за опасения возникновения ответственности. Военнопленные должны были распределяться группами по несколько десятков человек, на 10–15 человек приходилось по 1 немецкому жандарму. Они должны были жить в хатах, окруженных колючей проволокой, которые в некоторых местах уже подготовили»⁴.

Эта информация в дальнейшем не повторялась (по крайней мере, в известных мне документах). Возможно, потому что показывала поляков не в лучшем свете?

¹ См., например: AAN, DR, 202/III-28, Stosunek Niemców do jeńców sowieckich, 24 X 1941. K. 469–470.

² SPP, A.3.1.1.1.B, «Aneks» № 19 za czas od 16 października do 15 listopada 1941 r. K. 203–208; AAN, DR, 202/III-8, Załącznik № 1 do «Aneksu» № 19 za czas od 16 października do 15 listopada 1941 r. K. 65–67.

³ О чем ведь в другом месте сообщало само издание «Aneks» № 19.

⁴ AAN, DR, 202/III-7, «Informacja Bieżąca» z 17 listopada 1941 r., № 21. K. 12–15v.

Наиболее важным является вывод о том, что ППГ не обратилось напрямую к польскому населению с призывом оказания помощи беглым военнопленным. Оно предпочитало приводить факты, которые должны были доказать, что подобная помощь существовала, либо в завуалированной форме обращалось к населению с просьбой о ее оказании. Впрочем, подобным образом выглядела и поддержка еврейского населения. Констатировали, что такая помощь оказывается или обращались с призывом об оказании ее в большем масштабе¹. В отношении советских военнопленных даже не было подобных призывов об оказании большой помощи (которая была для руководства ППГ очевидной). Кроме того, не было желания обращать внимания на факты, не выгодные для польского населения. Лишь из документации организации «Польша Неподлегла», которая в марте 1942 г. в рамках объединительного процесса вошла в ЗВЗ–АК, следует, что эта военная организация сознательно и намеренно оказывала какое-то время помощь советским военнопленным. В «Инструкции документальному отделу организации Польша Неподлегла» от 14 октября 1942 г. можно прочесть, что в его задачи входил «сбор необходимых документов и доказательств бежавших из лагерей военнопленных, как поляков, так и солдат союзных армий». Однако ниже сразу добавлялось: «В связи с враждебным отношением Советской России к Польше вышеуказанная помощь в случае беглых советских военнопленных приостановлена впредь до отмены»². Известно, что ППГ активно помогало бежавшим английским военнопленным³, тем не менее, следует относиться с большой осторожностью к любым попыткам привести к общему знаменателю позицию подполья и процесс принятия решений по данному вопросу и проблеме отношения к советским военнопленным.

Со временем эта позиция все более осложнялась, что можно показать на примере миссии Яна Карского. Названный знаменитый эмиссар ППГ, с одной стороны, сочувствовал жертвам, с другой – требовал ликвидировать подразделения, в которых эти жертвы искали убежища. Известно, что одной из целей миссии Яна Карского в конце 1942 г. было информирование польского правительства и стран-союзников о советской угрозе, т.е. о присутствии на польских землях, как писали, «советской агентуры» – советского партизанского движения и польских частей из своих коммунистов. Известно также, что Ян Карский заяв-

¹ Подробнее см.: Puławski A. W obliczu Zagłady. Rząd RP na Uchodźstwie, Delegatura Rządu RP na Kraj, ZWZ-AK wobec deportacji Żydów do obozów zagłady (1941–1942). Lublin, 2009.

² ChBP, PK, 479, Instrukcji Działu Dowodów Org. P.N., 14 X 1942, b.p. По вопросу об объединении ПН с АК см.: Wojna żydowsko-niemiecka. Polska prasa konspiracyjna 1943–1944 o powstaniu w getcie warszawskim. Wybór i oprac. P. Szapiro. Londyn, 1992. S. 443.

³ См., например: Grabowski W. Polska Tajna Administracja Cywilna 1940–1945. Warszawa, 2003. S. 284–285; Puławski A. W obliczu Zagłady...; Sawczuk J., Senft S. Obozy jenieckie w Lamsdorf w latach II wojny światowej // Obozy w Lamsdorf/Łambinowicach (1870–1946). Red. E. Nowak. Opole, 2006. S. 249.

лял о том, что в состав этих частей входили беглые советские военнопленные и евреи. Одновременно с этим он лично уговаривал премьер-министра Польского правительства Владислава Сикорского отдать приказ о ликвидации советских партизан: «Командующий мог бы их уничтожить. Мы знаем территорию и смогли бы не разбазаривать средства, возможностей есть масса». Карский даже открыто говорил об этом во время встречи с президентом Соединенных Штатов Франклином Делано Рузвельтом¹. Чтобы понять, почему такая позиция была в принципе возможна (остается открытым вопрос, насколько она была распространена в польском подполье), следует обратить внимание на перемены, которые произошли в отношении ППГ к советским военнопленным в конце 1941 – начале 1942 гг.

Изучение источников в архивах и библиотеках позволяет утверждать, что в последующие месяцы вопрос о положении советских военнопленных в лагерях практически не поднимается в документации польского подполья. Разница между количеством упоминаний о лагерях для военнопленных в 1941 г. и количеством аналогичной информации, полученной в 1942 г. и в последующем, настолько велика, что уже не имеет значения тот факт, что подобная тематика могла быть затронута в не сохранившейся части архивных документов за период после 1941 г. (То же самое можно сказать и о 1941 г.). В материалах ППГ, подготовленных после 1941 г., если и упоминали о военнопленных в лагерях, то в основном говорили о них в прошедшем времени или о содержании их, согласно номенклатуре тех лет, в Освенциме. Кроме того, в документации польской разведки за этот период и за более позднее время упоминания о советских военнопленных начали появляться только в связи с изучением идущих с фронта транспортов или конкретных объектов на территории ГГ. Лишь в конце 1942 г. разведслужба вернулась к вопросу об отношении немцев к советским военнопленным.

То, что оказалось полностью доминирующим в этом вопросе в мышлении лидеров польского подполья, нашло отражение в документации последующих месяцев и даже лет, – позиция по отношению к советским партизанам². О советских военнопленных (уже в качестве «бывших») начали писать, поскольку они входили в состав партизанских отрядов. Тема «бывших советских военнопленных» также появляется в публикациях, касавшихся вспомогательных подразделений, находившихся на немецкой службе.

Однако, как представляется, данный сюжет не вызвал столь пристального внимания командования ЗВЗ–АК, как советское партизанское движение.

¹ См.: Puławski A. *Sowiecki partyzant – polski problem* // *Pamięć i Sprawiedliwość*. 2006, № 1 (9). S. 217–254, Żbikowski A. *Karski*. Warszawa, 2011. S. 294–297, 303, 320–329.

² Для получения общей картины см. подробное исследование: Puławski A. *Sowiecki partyzant...*

Последняя тема практически повседневно появлялась в разведдонесениях (в основном тогда, когда эти подразделения высылались на восточный фронт) и приобрела особую важность лишь тогда, когда они начали преследовать польское население. В документах, в которых отражено это явление, имелись даже описания ситуаций, когда вспомогательные подразделения, состоявшие из недавних военнопленных, проводили пацификацию польских деревень в отместку за деятельность советских партизан, среди которых тоже находились бывшие советские военнопленные¹.

Причин столь резкой перемены в способе представления советских военнопленных в документах ППГ было несколько. Среди них – прозаичные и одновременно трагичные. Неслучайно, что одна из последних статей в информационном бюллетене от 19 февраля 1942 г., касавшаяся отношения немцев к советским военнопленным, носила название «Вымершие лагеря». В ней сообщалось: «Лагеря советских военнопленных в Островку под Малкинией и в Хелме должны быть ликвидированы. Каждый из этих лагерей насчитывал летом прошлого года более 10 000 военнопленных – в настоящее время количество военнопленных в первом и во втором лагере едва достигает нескольких сотен». Со временем этих военнопленных становилось все меньше². Причины, конечно, были известны: «Ужасающие условия жизни, содержание людей под дождем, в грязи и на морозе или в не отапливаемых бараках, без шинелей и обуви, в голоде – сделали свое дело».

Упомянутая статья, в которой очевидным образом выражалось сочувствие к военнопленным: «У Редакции “Бюллетеня” была возможность увидеть ряд фотографий этих лагерей. Это настолько чудовищно, что нет слов, чтобы выразить то, какое унижение и страдания должны были эти несчастные люди вынести перед смертью»³. Тогда же было отослано и одно из последних донесений, в котором сообщается о лагере советских военнопленных. 10 февраля 1942 г. в мате-

¹ Подробнее с указанием большого числа документов я пишу на эту тему в: *Putawski A. Kwestia sowieckich jeńców wojennych...* Интересно, что по оценке польского подполья, также отряды Гвардии Людовой «в воеводствах с преобладанием польского населения» состояли на «30% [из] бывших советских военнопленных» (AAN, DR, 202/III-41, Tygodniowy Meldunek RAK'u z 30 XI [19]43 [r.] № 8. К. 1–2).

² Это не означает, что они вдруг «исчезли». Фактически часть лагерей для советских военнопленных, расположенных на оккупированных польских землях, была ликвидирована весной 1942 г. В тех из них, которые продолжали существовать, большинство заключенных умерло в период 1941–1942 гг. Известно также, что некоторые лагеря функционировали до последних месяцев 1942 г.; в других советские военнопленные содержались с середины или до конца 1943 г. даже до 1944–1945 гг. Кроме того, советские военнопленные находились в лагерях, расположенных на оккупированных польских землях, выполнявших иные функции, например, в концентрационных лагерях (см.: *Datner S. Zbrodnie Wehrmachtu na jeńcach wojennych armii regularnych w II wojnie światowej*. Warszawa, 1964. S. 196–197, 208, 389–403).

³ «Biuletyn Informacyjny» z 19 lutego 1942 r., № 7.

риале без заголовка сообщалось: «В лагере для большевиков, расположенном в Люблине в деревне Дзесёнта, было 1150 военнопленных, в настоящее время осталось только 200, остальных расстреляли»¹ (речь шла о лагере Майданек).

Отдавая должное представленным выше материалам, следует сказать, что, тем не менее, гораздо большее влияние на изменения образа советских военнопленных в документах ППГ оказали иные факторы. Речь идет об уже упомянутом отношении к советскому партизанскому движению. С самого начала власти польского подполья были настроены негативно против этого движения². Ко второму полугодю 1941 г. относится вторая инструкция польских властей в Лондоне, а следом за ней появилось и распоряжение властей польского подполья, которые, как представляется, повлияли на выработку окончательного отношения ППГ к советским военнопленным. Оригинал лондонской инструкции неизвестен. Об упомянутом распоряжении узнаём из относящегося к более позднему времени материалу. В донесении, датированном январем 1942 г., командующий ЗВЗ генерал Стефан Ровецкий упоминал распоряжение, данное «вслед за инструкцией главнокомандующего», «не поддерживать действий советских парашютистов»³. Не исключено, что распоряжение генерала Владислава Сикорского было дано в не известной нам Инструкции № 9, относящейся, скорее всего, к ноябрю 1941 г., либо в не сохранившейся полностью декабрьской (1941 г.) Инструкции за № 10⁴.

В феврале 1942 г. произошло событие, нашедшее отражение в документации польского подполья за март, которое привело к крайней радикализации подхода к советскому партизанскому движению, а заодно и к советским военнопленным. Речь идет о нападении советских партизан на лагерь военнопленных. В бюллетене «*Biuletyn Informacyjny*» (№ 10 от 12 марта 1942 г.) сообщалось: «В середине февраля советские самолеты сбросили несколько небольших групп парашютистов. Эти парашютисты организовали нападение на один из небольших лагерей советских военнопленных в Любартовском повяте. Нападение было частично успешным: несколько немецких охранников погибло, несколькими десятками военнопленных удалось этого избежать [так в оригинале – А. П.] и соединиться с парашютистами. Таким образом, появилось два советских отря-

¹ ААН, DR, 202/III-28, Meldunek z 10 lutego 1942 r. K. 255.

² См.: *Boradyn Z.* Niemen. Rzeka niezgody. Polsko-sowiecka wojna partyzancka na Nowogródzczyźnie 1943–1944. Warszawa, 1999. S. 92. См. также: *Peptóriski A.* Działalność terenowych placówek polskich służb wywiadowczych: ZSRR // *Polsko-brytyjska współpraca wywiadowcza podczas II wojny światowej*. T. 1. Red. T. Dubicki, D. Nałęcz. T. Stirling. Warszawa, 2004. S. 289, 291; *Puławski A.* Sowiecki partyzant..., *passim*.

³ ААН, АК, 203/I-16, Meldunek № 99, 17–21 I 1942 r. K. 366–368. См. также: *Puławski A.* Sowiecki partyzant..., *passim*.

⁴ Тема требует дальнейшего изучения, см.: ААН, АК, 203/I-27, Instrukcja № 10 – 1941, 15 XII 1941. K. 350–359.

да, которые скрывались по лесам и деревням, требуя от крестьян пустить их на постой и дать еды. В одной из деревень (также в Любартовском повяте) один из этих отрядов убил офицера СС».

Однако главной темой статьи стало не нападение на лагерь, а его последствия. «В связи с этим – сообщало издание – немецкие оккупационные власти, видимо из-за опасения, что начнется широкая польская повстанческая акция, начали зверские массовые репрессии». После достаточно подробного представления репрессий в статье делался вывод: «Советское командование, исходя из собственных интересов, сбрасывает на польскую землю диверсионный отряд. Немецкий оккупант ведет с ним борьбу наиболее подлым образом, убивая совершенно невинных людей, жителей деревень, в которых русские провели ночь, требуя предоставить постой».

Последний абзац статьи полностью отражал перемену в подходе, который и так был уже критическим, к советскому партизанскому движению: «Кровь невинных людей из Люблинщины не только на совести немцев, но и СССР, который вопреки духу польско-советского мирного договора воспринимает польские земли как собственную вотчину, в которой желает распоряжаться без согласия и даже вопреки согласию ее владельца»¹.

История, произошедшая в Любартовском повяте, широко описывалась и комментировалась и во многих других публикациях и документах АК и Делегатуры правительства, а информация о ней была выслана в Лондон с целью представления на Би-би-си². Коротко говоря, это был момент, когда советские партизаны и входившие в состав их отрядов беглые советские военнопленные стали восприниматься не как жертвы, а как виновники, о чем, как представляется, впервые написало издание «Biuletyn Informacyjny». Даже когда на его страницах в последний раз сообщалось о лагерях для советских военнопленных, стиль был сухим – лишь факты еще «говорили сами за себя». В № 16 за 23 апреля 1942 г. в разделе «Разное» сообщалось: «Упомянувшийся уже нами лагерь для советских военнопленных в Острувку под Малкинией был ликвидирован. Из 12 000 военнопленных вывезено несколько дней тому назад 45 человек. Остальные были либо убиты, либо умерли»³.

Короче говоря, советское партизанское движение было признано польским подпольем как один из факторов «нервозности» немецких властей, следствием

¹ «Biuletyn Informacyjny» z 12 marca 1942 r., № 10.

² Более подробно см.: Puławski A. Sowiecki partyzant...; Idem. W obliczu Zagłady...

³ «Biuletyn Informacyjny» z 23 kwietnia 1942 r., № 16. О военнопленных были упоминания и ранее в издании «Biuletyn Informacyjny» № 6 от 12 февраля 1942 г. О военнопленных упоминал в «беседе в редакции» прибывший с востока свидетель. На вопрос о советской армии на востоке он ответил: «Вы многого от меня хотите! Я видел только большевистских военнопленных».

которой, по выражению одного из майских документов 1942 г., стал небывалый рост террора в первом полугодии 1942 г. «в отношении поляков, а также и евреев, и даже украинцев». Сама очередность перечисленных народов не была случайной, поскольку являлась следствием восприятия действительности польским подпольем¹.

Еще одним фактором, влиявшим на негативное восприятие советского партизанского движения, было убеждение, что его деятельность является исключительно бандитской. В многочисленных внутренних документах и публикациях говорилось об этом напрямую. Однако получило перевес уже успевшее упрочиться убеждение, что деятельность советского партизанского движения ставит перед собой цели, противоречащие польским государственным интересам, т.е. готовит почву для последующей советизации Польши. Представляется, что окончательное решение вопроса о противостоянии деятельности советского партизанского движения (и собственным польским коммунистам) по политическим причинам польское подполье приняло в конце февраля 1942 г., о чем, на мой взгляд, наиболее убедительно говорит содержание восьмого номера издания «Agencja Prasowa» от 25 февраля².

На все это накладывалось общее отсутствие доверия к восточному партнеру, который лишь только назывался союзником. Неслучайно, до июля 1942 г. разведсообщения командования ЗВЗ–АК попадали к командованию Красной армии либо из Штаба главнокомандующего в Лондоне, либо при посредничестве Польской военной миссии в Советском Союзе. Примерно с середины 1942 г. советские партизанские отряды в издании «Biuletyn Informacyjny» прямо именовались «бандами». Ранее их деятельность была признана «преступной», а присоединение к советскому партизанскому движению считалось «предательством». А всё потому что, как видно из многочисленных документов первой половины 1942 г., во-первых, эти отряды подвергали поляков риску репрессий, во-вторых, избегали обычных боевых действий, а взамен занимались упоминавшимся ограблением населения или политической деятельностью (стремление к восстанию). Даже репрессии немцев сознательно провоцировались советским партизанским движением с целью подтолкнуть местное население к спонтанной борьбе³.

С точки зрения темы данной статьи важно также отметить убеждение польского подполья в том, что, как писал бюллетень «Biuletyn Informacyjny» 25 июня

¹ AAN, DR, 202/III-28, Raport z 7 maja 1942 r. K. 295–298. Подробнее см.: Puławski A. W obliczu Zagłady..., *passim*.

² «Agencja Prasowa» z 25 lutego 1942 r., № 8 (99) (ze zbiorów BN).

³ Вопрос, конечно, был более сложным, и я советую читателю посмотреть уже упоминавшиеся работы: Puławski A. *Sowiecki partyzant...*; Idem. W obliczu Zagłady... См. также: Idem. *Postrzeganie żydowskich oddziałów partyzanckich przez Armię Krajową i Delegaturę Rządu RP na Kraj // Pamięć i Sprawiedliwość*. 2003, № 2 (4). S. 271–300.

1942 г., «усиленные за весенний период “диверсионные” отряды на Люблинщине состояли «главным образом из сбежавших солдат из лагерей для русских военнопленных, в незначительной степени из людей, доставленных воздушным путем из России»¹. Через месяц, 30 июля, «Biuletyn Informacyjny» в заметке под знаменательным названием «Бандитизм» сообщал, что наряду с акциями советских диверсантов, «(которые, впрочем, никаких диверсий не осуществляют, ограничиваются разного рода пропагандой) – все шире распространяется обычный бандитизм. [...] Эти банды состоят из разного рода элементов: бродяг и местных людей, военнопленных, сбежавших из лагерей [...]. Немецкая полиция не только проявляет беспомощность, но даже равнодушие в отношении этого серьезного бедствия для края»². Через неделю в издание «Biuletyn Informacyjny» от 6 августа в статье «Диверсия и бандитизм» сообщалось: «Положение дел на Люблинщине в связи с действующими диверсионно-бандитскими бандами и, в связи с их действиями, репрессиями со стороны немцев невозможно ни с чем сравнить. [...] Как нам удалось установить, банды, рыщущие в Луковском и Седлецком повятах, состоят исключительно из сбежавших из лагерей для советских военнопленных. Эти банды не имеют ничего общего с какой-либо диверсионной деятельностью. Во время организуемых немцами облав в июле было застрелено в указанных районах несколько десятков беглых советских военнопленных. У всех убитых были найдены большие (иногда в несколько тысяч) суммы украденных денег. Грабители с целью принуждения населения к сотрудничеству идут на убийства беззащитных. Было несколько случаев изнасилования женщин»³.

Следует остановиться еще на одном крайне важном для раскрытия нашей темы вопросе – о роли польских властей в Лондоне. Материалы о советских военнопленных, доходившие до Лондона, не только «использовались для внутреннего пользования» и передавались союзникам⁴, но также, что крайне важно, публиковались. Особенно важную роль в начале 1942 г. сыграли два приложения к изданию «Aneks» (№ 19 и 20⁵). О положении военнопленных

¹ «Biuletyn Informacyjny» z 25 czerwca 1942 r., № 25.

² «Biuletyn Informacyjny» z 30 lipca 1942 r., № 30.

³ «Biuletyn Informacyjny» z 6 sierpnia 1942 r., № 31, см.: Puławski A. Postrzeganie żydowskich oddziałów...

⁴ См., например: Archiwum Instytutu i Muzeum im. Generała Sikorskiego (IMGS), A.48.3/A1. cz. 2, Pismo Oddziału VI Sztabu Naczelnego Wodza pt. «Morale among German, based on information received from Poland in December, 1941», 2 I 1942. K. 256. См. также англоязычное издание: IMGS, A.10.2/7, Poland Fights On, 28 I 1942, b.p.

⁵ См. работы, созданные на основе материала из страны: Archiwum Instytutu Pamięci Narodowej (AIPN), Główna Komisja Ścigania Zbrodni przeciwko Narodowi Polskiemu, Archiwum dr. Ignacego Schwarzbarta, 191, Sprawozdanie 1/42, styczeń 1942, b.p.; IMGS, A.10-4/13, Jak Niemcy postępują z jeńcami sowieckimi w Polsce. B.d., b.p. См. также: IMGS, A.48.4/A2, Lista z opisem 11 zdjęć dotyczących traktowania jeńców sowieckich przez Niemców, b.b.. K. 129 (не исключено, что речь шла о фотографиях в одном из приложений к изданию «Aneks»).

говорили польские политики во время публичных встреч¹, а в полуофициальном печатном издании польского правительства «*Dziennik Polski*» в начале 1942 г. было опубликовано несколько статей на эту тему. Они давали однозначную картину военных преступлений в отношении советских военнопленных². В одном из текстов сообщалось, что, несмотря на оголтелую немецкую антисоветскую пропаганду, «позиция превосходящего большинства польского населения в отношении России доброжелательная и реалистическая. Несмотря на угрозы лишения жизни, поляки делают все возможное, чтобы помочь советским военнопленным, находящимся в Польше». Утверждалось, что польское население часто делилось продуктами с проходившими через города колоннами советских военнопленных³.

Можно легко догадаться, что в качестве источника использовалась информация из приложения к № 19 «*Aneks*» (которая, о чем я писал выше, могла быть примером манипуляции). С исследовательской точки зрения является интересным тот факт, что открыто сообщалось об ужасном положении советских военнопленных, с использованием тех же самых источников, содержавших, например, сведения об уничтожении еврейского населения, причем эти сведения не публиковались. Следует задуматься, не было ли это результатом политики польского правительства в то время, стремящегося смягчить напряжение в польско-советских отношениях. Скорее всего, неслучайно вице-министр Станислав Миколайчик во время встречи в Огниске Польском 27 января 1942 г. сообщал собравшимся о преступлениях в отношении советских военнопленных и о том, что немцам не удалось подговорить поляков присоединиться к «крестовому походу против России» после начала войны в июне 1941 г. Он упомянул также о подпольной работе, в т.ч. об устраиваемых саботажах и подпольной прессе⁴.

Вплоть до середины 1942 г. «*Dziennik Polski*» охотно использовал эту информацию, полученную как из собственных источников, так и от пресс-агентств и телеграфных агентств других государств. С помощью этих данных он мог показать, что на территории оккупированной Польши продолжалась борьба с немецкими оккупантами.

Хотя, конечно, эти действия согласовались с основными установками польской пропагандисткой политики, в то же время они вытекали из очередных задач: желания расположить к себе великие державы и занять важную позицию

¹ См., например: przemówienie wicepremiera Stanisława Mikołajczyka na spotkaniu w Ognisku Polskim, 27 stycznia 1942 r. Речь была напечатана в издании «*Dziennik Polski*» от 29 января 1942 г., № 478.

² См., например: «*Dziennik Polski*» z 23 stycznia 1942 r., № 473; «*Dziennik Polski*» z 27 stycznia 1942 r., № 476.

³ «*Dziennik Polski*» z 8 stycznia 1942 r., № 460.

⁴ Przemówienie Mikołajczyka zamieścić «*Dziennik Polski*» z 29 stycznia 1942 r., № 478.

среди правительств оккупированных Германией стран. Другими словами, в начале 1942 г. Польша хотела завоевать статус лидера среди т.н. малых союзников (и стать альтернативой европейским державам), а после войны добиться для себя выгодных условий в британско-советском договоре. Историки сходятся в том, что эта первая инициатива носила антисоветский характер, хотя официально объединять малых союзников должна была идея наказания нацистской Германии за преступления против гражданского населения. Польским ответственным лицам особенно хотелось подчеркнуть, что польские власти активно поддерживают вооруженную борьбу Советского Союза. Этому должна была служить пропаганда идеи создания второго фронта не только на дипломатическом и публичном уровне, но также публикация в издании «*Dziennik Polski*» в первом полугодии 1942 г. большого количества статей, сообщавших о борьбе «польского партизанского движения» (например, переименование донесений коллаборационистской прессы о «польском бандитизме»). Без проблем также перепечатывались сообщения информагентства ТАСС, представлявшие советских партизан в позитивном свете¹. В некоторых сообщениях дополнительно поднимался вопрос о военнопленных².

Лишь в конце мая в издании «*Dziennik Polski*» появилась статья, в которой образ советского партизанского движения уже не был столь однозначным по сравнению с более ранними публикациями. Например, сообщалось об угрозе, которую оно представляло для формирований, состоявших из крестьян: «Крестьянские отряды зачастую дают вооруженный отпор, как проводимым реквизициям, так и русским партизанам»³. Правительство Польши приняло основные решения по рассматриваемому вопросу в июне 1942 г. Их смысл лучше всего выражен в речи премьер-министра Владислава Сикорского на заседании правительства 24 июня, где были выработаны принципы реакции на террор внутри Польши. В протоколе заседания говорится: «Председатель Совета министров предостерегает от использования в обращениях к стране любых слов, которые могли быть восприняты как призыв к восстанию. Наоборот, следует давать указания о противодействии провокациям, направленным на инициирование восстания. Это требует от нас в том числе противостояния провокационной советской пропаганде»⁴.

Эти слова объясняют, почему Сикорский 9 июня 1942 г. в ответ на мартовскую депешу делегата правительства Цирила Ратайского о советских партизанах

¹ Этих статей было так много, что их цитирование в данной статье не отвечало бы ее задачам, см. книгу: Puławski A. W obliczu Zagłady...

² См., например: «*Dziennik Polski*» z 16 marca 1942 r., № 515.

³ «*Dziennik Polski*» z 28 maja 1942 r., № 577.

⁴ Protokoły posiedzeń Rady Ministrów Rzeczypospolitej Polskiej (Protokoły), Kraków 1998. T. 4: grudzień 1941 – sierpień 1942. S. 343 – Protokół posiedzenia Rady Ministrów, 24 VI 1942.

не дал никаких окончательных инструкций и сделал упор на пропагандистскую работу¹. Когда в августе 1942 г. в Лондоне были получены из Польши очередные требования о противодействии советскому партизанскому движению, Сикорский отверг идею своих сотрудников дать указание «Ген[ералу] [Ровецкому] бороться с оружием в руках с сов[етскими] диверсантами, действующими на территории Польши». Он вновь решил основной упор сделать на пропаганду, явно оставляя лазейку для изменения позиции. В Польшу он, в частности, писал: «Не имея уверенности [в том, что касалось последствий дипломатических шагов, предпринятых в отношении правительства СССР по вопросу о советском партизанском движении – А. П.], информировать общественное мнение в Польше всеми возможными способами о том, что это исключительно коммунистическая акция. В случае если это не принесет результатов, бороться с ней решительно всеми имеющимися средствами»².

Как видно, правительство и властные структуры внутри страны основной упор делало на дипломатические действия и именно пропагандистскую работу в том, что касалось вопроса о советском партизанском движении. Тем не менее, эта, представленная в литературе³, реакция «польского Лондона» на информацию о советских военнопленных и его изменчивая позиция в отношении советского партизанского движения в первом полугодии 1942 г. должны были оказывать влияние на действия ППГ в этих вопросах.

Информация о тяжелом положении советских военнопленных приходила в Лондон также во второй половине 1942 г., главным образом это были сообще-

¹ Armia Krajowa w Dokumentach 1939–1945. T. 2: Czerwiec 1941 – kwiecień 1943. Wrocław, 1990. S. 271 – Gen. Sikorski do delegata rządu: sprawa desantów sowieckich spadochroniarzy, 9 VI 1942. Относительно сомнений Сикорского по поводу текста ответа на депешу Цирила Ратайского см.: IMGŚ, PRM 76/2, Depesza «Wrzosa» (Cyryla Ratajskiego) z 9 marca 1942 r. z odręcznym projektem odpowiedzi Sikorskiego. K. 44. Депеша была получена в Польше 11 июня 1942 года. (AAN, DR, 202/I-2, Depesza Sikorskiego do delegata №47, 9 VI 1942, data otrzymania 11 VI 1942.. K. 19). См. также: Puławski A. Sowietcki partyzant... (passim).

² SPP, A.2.1.1.1.1.B., Depesza Władysława Sikorskiego do «Kalinę» z naniesionymi poprawkami, 3 VIII 1942. K. 21.

³ Подробнее см.: Puławski A. Postrzeganie żydowskich oddziałów...; Idem. Sowietcki partyzant...; Idem. W obliczu Zagłady... О политических планах Владислава Сикорского по «укреплению собственной позиции в Лондоне с помощью превращения в лидера всех правительств в изгнании» в начале 1942 г. см.: Hułas M. Goście czy intruzy? Rząd polski na uchodźstwie wrzesień 1939 – lipiec 1943. Warszawa, 1996. S. 290–291; Idem. Rząd gen. Władysława Sikorskiego czerwiec 1940 – lipiec 1943 // Władze RP na obczyźnie podczas II wojny światowej 1939–1945. Red. Z. Błażyński. Londyn, 1994. S. 196; Materski W. Walka dyplomacji polskiej o normalizację stosunków z ZSRR (czerwiec 1941 – lipiec 1942) // Historia dyplomacji polskiej. T. 5: 1939–1945. Red. W. Michowicz. S. 290–291; Żaroń P. Kierunek wschodni w strategii wojskowo-politycznej gen. Władysława Sikorskiego 1940–1943. Warszawa, 1988. S. 209. По вопросу об общих принципах информационной политики польских властей в период 1940–1942 гг. см. также: Habielski R. Polityka informacyjna i propagandowa rządu RP na emigracji 1939–1945 // Dzieje Najnowsze. 1987, № 4. S. 65–66.

ния посланников и тех, кто приезжал из страны¹, а также данные, полученные из других источников². Частично их продолжали доводить до сведения союзников и общественного мнения. Что интересно, в одной из депеш Польского телеграфного агентства сообщалось о побегах советских военнопленных из лагерей и о создании ими партизанских отрядов, о предупреждениях немцами местного населения и, в заключение, о массовых убийствах жителей нескольких деревень, но при этом депеша не содержала негативной оценки советского партизанского движения, явно указывая на виновников происходящего – немцев³.

В свою очередь, в одном из сообщений, не переданных союзникам, его автор отмечал, что по стране «рыщут в огромном количестве большевистские диверсанты, скрывающиеся в лесах, к которым присоединились советские военнопленные, которые сбежали из лагерей»⁴. Когда Владислав Сикорский собирался в конце 1942 г. отправиться с официальным визитом в Соединенные Штаты Америки, соответствующие службы подготовили для него на основании рапортов, высланных в конце октября, подборку сообщений из Польши. С одной стороны, сообщалось о трагическом положении советских военнопленных в лагерях, а с другой, как это было сформулировано в документе, – о «диверсион [ных] банд[ах]»: «В состав этих банд входят [...] засланные агенты, преступная масса [...], беглые советские военнопленные, а также те, кто по политическим причинам скрывается от немецкой полиции»⁵.

В ноябре 1942 г. премьер-министр и главнокомандующий среди своих коллег напрямую говорил: «Отвергаем любые попытки начать в Стране руководимые коммунистами саботаж и партизанское движение»⁶. Однако, несмотря на это, отвечая в начале 1943 г. (о чем уже упоминалось ранее) на вопрос Яна Карского, «не стоит ли, принимая во внимание их полную бесполезность для нашей борьбы с немцами и вредность для нас, ликвидировать их [советских парти-

¹ См., например: SPP, A.2.3.6.3.4., Wiadomości z kraju od obywateli amerykańskich, 29 VII 1942. K. 251; IMGS, A.9.III.2b/14, Niemcy w Polsce, 22 X 1942, b.p.; IMGS, A.9.III.2a/3. Warszawa, – Bern–Gibraltar. B.d., b.p.

² См., например: IMGS, A.12.53/37H, Depesza ze Stambułu, 27 VII 1942. K. 139.

³ IMGS, A.10-4/13, Depesza PAT, 9 VIII 1942, b.p. По вопросу о передачи информации о советском партизанском движении в этот период см., например: IMGS, Opracowanie o położeniu Polaków na Wileńszczyźnie, 23 IX 1942, b.p.; IMGS, A.10.9., Depesza PAT, 6 VIII 1942, b.p.

⁴ SPP, A.3.3.6, Notatka obrazująca stosunki panujące na terenie Rzplitej, ziemiach wcielonych do Rzeszy i Generalnym Gubernatorstwie, 12 X 1942. K. 152.

⁵ IMGS, PRM 76/1, Polska pod okupacją niemiecką. Raport o sytuacji w Kraju na podstawie wiadomości nadesłanych do dnia 31 X 1942. K. 152. О других печатных материалах для внутреннего пользования в «польском Лондоне», в которых прямо писали о присутствии беглых советских военнопленных в советских партизанских отрядах, см., например: IMGS, PRM L.69, Działalność Sowietów na terenie okupowanej przez Niemców Polski. B.d.. K. 505.

⁶ IMGS, A.4.8.2./A3, Przemówienie, listopad 1942. K. 152.

зан]», генерал Сикорский «заявил, что не даст такого приказа»¹. Подобная политика, несмотря на множество замечаний относительно деятельности советских партизан, была продолжена правительством Польши и после смерти Сикорского, причем во главу угла ставился дипломатический путь решения вопроса.

Эдвард Рачиньский еще в декабре 1943 г. информировал британскую сторону о том, что «Правительство Польши не даст никаких распоряжений об уничтожении советских агентов»². Можно с уверенностью сказать, что несмотря ни на что в официальной сфере польские власти в Лондоне были более сдержанными в этом вопросе, чем польские власти на месте, в Польше³.

Известно, что в последующем, в 1943–1944 гг., несмотря на приказы польских чиновников из Лондона и даже на отдельные официальные директивы центральных властей ППГ, происходила ликвидация отрядами АК советских партизан, в том числе, что нас интересует в первую очередь, беглых советских военнопленных. Часть этих жертв представлена в польской документации (например, в Руководстве диверсионной работой командования АК) в качестве «туристов». Такое положение дел было следствием сложного механизма принятия решений, который мной подробно описан в статье «Советский партизан – польская проблема». В основе его лежали причины политического характера, отождествление советских партизанских отрядов с бандитами, а также обострение отношений между польским и советским подпольем⁴. Представляется, что ставшие не так давно доступными источники дадут возможность более глубоко изучить данный вопрос⁵.

Как я уже отмечал, на окончательно негативную позицию ППГ в отношении советских военнопленных оказало влияние присутствие и активность на польских землях немецких вспомогательных подразделений, состоявших из этих военнопленных⁶. Вначале в радиодонесениях разведки говорилось о существо-

¹ Об этом и подробнее о позиции польских властей в Лондоне см.: *Puławski A. Sowiecki partyzant...*, passim; *Idem. W obliczu Zagłady...*, passim.

² См.: *Protokoły. T. 6: Lipiec 1943 – kwiecień 1944, Kraków 2003. S. 337, Protokół posiedzenia Rady Ministrów 21 XII 1943, Rozmowa ambasadora E[dwarda] Raczyńskiego z ministrem Edenem w Foreign Office, 17 XII 1943.*

³ Хотя временами некоторые публичные выступления, цель которых состояла в том, чтобы противостоять советской пропаганде, стремившейся вызвать всеобщее восстание, ограничивались британской цензурой. См., например: *IMGS, Kol 15/8. Memoriał w sprawie radiofonii polskiej, załącznik № 1: Wyjątki z notatek i raportów poufnych redaktorów Działu Radiowego Min. Inf. i Dok. w sprawie cenzury i stosunku BBC do spraw polskich. B.d. (dane dotyczą stycznia i lutego 1943 r.), b.p.*

⁴ *Puławski A. Sowiecki partyzant...* (там см. литературу по теме их ликвидации).

⁵ См., например, оригинальные документы АК, которые приобщили к делу послевоенного процесса против возглавлявшего диверсионную работу АК генерала Эмиля Фильдорфа (AIPN, BU 1769).

⁶ Стоит добавить, что благодаря советским военнопленным практически сразу после начала немецко-советской войны ППГ знало о позитивном отношении к немцам некоторых на-

вании частей, состоявших из завербованных советских военнопленных, высылаемых на восточный фронт. Например, в депеше от 14 сентября 1942 года генерал Стефан Ровецкий (в переписке с Лондоном использовавший псевдоним «Калина»), писал на тему транспортов на Восток: «15 VIII. 14 транспортов [...] отряд грузин из бывших советских военнопленных, установлено два транспорта из Генерал-губернаторства на Кавказ»¹. Об очередной части, состоявшей «из русских военнопленных», «Калина» информировал в депеше от 3 ноября 1942 г.² В других донесениях сообщалось о результатах и способах призыва, например, через «Русский национальный комитет во главе с советским генералом Власовым и заместителем генералом Малышкиным»³, а также о принципах набора среди недавно взятых в плен солдат Красной армии⁴. ППГ знало также о том, что эти части боролись с советским партизанским движением. В депеше от 18 декабря 1942 г. Ровецкий утверждал: «Партизанское движение на Украине, уничтоженное легионами, состоявшими из бывших советских солдат, не существует»⁵. А в депеше от 29 декабря 1942 года командующий АК отважился даже подвести итог: «имеются неопровержимые доказательства существования ряда национальных “легионов”, созданных из бывших советских солдат, насчитывающие каждый более 200 тыс. человек. Эти “легионы” носят названия разных районов советской России и находятся под командованием советских офицеров и сержантов, надзор за ними осуществляют немногочисленные немцы». Он также повторил, что «часть этих легионов используется пока немцами для борьбы с советскими партизанами»⁶.

В 1943 г. из Польши также поступала информация на данную тему. Свидетельством тому – один из сборников материалов, составленный в Лондоне. На основании данных, полученных внутри Польши, в нем утверждалось, что в июне 1943 г. армия Андрея Власова насчитывала «более 300 тысяч человек», в целом же «среди советских военнопленных немцы завербовали около миллиона человек для своей военной машины». В частности, сообщалось: «Количество советских граждан, сражающихся на стороне Германии – 300 000 и бьющих по польским подпольным организациям [так в оригинале – А. П.]». Цитировалось также содержание, как его называли, «Рапорта из Края от 21–28 мая 1943»:

родов, проживавших на территории СССР. В донесении от августа 1941 г. сообщалось: «Большевистские военнопленные, происходящие из кавказских племен, говорят, что кавказские народы ждут с нетерпением освобождения их немцами из-под московского ига» (AAN, DR, 202/II-11, *Odgłosy wojny*, sierpień 1941 г. К. 27).

¹ AAN, AK, 203/I-22, Depesza №731, 14 IX 1942. К. 60.

² AAN, AK, 203/I-22, Depesza №936, 3 XI 1942. К. 145–146.

³ См., например: AAN, AK, 203/I-23, Depesza №650, 7 IV 1943. К. 300–301.

⁴ AAN, AK, 203/I-23, Depesza №759, 13 V 1943. К. 357.

⁵ AAN, AK, 203/I-22, Depesza №1109, 17 XII 1942. К. 273.

⁶ AAN, AK, 203/I-22, Depesza №1145, 29 XII 1942. К. 255.

«В Варшаве почти половина встречаемых немецких солдат – это бывшие советские военнопленные»¹.

В сентябре 1943 г. разведка АК сообщала о проявлении лояльности солдат армии генерала Власова к немцам, примером чему должен был быть отряд из 300 чел., охранявший 7 тыс. советских военнопленных в лагере в Заславе. Согласно немецкой пропаганде, личный состав армии Власова должен был в ближайшее время составить даже 10 дивизий, после вербовки 400 тыс. советских военнопленных. В свою очередь, разведка АК оценивала ее численность в 33 батальона².

Подобно тому, как собиралась информация о транспортах с фронта, также в Лондон высылались сведения о поездах, идущих на фронт. При этом в депешах АК появлялось время от времени загадочное определение: «военнопленные»³. В разведдонесениях имелась также информация о бунтах в частях, состоявших из «бывших советских военнопленных». Например, в мае 1943 г. сообщалось, что в Замостье «22 IV отряд, состоявший из примерно 100 советских военнопленных, находящихся на службе у немцев, взбунтовался и, убив 3 жандармов, скрылся в лесах в направлении Лащува. Немцы преследовать не стали»⁴. Сведения, касавшиеся этих подразделений, появлялись время от времени в депешах с изложением разведдонесений на протяжении всего 1943 г.⁵.

Несомненно, случаи перехода советских военнопленных на немецкую сторону должны были как бы естественно влиять на их негативное восприятие. Однако основной причиной, по которой эти формирования превращались во враждебные польскому подполью, была, о чем я уже писал, деятельность, направленная на пацификацию ими местного населения. В приложении к ежемесячному разведдонесению № 193 под названием «Рапорт о положении на Востоке 15 IV – 15 V 1943 г.» сообщалось: «В качестве репрессий используется спорадическое выжигание деревень. Для пацификации Волыни использовались казаки (бывшие военнопленные)»⁶.

¹ В упомянутом сборнике на основании данных, полученных из страны, оценивалось, что советских партизан «на территории Польши» было около 25 тысяч (см. оцифрованную коллекцию в: Archiwum Instytutu Hoovera, Dokumenty Stanisława Mikołajczyka, 800/22/0/-/28, Folder 16, Opracowanie. B.d., skan 783, www.szukajwarchiwach.pl).

² См.: *Pełtoński A.* Op. cit. S. 429.

³ См., например: AAN, AK, 203/I-23, Depesza № 798, 20–22 V 1943. K. 367; AAN, AK, 203/I-23, Depesza № 799, 20 V 1943. K. 367.

⁴ AAN, DR, 202/III-28, Sprawozdanie z podróży Warszawa–Lwów–Przemyśl w dniach 27 kwietnia – 3 maja 1943 г. B.d.. K. 427.

⁵ См., например: AAN, AK, 203/I-23, Depesza № 244, 20 II 1943. K. 151; AAN, AK, 203/I-23, Depesza № 995, 12 VI 1943. K. 479–480.

⁶ AAN, AK, 203/I-18, Meldunek № 193, Raport o położeniu na Wschodzie, 15 IV – 15 V 1943. K. 486. Не исключено, что в действительности речь шла об украинских деревнях.

Мной уже упоминалось о том, что в документации польского подполья можно найти описания случаев пацификации этими формированиями в ответ на деятельность советских партизан. В апрельском коллективном донесении за №188 (1943 г.) сообщалось: «28 III 1943 г. советские диверсанты пустили под откос военный поезд по линии Звежинiec – Краснобруд. В отместку за это в период с 1–8 IV немецкие жандармские отряды совместно со спецотрядами “туркмен” (большевистские военнопленные) провели ряд карательных экспедиций по близлежащим деревням», после чего давалось детальное описание акций. Подчеркивалось, что «во время этих преступных акций разыгрывались поистине сцены из Данте. Туркмены насильствовали женщин, бросали детей в горящие дома, а матерей, которые пытались их спасти, убивали»¹. Данная информация была отослана в Лондон в депеше от 23 апреля 1943 г.²

Когда к ГГ начал приближаться фронт, польское подполье в донесении отметило: «Акция очистки от диверсий тыла фронта. Использование для диверсий калмыков, татар, грузин и армян. Среди них ведется антипольская пропаганда. Следствие – ужасающие зверства. Множественные побеги калмыков в леса к советским партизанам»³.

Вывод о том, что «бывших советских военнопленных» в немецких формированиях правильно считали врагами, напрашивается сам собой. В этом контексте не имеет значения то, что, как подчеркивают историки, сотрудничество с немцами, так же, как и бегство в леса, были в большей степени продиктованы желанием спасения собственной жизни⁴.

Представляется, что отношение ППГ к советским военнопленным было следствием взаимовлияния разных политических факторов. В первый период небывалая жестокость, господствовавшая в лагерях для советских военнопленных, вызывала естественное сострадание со стороны польского подполья. Во втором полугодии 1941 г. сострадание и сопереживание жертвам были практически всеобщими в этой среде. Однако со временем, когда на польских землях началось развитие советского партизанского движения, которое по разным причинам стало для ППГ проблемой, вопрос о судьбе советских военнопленных отошел на второй план. Наиболее важным фактором, детерминирующим окончательное восприятие этих военнопленных, была политическая угроза, по мнению польского подполья, связанная с советским партизанским движением и, вообще, с

¹ AAN, AK, 203/I-23, Meldunek zbiorowy № 188, kwiecień 1943. K. 299.

² AAN, 203/I-23, Depesza № 658, 23 IV 1943. K. 294–295.

³ AAN, DR, 202/I-41, Depesza № 600, 22 VI 1944. K. 19. В депеше сообщалось также о выкапывании и сожжении останков разных жертв, в том числе – «большевистских военнопленных».

⁴ См., например: *Black P. Prostý żołnierz «akcji Reinhardt». Oddziały z Trawniki i eksterminacja polskich Żydów // Akcja Reinhardt. Zagłada Żydów w Generalnym Gubernatorstwie*. Red. D. Libionka. Warszawa, 2004. S. 108.

польско-советскими отношениями. Представляется, что на формирование окончательного неодобрительного отношения ППГ к советским военнопленным в меньшей степени влияло то, что они входили в немецкие вспомогательные части. Жаль только, что сегодня некоторые историки, отображающие на основании документации ППГ негативный образ советских партизан, не видят разницы «между изголодавшимися людьми, ищущими спасения, и кадровыми отрядами, действующими в тылу фронта и создающими основы для будущего господства коммунизма»¹.

Автор данной статьи старается эту разницу замечать.

¹ А эту разницу, по мнению Гжегожа Мотыки, не видит Петр Гонтарчик. См. полемику в связи с книгой П. Гонтарчика (*Gontarczyk P. Polska Partia Robotnicza. Droga do władzy 1941–1944. Warszawa, 2003*): *Motyka G. Przyczynek do historii PPR. Na marginesie książki Piotra Huberta Gontarczyka... // Zagłada Żydów. Studia i Materiały. 2008, № 4. S. 581–588; Gontarczyk P. W sprawie «Przyczynku do historii PPR» autorstwa Grzegorza Motyki // Zagłada Żydów. Studia i Materiały. 2010, № 6. S. 419–425; Motyka G. W odpowiedzi Piotrowi Gontarczykowi // Zagłada Żydów. Studia i Materiały. 2010, № 6. S. 426–428. См. также: *Motyka G. Jeszcze o stosunku Polaków do sowieckich partyzantów – byłych jeńców // Pamięć i Sprawiedliwość. 2007, № 1 (11). S. 462–468.**

Анджей Хмеляж

ЗАБЫТЫЕ СОЛДАТЫ.
БЫВШИЕ ВОЕННОПЛЕННЫЕ – СОЛДАТЫ И ОФИЦЕРЫ
КРАСНОЙ АРМИИ В АРМИИ КРАЙОВОЙ

Широко известно, что среди солдат партизанских отрядов Армии Крайовой было много иностранцев. Однако из нашей памяти ускользает тот факт, что самой многочисленной группой среди них были «граждане СССР», т.е. бывшие солдаты Красной армии, которые после бегства из лагерей или дезертирства из коллаборационистских подразделений нашли спасение в частях той подпольной организации, которая считалась властями СССР антисоветской. В период с середины 1941 г. по май 1945 г. из лагерей для военнопленных сбежало почти 67 тыс. советских военнопленных. Значительная часть побегов была совершена во время следования транспорта через польские земли и из лагерей, созданных на этих землях¹. Только в двух лагерях, в Грондах (Шталаг 324) и Коморове (Шталаг 333), сбежало как минимум 1500 военнопленных². Местные жители спонтанно оказывали беглецам помощь. Лишь в районе Луботынь-Стары благодаря помощи населения в период с осени 1941 г. до весны 1942 г. было создано шесть групп по несколько сот человек, которых после получения одежды и оружия отправляли на восток³.

Удачные побеги из лагерей для военнопленных не были бы возможны без помощи поляков. Один из крупнейших массовых побегов советских военнопленных, который произошел 3 сентября 1941 г., был организован при участии солдат Союза вооруженной борьбы Седлецкого района. Их командир майор Марьян Заварчиньский (псевдоним «Земовит»), издал приказ, согласно которому специальные патрули должны были прочесывать леса вокруг Шталага 316 Седльце в поиске беглых советских солдат для оказания им помощи. Ложная

¹ *Gmitruk J.* Pomoc chłopów i ludowców jeńcom radzieckim w latach 1941–1945 // *Realia i Co Dalej...*: Dwumiesięcznik Społeczno-Polityczny. 2010. № 2. S. 137.

² *Bartniczak M.* Grądy i Komorowo 1941–1944. Warszawa, 1978. S. 4–8.

³ *Ibidem.* S. 197–198.

атака на Шталаг 316 отвлекла немцев, благодаря чему из лагеря сбежало несколько тысяч военнопленных¹.

Практически все беглецы и дезертиры пробирались на восток, за Буг, с целью попасть на русскоязычную территорию. Даже если они действовали организованными группами, их нахождение в одном регионе было кратковременными. Ситуация изменилась зимой 1941/1942 г., когда погодные условия вынудили беглецов остаться зимовать. Возникла необходимость пребывания в одном месте долгое время, что способствовало установлению контактов с местным населением. Это также дало возможность польскому подполью установить, не является ли пребывание группы беглецов результатом немецкой провокации. Оказание помощи советским военнопленным, бежавшим из лагерей и транспортов, грозило смертной казнью от немцев. Установление контактов с гражданским населением и польским подпольем значительно увеличивало шансы беглецов продержаться. Многие советские солдаты правильно поняли, что их шансы пробраться на русскоязычную территорию без поддержки польского подполья не увенчаются успехом. Это склонило многие группы остаться на польских землях и начать борьбу с немцами в рядах Гвардии Людовой (ГЛ), Крестьянских батальонов (БХ), а затем, с 1943 г., в частях Армии Крайовой (АК).

В 1941 г. на землях центральной Польши не было условий для ведения партизанской деятельности и, как следствие, ни одна из польских организаций не располагала партизанскими отрядами. В связи с масштабностью побегов советских военнопленных из немецкого плена возможность легального пребывания беглецов в городах и деревнях была крайне ограничена. Естественным выходом было направить сбежавших в лес, где в первую очередь их усилия были направлены на обеспечение себя оружием и пропитанием. Их действия носили нескоординированный характер, стычки происходили в результате случайных встреч с немцами.

Судьба беглецов в значительной степени зависела от настроения польского, прежде всего, сельского населения. На территории Генерал-губернаторства более 200 деревень предоставляло постой и обеспечивало питанием лесные группы, состоявшие из военнопленных, а также сотрудничало с ними. Жители еще нескольких сот селений оказывали временную помощь беглецам. Больше всего их было на территории Люблинщины, Келецкого воеводства и в Малой Польше². Приказ об оказании помощи советским военнопленным, изданный 10 августа 1941 г. Командованием Седлецкого района БХ, был однозначным. Согласно этому приказу, следовало оказывать им «как можно более широкую помощь» в том, что касалось пропитания, одежды и вооружения³.

¹ Ślaski J. Polska Walcząca. Warszawa, 1990. S. 485, 486.

² Ibidem. S. 141

³ Mańkowski Z. Między Wisłą a Bugiem 1939–1944. Lublin, 1982. S. 180.

Неудивительно, что многие советские военнопленные оказались в рядах Крестьянских батальонов. Символичным и говорящим примером может быть присоединение к трем взводам БХ, концентрировавшимся под Войдой, которые собирались сразиться с немцами, проводившими пацификацию Замоищины, отряда полковника Василия Володина в составе 37 чел., сбежавших из лагерей для военнопленных.

Всего в рядах Крестьянских батальонов сражалось около 700 советских военнопленных, что составляло 21% от общего числа солдат БХ, входивших в спецотряды и партизанские отряды. Они принимали участие как минимум в 100 операциях и вооруженных столкновениях¹. О масштабе участия советских военнопленных в деятельности БХ свидетельствует тот факт, что через ряды активной в Келецком воеводстве группы БХ «Оська» Владислава Голомбка (псевдоним «Борына») в целом прошло около 340 военнопленных. Среди них был грузин Шалва Гогешавили (псевдоним «Политик»), которого Тадеуш Войтыняк (псевдоним «Баца»), вынес тяжело раненным из-под немецкого огня². В более чем 30-ти отрядах БХ советские военнопленные служили в отдельных взводах и дружинах. В результате договора об объединении, подписанного БХ в мае 1943 г., тактические части, а вместе с ними, включавшиеся в их ряды солдаты, оказались в Армии Крайовой. Полевые структуры ЗВЗ-АК оказывали бывшим советским военнопленным подобную помощь. Среди округов АК, выходящими за пределы ГГ, выделялась Силезия.

В промышленности Силезии, присоединенной к Рейху, было принудительно задействовано много военнопленных, а полевые структуры помогали им в организации побегов. Отделения ЗВЗ в Бельске и Чеховицах-Дзедзицах организовали вместе с железнодорожниками пункты переброски на трассе Силезия – Генерал-губернаторство. Подполье преследовало также тех, кто выдавал беглецов немцам. В записках командира дружины младшего лейтенанта Юзефа Каменьского (псевдоним «Стшала») из отряда «Гарбник» за 1944 г. говорится о наказании жителя Жукув-Дольни за участие в преследовании советского военнопленного; стражники литейного завода «Тшинец» в качестве наказания были выпороты за поимку двух советских военнопленных. Поскольку один из них оказывал сопротивление, то получил огнестрельное ранение, в результате которого скончался³.

¹ Gmitruk J. Skazani na zagładę. Jeńcy i partyzanci radzieccy a Bataliony Chłopskie 1941–1945. Warszawa 2001. S. 46.

² Тадеуш Войтыняк 27 августа 1944 г. получил тяжелое ранение, в результате которого наступила смерть. В октябре 1963 г. его семья получила письмо: «Дорогой Тадеуш, я Вас ищу уже долгое время и, кажется мне, что в этот раз я Вас нашел. Спаситель Вы мой, помните ли Вы, как тащили меня с поля боя?». См.: www.golabek.org (8.02.2015).

³ Walter-Janke Z. Śląsk jako teren partyzancki Armii Krajowej. Warszawa, 1986. S. 81.

В 1943–1944 гг., с началом организации диверсионных и партизанских отрядов АК, стало возможно оказание помощи при побегах, проведение операций по отбиванию военнопленных у немцев и их приему в части АК. Оказание помощи советским военнопленным гражданским населением и членами подпольных организаций не вызывало противодействия со стороны руководства Польского подпольного государства, т.е. ЗВЗ-АК и Делегатуры правительства Республики Польша в оккупированной стране. К присутствию советских групп относились толерантно, тем более что немцы вначале не применяли репрессий по отношению к местному населению, если проводимые операции были делом рук советских партизан. Очагом конфликта стали репрессии, применяемые оккупантами в отношении польского населения, и операции против немцев, предпринимавшиеся советскими десантными группами, а также реквизируемые по деревням продукты питания. Командование ЗВЗ-АК считало, что на этом этапе развития организации, а также в ситуации, складывающейся на фронтах, широкомасштабная диверсионная и партизанская деятельность на польских землях является преждевременной.

На восприятие как командованием АК, так и польским обществом появлявшихся с осени 1941 г. партизанских групп, состоявших из бывших советских солдат, бежавших из транспортов и лагерей для военнопленных, оказывали влияние два фактора. Появление этих групп совпало по времени с прибытием на польские земли советских парашютистов, к которым порой присоединялись уже созданные советские отряды, что польским подпольным руководством воспринималось как действия, не согласованные с польскими властями. В связи с этим восприятие советских десантных отрядов переносилось и на партизанские отряды, созданные из бывших солдат Красной армии. На их оценку влияло также то, что отряды, сформированные из советских беглых военнопленных, охотно устанавливали связь с левыми организациями, а после создания по инициативе Москвы Польской рабочей партии и Гвардии Людовой они стали массово подчиняться польским коммунистам.

Армия Крайова называла советские отряды «диверсионными». Надо сказать, что небезосновательно. Эти группы проводили операции по организации саботажа и диверсий, в ответ на которые немцы отвечали репрессиями в отношении польского населения. Неудивительно, что это вызывало решительный протест. Опасались не только репрессий, но и усиления немецких действий против польского подполья, которое в то время не было готово к контрдействиям. В издании «*Biuletyn Informacyjny*» [дословно: «Информационный бюллетень»], которое было основным печатным органом ЗВЗ, а с февраля 1942 г. – АК, 11 сентября 1941 г. сообщалось: «Эти репрессии, ослабляя нас в еще большей степени, приведут к тому, что поляки не будут в состоянии бороться в будущем, и в этом смысле выгодны России. [...] Поэтому искушение, предлагаемое нам

Москвой, не вызовет ответной реакции. Поляки возьмутся за оружие в нужный момент, который может определить только правительство Польской республики». О советских военнопленных в бюллетене давалась объективная информация, подчеркивалось правильное поведение поляков. В номере за 9 октября 1941 г. можно было прочесть: «Побеги советских военнопленных продолжают-ся. Например, 22 сентября 1941 г. из железнодорожного транспорта в районе Прушкова сбежало около 50-ти чел. Поиски и облавы не принесли существенных результатов. Население полностью проигнорировало призывы немецкого оккупанта о сотрудничестве при поимке военнопленных. Основная причина побегов связана с нечеловеческими условиями, в которых немецкие власти содержат военнопленных. Польское население понимает, что сотрудничество с немецким оккупантом при поимке большевистских военнопленных было бы постыдным и поэтому такого рода случаи, к счастью, являются исключением».

Тон публикуемой информации стал меняться в первые месяцы 1942 г., когда начались немецкие репрессии, являвшиеся мстью за советскую деятельность. 12 марта в том же бюллетене сообщалось о сбросе в середине февраля советских групп, которые среди прочего атаковали лагерь советских военнопленных в Любартовском повяте. В ответ немцы расстреляли 160 чел. в нескольких деревнях этого района. Действия советских отрядов, которые привели к репрессиям в отношении населения, а также принуждение крестьян предоставить постой и питание, вызвали обеспокоенность АК. Об этом сообщалось в многочисленных заметках этого издания. В номере за 2 апреля 1942 г. в статье «Диверсия» сообщалось: «Немцы реагируют сурово и жестоко, убивая всех мужчин в тех местностях, в которых установили наличие диверсантов. [...] Преждевременная диверсия может привести к непредвиденным негативным последствиям для польского дела. Мы уполномочены сообщить, что польские власти как за границей, так и в стране никакой даты восстания не назначали, а сотрудничество с коммунистическими диверсантами, которые не считаются совершенно с положением и интересами Польши, является деятельностью, противоречащей приказам польских властей».

Такого рода информация и предупреждения появлялись в издании «Biuletyn Informacyjny» на протяжении всего 1942 г. В последующих донесениях слова становились острее, а словосочетание «десантные отряды» сменилось на термин «банды»¹. Следует подчеркнуть, что пропаганда официального бюллетеня не была направлена напрямую против советских отрядов, состоявших из бывших военнопленных. Понятия «диверсант» и «бандит» зачастую отождествлялись. Примером тому может быть статья «Диверсия и бандитизм» от 6 августа 1942 г., в которой «бандами» оказались группы беглых советских военнопленных: «Как

¹ Puławski A. Postrzeganie żydowskich oddziałów partyzanckich przez Armię Krajową i Delegaturę Rządu RP na Kraj // Pamięć i Sprawiedliwość. 2003. № 2. S. 274–275.

нам удалось установить, банды, рыщущие в Луковском и Седлецком повятах, состоят исключительно из сбежавших из лагерей для советских военнопленных. Эти банды не имеют ничего общего с какой-либо диверсионной деятельностью. Во время организуемых немцами облав в июле было застрелено в указанных районах несколько десятков беглых советских военнопленных. У всех убитых были найдены большие (иногда в несколько тысяч) суммы украденных денег».

20 августа 1942 г. издание «Biuletyn» сообщало: «Если осенью и зимой под влиянием ненависти к немцам население относилось к советским беглецам добродушно, то в настоящее время это отношение принципиальным образом изменилось под влиянием бессовестного поведения, неустанных, не связанных с нуждой грабежей и все более частом изнасиловании женщин».

Негативное отношение к советским действиям на польских землях не оказывало непосредственного влияния на отношение к бывшим гражданам СССР, которые сражались в рядах Армии Крайовой. Правда, это касается только территории Генерал-губернаторства. Территорией острого конфликта с советскими партизанскими отрядами, что также повлияло и на отношение к бывшим советским военнопленным, стали северо-восточные окраины Второй Польской республики (главным образом Виленское и Новогородское воеводства). В 1943–1944 гг. там разыгралась локальная польско-советская партизанская война, в ходе которой отмечено более 200 боев¹.

Противоположной, хотя и не лишенной конфликтов, была ситуация на юго-восточной территории. Здесь на отношения с советскими партизанскими отрядами повлиял польско-украинский конфликт, что склоняло к оказанию взаимопомощи. Так было в случае с польским центром самообороны в селе Пшебраж. Кроме поляков здесь от немцев и украинцев скрывались евреи и беглые советские военнопленные, которых перебрасывали в партизанские части. Таким образом, было спасено несколько сот бывших солдат Красной армии.

Командование Армии Крайовой никакими приказами или указаниями не регулировало службу бывших советских военнопленных в рядах АК. На них распространялись общие требования, выдвигаемые к польским гражданам, и принципы безопасности, касавшиеся приема новых членов. Речь шла об элиминации потенциальных немецких агентов, а применительно к дезертирам из восточных подразделений – провокационных групп, в задачи которых входило проникновение в партизанские отряды, сбор разведданных, и даже ликвидация партизан. На бывших солдат Красной армии не распространялись повышение по службе и награды. Они несли службу в отдельных группах, как правило, сохранявших за собой прежнее командование. Самое большое количество бывших советских военнопленных в отрядах АК отмечено летом 1944 г. Это было связа-

¹ Подробнее см.: *Boradyn Z. Niemen – rzeka niezgody. Polsko-sowiecka wojna partyzancka na Nowogródczyźnie 1943–1944. Warszawa, 1999.*

но, прежде всего, с увеличением дезертирства значительных советских групп из немецких коллаборационистских частей. Советские военнопленные, сражавшиеся в польских частях, сохраняли в большинстве случаев свою анонимность. В памяти солдат остались, как правило, только фамилии командиров отрядов и специалистов, например, врачей.

Отдельно бывшие солдаты Красной армии встречались практически во всех частях АК. Самыми большими были группы, сражавшиеся в Келецком и Краковском округах АК. Отсутствует информация о больших группах советских военнопленных на территории Белостокского и Люблинского округов АК. Исключением является отряд лейтенанта Стефана Выжиковского (псевдоним «Зенон»), командира партизанского отряда 34, а также отряд АК «Ойчес Ян», в прошлом отряд Народовой военной организации, в котором было 4 «русских» взвода. На то, что и в других люблинских отрядах находились группы советских военнопленных, указывает информация, что в операции диверсионного отряда АК под командованием Станислава Ягельского (псевдоним «Сяпек») у деревни Чеславице, где был подорван поезд с возвращавшимися из отпуска немецкими военными (Ur-laubzug), в разведотряде «Острыги» находилась группа бывших солдат из восточных легионов (Ostlegionen).

Отсутствие упоминаний о больших группах советских военнопленных в частях АК возможно указывает на то, что в связи с близостью советских партизан, начавших действовать за Бугом раньше, чем на других территориях, военнопленные перешли под их командование. Следует также иметь в виду, что Люблинщина была тем местом, где действовало десятка полтора партизанских отрядов, сформированных из бывших военнопленных – солдат Красной армии в рамках Гвардии Людовой, а затем Армии Людовой.

Случалось, что информация о функционировании групп, состоявших из военнопленных в польских отрядах, не являлась правдивой. Например, в отряде Тадеуша Кунцевича (псевдоним «Подкова») якобы находились советские партизаны из группы П.П. Вершигоры¹. В популярных изданиях зачастую дается масса общей информации, которую сложно бывает верифицировать. 23 января 1945 г. партизанский отряд АК «Вендровец» совместно с советским отрядом майора В. С. Анисимова взял деревню Бренна, которую они удерживали до 13 февраля 1945 г.² В объединенных польско-советских вооруженных силах сражались бывшие советские военнопленные и югославские беглецы из трудовых лагерей в Устроне и Бренной. Не удалось установить, служили ли они в польском отряде.

¹ *Kunciewicz T.* Oddział «Podkowy» jako przykład formowania się jednostki partyzanckiej // *Armia Krajowa na środkowej i południowej Lubelszczyźnie i Podlasiu: materiały sesji naukowej*, KUL 24–25 IX 1985 r. Red. T. Strzembosz. Lublin, 1993. S. 142–143.

² *Barański M.* Beskid Śląski. Przewodnik, Pruszków 2007. S. 205.

В АК, также как и в БХ, исходили из принципа, что если в отряде было по крайней мере полтора десятка бывших советских военнопленных, то из них создавали дружину или взвод под руководством одного из них, старшего по званию или наиболее опытного солдата. Дружина в составе 18 партизан, бывших военнопленных, существовала, в том числе в 3-м взводе части «Зенон»¹. Ею командовал старший лейтенант Константин Прецкий. Взвод часто отличался в боях, в т.ч. 30 июня 1944 г. в тяжелом бою под Езёрами. Славомир Кордачук, автор монографии об этой битве, писал: «Они были надежные и готовые к участию в бою, решительно сражающиеся. Особенно партизаны вспоминали Мишку Ногина (Михаил Нога), псевдоним «Мишка». Он был очень боевой и надежный, не жалел даже банд грабителей, состоящих из русских – беглых из немецких лагерей для военнопленных»².

В округе Буско, в отряде лейтенанта Януша Козловского (псевдоним «Ястшембец») во 2-й дружине капрала Юзефа Возьняка (псевдоним «Орлик») оказалось шестеро беглых советских военнопленных, что равнялось 9% личного состава отряда. Действовали и более крупные подразделения. После того как летом 1944 г. был сформирован 1-й батальон 25-го Пехотного полка АК, одна из трех рот, насчитывавшая около 55 солдат, состояла полностью из красноармейцев, бежавших из плена. Ею командовал офицер Красной армии, майор Николай Цибульский. К концу августа 1944 г. численный состав роты достиг 133 солдат. В это время во всем батальоне было 580 солдат³.

Отношения между солдатами устанавливались наподобие тех, которые так точно описал Эдвард Шустер: «После первых дней взаимного недоверия и сдержанности [...] мы быстро привыкли друг к другу. Они быстро проявили себя как хорошие и надежные товарищи»⁴.

Насколько сложными были эти отношения видно из истории группы бежавших, попавших в группу лейтенанта Яна Пивника (псевдоним «Понуры»). В середине мая 1943 г. келецкий штаб Гвардии Людовой приказал сосредоточить силы в районе Залезянки под Кельцами. В результате предательства 15 мая 1943 г. большинство прибывших отрядов было разбито. Из окружения целиком вышли в т.ч. харцеры капрала-подхорунжего Владислава Василевского (псевдоним «Осэт») и дружина грузин, бывших солдат восточных подразделений

¹ Łacic W. Oddział partyzancki 34. pułku piechoty AK „Zenona” Obwodu AK Biała Podlaska // Armia Krajowa na środkowej i południowej Lubelszczyźnie... S. 281. Отряд был многонациональным. По состоянию на 23 июля 1944 г. он насчитывал 305 солдат, включая 60 венгров, 18 русских, 7 американцев, 3 евреев и 3 немцев. См.: Ibidem. S. 282.

² Kordaczuk S. Bitwa oddziału partyzanckiego «Zenona» w Jeziorach. Siedlce, 2008. S. 9.

³ Gołębiowski D. „Burza” nad Czarną. Warszawa, 1972. S. 34.

⁴ Szuster E. Opowieść o zmarnowanym entuzjazmie. Warszawa, 1957. S. 113. Цит. по: Paczyńska I. O latach wspólnej walki: obywatele radzieccy w ruchu partyzanckim na Ziemi Kieleckiej i Krakowskiej 1941–1945. Kraków, 1978. S. 130.

капитана N.N. (псевдоним «Казбек»). Командование над оставшимися принял капрал-подхорунжий «Осэт». Отряд передислоцировался в Секежинские леса с базой в районе урочища Выкус. 15 июня 1943 г. в связи с потерей связи с командованием округа ГЛ Кельце Владислав Василевский с отрядом подчинился формировавшейся партизанской группе АК лейтенанта Яна Пивника. 20 солдат Владислава Василевского вошло в состав этой партизанской группы. Капитан «Казбек» стал командиром 2-й дружины отряда Владислава Василевского, относящегося к группе №3 под командованием младшего лейтенанта Станислава Палаца (псевдоним «Марьяньский»).

В сентябре 1943 г. грузины, находившиеся в лесах лесничества Заганьск, решили тайно покинуть лагерь младшего лейтенанта Палаца. Их командир, капитан «Казбек», оставил письмо на имя лейтенанта Яна Пивника, в котором объяснял причину ухода из группы. Выразив благодарность за оказанную помощь и покровительство, благодаря чему, как подчеркивалось в письме, его люди «смогли стать вновь свободными, взять оружие в руки и начать сражаться с врагом», капитан «Казбек» писал о притеснениях в отношении некоторых его товарищей, офицеров Красной армии, «которым [...] было приказано ползать по земле, поднимать винтовку зубами и пр.». Однако в качестве основного повода для ухода из отряда он указал, тем не менее, желание вести борьбу с немцами, что, по его мнению, группа младшего лейтенанта Палаца не делала в достаточной мере¹. Покидая лагерь, грузины забрали личное оружие и два пистолета-пулемета.

Бывшие советские военнопленные находились также в других отрядах группы Яна Пивника: в группе № 1 под командованием лейтенанта Эугениуша Качиньского (псевдоним «Нурта»), в группе № 2 младшего лейтенанта Вальдемара Швеца (псевдоним «Робот») и в конной разведке, в рядах которой сражался в т.ч. старший лейтенант N.N. (псевдоним «Саша»). У «Робота» военнопленные были в отдельной дружине, в составе которой оказались, в частности, Аркадий Волков (псевдоним «Аркадий»)², Владимир Сушвили (псевдоним «Володя»), Алексей Орлов (псевдоним «Алеша»), а также «Ким», «Григорий», «Пауль», «Коля» и «Михаил», фамилии которых неизвестны. «Аркадия» тяжело ранило 4 сентября 1943 г. во время операции на ж/д. станции Вулька Плебаньска, когда партизаны, задержав пассажирский поезд, напали на вагоны, предназначенные для немцев.

Советских беглых из лагерей и дезертиров из коллаборационистских подразделений в АК не привлекали, скорее всего, к организационной деятельности, в отличие от того, как это было в ГЛ и АЛ. Они редко занимали какие-то должно-

¹ Archiwum Wojskowego Biura Badań Historycznych (AWBBH), odpis listu kpt. «Kazbeka» do por. «Ponurego», III/36/2. К. 1, 2.

² А. Волков погиб во время операции по нападению на поезд под Вулька Плебаньской.

сти в подполье. Например, в период 1943–1944 гг. оружейным инструктором в харцерской школе младших курсантов, организованной в Познани Великопольским отделением харцерской организации «Серые шеренги», был сбежавший из лагеря советский офицер. В июне 1944 г. он был арестован вместе с курсантами и вместе с ними погиб в лагере в Жабликово¹.

Во второй половине 1944 г. советских граждан из отрядов АК и БХ начали направлять к советским партизанам и из АЛ. С лета 1944 г. это происходило по всей Польше: сначала в Келецком округе, а с осени – на территории Краковского округа АК, где появились сильные группы майора И. Золотара и майора С. Лесниковского. Касательно Люблинского округа соответствующей информацией мы не располагаем информацией. Этот процесс привел к тому, что осенью 1944 г. в отрядах АК и БХ практически уже не было бывших советских военнопленных. Исключением был отряд Яна Соньты (псевдоним «Оська»), из БХ, в котором их значительная группа сохранялась еще в октябре 1944 г. В АЛ бывшие советские военнопленные перешли вместе с ротой БХ капитана Хенрика Возьняка (псевдоним «Хишпан»), а линию фронта пересекли под Хотчей лишь 28 октября 1944 г.

Распоряжение о передаче бывших советских военнопленных в советские партизанские отряды и отряды Армии Людовой, либо об отправке их на восток в письменной форме не сохранилось. Решение, скорее всего, было принято после получения информации об отношении советских войск к АК и о репрессиях польских солдат на освобожденных территориях, и было мотивировано незнанием, как они поведут себя в ситуации угрозы (разоружения) со стороны советских частей. Нельзя исключить, что в некоторых случаях эти действия могли быть продиктованы практическими соображениями, т.е. необходимостью присоединения мобилизованных солдат АК из территориальных отделений.

То, что такого рода приказы отдавались, подтверждается историей отряда бывших военнопленных 25-го Пехотного полка АК. В мае 1944 г. из расположенного в Петркове коллаборационистского соединения, состоявшего из украинцев, сбежало 13 солдат, которые установили контакт с отрядом АК сержанта Станислава Карлиньского (псевдоним «Бужа»). После присоединения к отряду из них было сформировано отдельное подразделение, куда направлялись поступавшие беглецы и которое за их счет пополнялось. В середине июля 1944 г., после приказа о сборах отрядов АК Пётрковского инспектората, прибыли отряды командиров «Вихер», «Бужа», «Гром», «Блыскавица», младшего лейтенанта Хенрика Фунраньчика (псевдоним «Хенрик») и лейтенанта Казимежа Заленского (псевдоним «Боньча»). Из них был сформирован 1-й Батальон 25-го Пехотного полка АК. Тогда все советские граждане были выделены из отрядов и из них (53 солдата) была сформирована 2-я рота 1-го Батальона под командованием

¹ Ślaski J. Op. cit. S. 701.

майора Н. Цибульского. Рота приняла участие в военных действиях против немцев 16 августа 1944 г. в районе Клев–Сульборовице.

Во второй половине августа 1944 г. командир 1-го Батальона майор Рудольф Маевский (псевдоним «Роман») приступил к его реорганизации в полк. Одним из трех батальонов создаваемого полка, согласно донесению майора «Романа» в штаб Петрковского инспектората от 21 августа 1944 г., должен был командовать советский офицер майор Цибульский. Эти планы не были реализованы, т.к. командование инспектората приказало освободить из батальона всех советских граждан¹. Они ушли 29 августа 1944 г., и в начале сентября присоединились к частям АЛ, где вошли в состав создаваемой в то время 10-й и 11-й бригад.

Советские военнопленные вновь появились в 25-м Пехотном полку в конце сентября 1944 г., когда в Мехлине к роте лейтенанта Здислава Сушицкого (псевдоним «Осух») присоединилось 25 сбежавших солдат из немецких вспомогательных отрядов. Двое остались в его взводе, остальные попали в другие подразделения. Около 10 октября в деревне Жардки к лейтенанту З. Сушицкому присоединилось 20 беглых военнопленных под командованием лейтенанта Леоида Сашубы и лейтенанта Филиппа Филатова. Они вошли в состав организованной Сушицким 6-й роты, которая должна была присоединиться к 25-му Пехотному полку АК².

Аналогичный пример – отряд капрала Марьяна Солтысяка (псевдоним «Барабаш»). О том, что в отряде, созданном в апреле 1943 г. на территории округа АК Кельце, находились бывшие военнопленные, вспоминал его командир. В апреле 1944 г. к отряду присоединилась группа сбежавших из казарм на улице Проста в Кельцах, а в мае – из казарм в Букувке, районе того же города. Всего в отряде было 36 советских граждан, которых передали в бригаду «Грюнвальд» под командованием майора Ю. Собесяка (псевдоним «Макс»). После того, как отряд вошел в состав 1-го Батальона 4-го Полка АК, они были переведены в части АЛ. Когда 30 августа из отделения АК в Костомлотах в Келецком повяте привели двух сбежавших – Петра Утина и Михаила Анучина, их уже на следующий день направили в АЛ.

В Келецком отделении АК младшего лейтенанта Антония Хеды (псевдоним «Шары»), сражалась группа беглецов из лагеря в Барачи около города Коньске. Среди них был Мушег Сетракович Степанян из Еревана, который занял в отряде должность врача. Он принимал участие в операции по нападению на тюрьму в Коньске 5 июня 1944 г. и в других операциях, во время которых был дважды ранен. Спустя годы он вспоминал: «Мы убежали далеко вглубь леса. Там мы провели 2 – 3 дня, пока не встретили поляка, который привел нас к лесничему.

¹ Gołębiowski D. Op. cit.. S. 110–112; Wawrzyniak E. 25 Pułk Piechoty Armii Krajowej Ziemi Piotrkowsko-Opatowskiej. Warszawa, 1999. S. 64–65.

² Paczyńska I. Op. cit. S. 131.

Именно там находился отряд Хеды. Нас ждал сердечный прием – накормили и приняли в отряд как своих. Я лично находился в отряде до 20 декабря 1944 года в качестве врача»¹.

В апреле 1944 г. советская группа в отряде Хеды увеличилась примерно до 30 человек, а в июне к ней присоединилось еще 15 человек. В августе 1944 г., после того как отряд Хеды в качестве 2-го батальона вошел в состав 3-го Полка АК под командованием капитана Станислава Порембы (псевдоним «Сьвѣнтек») бывшие советские военнопленные были переданы в части АЛ, находившиеся в лесах в районе Секерно-Ратае². Подобной была судьба и 52-х сбежавших из 799-го грузинского батальона вермахта, присоединившихся после побега к отряду Казимежа Александровича (псевдоним «Хураган»), действовавшего в районе Радомско. В состав этого отряда входили уже советские военнопленные, освобожденные 4 июня 1944 г. во время операции в земельном владении Полично. После того как отряд в августе 1944 г. вошел в состав 1-го Батальона 72-го Пехотного полка, они были переданы частям АЛ³.

Группа, находившаяся в 1-м батальоне командира Ежи Варецкого (псевдоним «Клос»), в том числе врач батальона Алеф, находилась в его составе до конца октября 1944 г., – до момента, когда вместе с большой группой советских граждан она ушла в направлении фронта⁴.

Самая большая группа бывших военнопленных на территории южной Польши – около 50-ти солдат – находилась летом 1944 г. в Районном инспекторате АК Тарнув, в 1-м Батальоне 16-го Пехотного полка «Барбара» под командованием Евгения Боровского (псевдоним «Лелива»). Значительная часть ее стояла из сбежавших солдат из немецких коллаборационистских подразделений, в среди них в т.ч. были украинцы из охранной группы в Мостицах, которые сбежали после того, как убили немецкого командира. Около 20 сентября 1944 г. большая часть группы была передана советскому рейдовому отряду капитана Андрея Белявцева (псевдоним «Довгалов»). В этот отряд попала также группа (около 40 чел.) сбежавших из отряда АК Франчишека Пашки (псевдоним «Кмичиц») ⁵.

23 сентября 1944 г. к батальону «Барбара» присоединилось 96 азербайджанцев. Они перешли к партизанам в районе Тарнова во время переброски на юго-западный фронт – в Италию; они принесли с собой оружие и амуницию, в том числе – 8 ручных пулеметов⁶. Их командир связался ранее с АК во время

¹ Niemiecki obóz jeńców radzieckich na Budowie // www.zspnr2konskie.strefa.pl (8.02.2015).

² *Simbierowicz E.* Z leśnych mgieł. Warszawa, 1964. S. 79–80, 84.

³ *Paczyńska I.* Op. cit.. S. 130.

⁴ *Ibidem.* S. 130.

⁵ *Bieniek J.* Z dziejów ruchu oporu w ziemi sądeckiej // *Rocznik Sądecki.* 1965. T. 6. S. 167, 169.

⁶ *Pietrzykowa A.* Region tarnowski w okresie okupacji hitlerowskiej – polityka okupanta i ruch oporu. Warszawa–Kraków, 1984. S. 485.

постоя в Регулице. Через два дня, 25 сентября 1944 г., они уже в качестве 6-й роты отряда капитана «Леливы» приняли участие в одном из крупнейших боев на территории Южной Польши – под Ямной¹.

В отрядах Новосондского инспектората АК младшего лейтенанта С. Кручка (псевдоним «Мак»), Винцента Гаврона (псевдоним «Ковалевский») и лейтенанта К. Венцовского (псевдоним «Завиша») в отряде лейтенанта Юлиана Зубка (псевдоним «Татар») и лейтенанта Александра Марчиньского (псевдоним «Стшеменя») сражалось в общей сложности более 20-ти бывших советских военнопленных². После того как они вошли в состав 1-го Подгальского стрелкового полка (ПСП) АК, а в Горце прибыла группа майора И. Золотаря, всех советских граждан из 1-го ПСП передали в это соединение. Это произошло после договоренностей, достигнутых во время переговоров майора Золотаря с майором Адамом Стабравы, командиром 1-го ПСП, являвшегося также новосондским инспектором.

Варшавское восстание было самой крупной битвой, в которой сражалась Армия Крайова. Несмотря на то, что об этом событии написаны сотни книг и воспоминаний, тот факт, что первой в количественном плане группой иностранцев, принимавших в нем участие, были граждане СССР, не был замечен. О 28-ми словаках, сражавшихся в 535-ом взводе АК в районе Чернякув, написано много статей, сделан репортаж и издана книга. О группе практически в два раза большей из бывших солдат Красной армии, сбегавших из лагерей для военнопленных, и дезертирах из вспомогательных подразделений, сражавшихся и почти целиком погибших во время Варшавского восстания, трудно что-то узнать. Указываемое число (60) советских граждан, сражавшихся в восстании, а также тот факт, что все они неминуемо должны были погибнуть, сложно проверить³. На Стене Памяти Музея Варшавского восстания выбита лишь одна русская фамилия – старшего лейтенанта Виктора Башмакова (псевдоним «Инженер»⁴), а остальные были забыты.

11 августа 1944 г. Башмаков вместе со стрелком N.N. (псевдоним «Петя») попал в батальон «Жубр» в Заборове-Лесьны. Вначале их определили в интендантский отряд. После перехода в район Варшавы Жолибож Башмаков стал командиром взвода в роте АК лейтенанта Ежи Здродовского (псевдоним «Кварча-

¹ *Borowski E. Bój pod Jamną // Z dziejów Ruchu Oporu w Polsce południowej. T. 2: Dynamit, Kraków 1967. S. 30.*

² *Marczyński A. Oddział «Topór» w okrażeniu // Wrocławski Tygodnik Katolików. 1968. №3. S. 6–7.*

³ См.: <http://old-fox.livejournal.com> (8.02.2015).

⁴ Среди 27-ти человек с именем Виктор Башмаков, о которых имеются сведения в базе данных общества «Мемориал», только один имел звание старшего лейтенанта – Башмаков Виктор Васильевич, г.р. 1916, офицер 69-го Стрелкового полка 97-й Стрелковой дивизии, который погиб в 1943 г. См.: www.obd-memorial.ru.

ны»)¹. Он не хотел вновь попасть в немецкий плен и погиб во время переправы на другой берег Вислы, после объявления о капитуляции района Жолибож, 30 сентября вечером. В тот же день в районе Жолибож погиб Николай Козыхов (псевдоним «Войчех»), вначале сражавшийся в группе «Жубр», а затем в 1-й Роте АЛ².

В Старом городе 2 августа отряд АК под командованием лейтенанта Лешечка Коссовского освободил из тюрьмы на улице Даниловичовска более 20 советских офицеров. Они записались в отряды Армии Людовой и вошли в состав 1-й роты 3-го батальона, где сражались как рядовые солдаты. Практически все они погибли во время восстания в Старом городе. Особо отличились капитан «Танк», лейтенант «Гранат», младший лейтенант «Аэроплан». В Старом городе сражался также Григорий Семенов, уроженец Урала³. За боевые заслуги он был удостоен военного знака отличия «Крест храбрых». Семенов погиб, скорее всего, 20 августа.

В роте командира «Лех Желязны» группы «Хробры II» сражались двое русских, сбежавших в первые дни восстания из отрядов Каминьского, – Евгений Мулкин, псевдоним «Женька», и N.N. (псевдоним «Мишка»), погибший 20 сентября 1944 г. Мулкин, который с 24 августа участвовал в боях в группе «Крыска» в районе Чернякув и там 17 сентября получил ранение, был сержантом 230-й стрелковой дивизии 33-й армии и в плен попал в апреле 1942 г.⁴. В той же группе сражался Семен Михайлович Мдинарадзе. Во взводе глухонемых повстанцев в Институте глухонемых в районе площади Трех Крестов был снайпером Николай Козырев (псевдоним «Богун»)⁵. В роте «Амброзия» батальона «Заремба» бился русский из Днепропетровска Григорий Чугаев (псевдоним «Ванька»). Он сбежал из немецкого плена еще до восстания и вступил в ряды АК. Имел документы на имя Влодзимежа Соколовского. Он хорошо говорил и писал по-польски. В конце августа был ранен. После подавления восстания оказался в лагере для военнопленных вместе с товарищами из батальона. После окончания войны уехал в Австралию⁶.

В отряде ротмистра Ромуальда Радзивиловича (псевдоним «Заремба»), оказалось четверо «грузин» (так в донесении), которые, забрав оружие, дезертировали из немецкой армии. Это были младший лейтенант Фарниев, старший

¹ *Grunwald Z. «Żubry» na Żoliborzu. Wspomnienia żołnierzy Powstania Warszawskiego. Warszawa, 1993. S. 106, 157.*

² См.: www.1944.pl (8.02.2015).

³ Согласно информации на странице: <http://bezwodkinierazbieriosz.salon24.pl> – Семенов Григорий Иванович, родился в 1904 г. в Челябинской области, погиб в 1942 г. (8.02.2015).

⁴ *Powstańcze wspomnienia Henryka Stanisława Łagodzkiego // www.sppw1944.org (15.07.2012).* См. также: www.obd-memorial.ru (8.02.2015).

⁵ *Wspomnienia Janusza Bedyńskiego // www.swiatcisy.pl (8.02.2015).*

⁶ *Wspomnienia Zofii Michalskiej Szaruch, ps. «Zośka», sanitariuszki batalionu «Zaremba» kompanii «Ambrozja» // http://beret-w-akcji2.salon24.pl (15.07.2012).*

сержант Магамагов, сержант Халилов, снайпер Ульясов. Их фамилии указывают на то, что это были, скорее всего, азербайджанцы¹.

1 августа в 17.00 повстанцы захватили на Гжибовской улице фабрику Деринга, где производились взрыватели. Силы повстанцев были укреплены не только с помощью оружия. На их сторону перешло 20 бывших военнопленных из советской армии: украинцы, грузины, армяне, кавказские горцы, татары (один утверждал, что был муллой). Некоторые из них погибли. Среди них был один русский, капитан Бузунов². 3 августа они обратились к командиру района капитану Вацлаву Загурскому (псевдоним «Лех Гжибовский») с просьбой принять их в Армию Крайову, и были приняты во вспомогательные отряды. 17 сентября, во время похорон убитого капеллана Группы «Хробры II», ксёндза капитана Юзефа Ковальчика (псевдоним «Орач») погиб от осколка гранаты принимавший участие в похоронах мулла.

В районе Чернякув вместе со словаками в 535-м взводе АК под командованием лейтенанта «Станека» сражалась дружина, в состав которой входили сбежавшие из коллаборационистского батальона «Бергман» грузины: Артем Аронишидзе, Михаил Рушиашвили, Юрий Алхазашвили, Вано Бабулашвили, Георгий Бабулашвили, Элизабар Дзангдзава, Георгий Кучава, Николоз Мадешвили, Юрий Сушанашвили, Иосиф Тамарадзе; а также армяне: Гаспарян, Галустян и Назаров. Юрий Алхазашвили спас жизнь командира взвода словака Мирослава Иринга, дотащив его до понтона, на котором тот был переправлен на другой берег Вислы. Вместе с ним из Чернякова отплыло пятеро «граждан СССР»³. Старший лейтенант Иосиф Тамарадзе погиб 15 сентября на Черняковской улице, прикрыв огнем из ручного пулемета отступавший под напором немцев взвод.

В боях на Черняковском плацдарме 22 сентября в доме № 5 по Виляновской улице погиб «Доктор Турек», Солтан Софиев из Бухары (Узбекистан), капитан Красной армии, который после освобождения батальоном «Зоська» из концлагеря Варшав, расположенного на улице Геншя, с 10 августа служил врачом в батальоне АК «Парасоль». Вместе с венгерским евреем Петером Фозере (псевдоним «Павел») он при захвате немцами полевого госпиталя погибли, держа в руках белые флаги с красным крестом⁴.

Зульфикар Керимов⁵ (псевдоним «Кавказ») сбежал с помощью солдат АК за день до начала восстания из Уяздовского госпиталя, где немцы открыли отделе-

¹ A WBBH III/42/48. K. 112.

² Zagórski W. Wicher wolności. Dziennik powstańca. Warszawa, 1990. S. 168.

³ Pytania Mirosława Iringha // <http://tygodnik.onet.pl> (8.02.2015).

⁴ Stachiewicz P. «Parasol»: dzieje oddziału do zadań specjalnych Kierownictwa Dywersji Komendy Głównej Armii Krajowej. Warszawa, 1981. S. 472, 598.

⁵ Скорее всего, Зульфикар Керимов, однако, согласно списку повстанцев, доктор Керимов Зелфигар (псевдоним «Кавказ») // www.1944.pl/historia/powstancze-biogramy/spis (8.02.2015).

ние для лечения солдат из восточных вспомогательных подразделений. Он был одним из нескольких азербайджанских врачей-офицеров, которых выкрала АК. Во время восстания он был врачом полка «Башта» роты К-1¹.

Феномен столь многочисленного участия бывших солдат Красной армии в партизанских отрядах АК несмотря на неприязненные польско-советские отношения во время Второй мировой войны, всё ещё требует изучения². Это связано с несколькими причинами. Во-первых, в ПНР, исходя из идеологических соображений, в первую очередь показывалось участие граждан СССР в отрядах левых движений, т.е. Гвардии Людовой, а позднее – Армии Людовой, при этом замалчивался факт их участия в «идеологически неправильной» Армии Крайовой. Во-вторых, что в принципе является следствием первого, – не велось изучение истории Армии Крайовой.

Когда после 1989 г. появилась возможность свободно заняться данной темой, оказалось, что этот вопрос с помощью сохранившихся документов АК в действительности нет возможности изучать, время сделало свое дело, стерев из памяти свидетелей следы об этой группе солдат. По оценкам Юлиана Тобиаша, в польских партизанских отрядах сражалось около 7–8 тыс. советских граждан³. По мнению Ирены Пачиньской, эти данные, скорее всего, занижены⁴. Перепроверить указанные более 30-ти лет тому назад сведения не представляется возможным, поскольку изучение этой темы не было продолжено. В настоящее время невозможно даже приблизительно сказать, сколько бывших красноармейцев сражалось и погибло в рядах АК⁵. Прекращение исследований, а также отсутствие доступа к советской документации не позволяют в подробностях проследить судьбы советских военнопленных – бывших солдат АК. Мы можем лишь говорить об общей закономерности. В результате установления АК связи с советскими партизанскими соединениями происходило, как правило, «исчезновение» советских солдат из польских отрядов. Бывало также, что они переходили в АЛ, как, к примеру, упомянутая 2-я рота 25-го Пехотного полка АК. К этому явлению не стоит относиться негативно – большинство бывших красно-

¹ З. Керимов после войны был осужден на 20 лет лагерей. Выжил. Солдаты полка «Башта» встретились в 1970-е гг. в Сочи. См.: www.dws.org.pl (12.06.2015).

² О бывших советских военнопленных в отрядах Армии Крайовой существуют лишь работы, написанные в 1970-е гг. См.: *Tobiasz J. Na tyłach wroga. Obywatele radzieccy w ruchu oporu na ziemiach polskich 1941–1945*. Warszawa, 1972, *Paczyńska I. Op. cit.*

³ *Tobiasz J. Op. cit.* S. 322.

⁴ *Paczyńska I. Op. cit.* S. 411.

⁵ По оценкам Ирены Пачиньской, через отряды БХ и АК прошло более 700 советских граждан. По мнению исследовательницы, это приблизительная цифра, и, скорее всего, она занижена и получилась в результате суммирования информации о количестве каждого из отрядов. Как верно отмечает Пачиньская, подсчеты осложняет то, что люди переходили из одного отряда в другой, а также в другие организации. См.: *Paczyńska I. Op. cit.* S. 136.

армейцев прекрасно понимало опасность, какую для них представляла служба в рядах Армии Крайовой. Однако нет данных, которые позволили бы установить, применялись ли в отношении них в связи с этим репрессии. Судя по сохранившимся немногочисленным воспоминаниям, именно так оно и было.

Появление в Генерал-губернаторстве в 1941–1942 гг. вооруженных групп советских военнопленных оказало значительное влияние на польское военное подполье. Несомненно, их действия были встречены доброжелательно и с пониманием немалой частью польского общества. В данном случае речь не идет о спонтанном оказании помощи беглым военнопленным. К советским группам присоединялась польская молодежь, о чем сообщало издание «*Biuletyn Informacyjny*» за 2 апреля 1942 г.: «Польское население дезориентировано и в большинстве случаев поступает ошибочно. Например, молодежь, несмотря на неизбежные репрессии со стороны немцев, предпочитает присоединиться к диверсантам, вместо того, чтобы спрятаться и переждать в других повятах, неохваченных диверсионными действиями».

Одобрение населением действий Крестьянских батальонов по защите Замойщины или интерес к действиям коммунистической Гвардии Людовой указывали на то, что если Армия Крайова хотела удержать первенство в борьбе с немецким оккупантом, она должна была менять форму борьбы. Следует подчеркнуть, что командир АК генерал Стефан Ровецкий (псевдоним «Грот») на основании приходившей информации сделал правильные выводы. Обращаясь к правительству Республики Польша в Лондоне с просьбой предпринять шаги по сокращению объема действий СССР на польских землях, он одновременно предпринял усилия, целью которых была активизация деятельности Армии Крайовой, что в результате привело к реорганизации двух диверсионных организаций, Союз мести и «Вахляж», в отделение АК – Руководство диверсионной работой, – занимавшееся проведением боевых и диверсионных действий.

Кувалек Роберт

КОЛЛАБОРАЦИОНИЗМ ИЗ СТРАХА? СОВЕТСКИЕ ВОЕННОПЛЕННЫЕ В ПОДРАЗДЕЛЕНИИ ВАХМАНШАФТ СС УЧЕБНОГО ЛАГЕРЯ СС ТРАВНИКИ

В конце сентября – начале октября 1941 г. рейхсфюрер СС Генрих Гиммлер принял решение об уничтожении евреев, находившихся на территории Генерал-губернаторства. Логистическое решение этой задачи и фактическое ее выполнение было поручено бригаденфюреру СС Одило Глобочнику, возглавлявшему службы СС и полиции в Люблинском дистрикте. Сразу после возвращения со встречи со своим начальником Глобочник приступил к формированию штаба офицеров и унтер-офицеров СС, в задачу которых входило создание лагерей смерти, сначала в деревнях Белжец и Собибор, а затем в Трешлинке; разработка планов депортации евреев в эти лагеря; проведение массового грабежа имущества жертв. В 1942 г., когда операция уже была запущена (с июня 1942 г. она носила кодовое название: операция «Рейнхардт»), весь штаб Глобочника, включая немецкий обслуживающий персонал лагерей смерти, насчитывал 453 сотрудника СС¹. Они несли ответственность за смерть примерно 2 млн евреев.

Однако группа этих офицеров оказалась слишком мала для эффективной реализации операции по уничтожению. Конечно, на этапе ликвидации провинциальных гетто и депортации в лагеря смерти Одило Глобочник располагал гарантированным сотрудничеством со стороны частей СС и полиции, расквартированных в каждом из дистриктов Генерал-губернаторства, однако не всегда их количества хватало. Кроме того, создаваемые им лагеря смерти, а также трудовые лагеря, в которых заключали отобранных евреев, способных трудиться, требовали соответствующей охраны. Местные полицейские и эсесовцы не подходили, т.к. перед ними стояли другие задачи. В связи с этим глава СС и полиции решил создать отдельную службу, которая подчинялась бы напрямую его штабу и которую тот мог бы использовать на любом этапе уничтожения евреев в ГГ.

¹ Arad Y. Belzec, Sobibor, Treblinka. The Operation Reinhard Death Camps. Bloomington–Indianapolis, 1999. P. 18–19.

С целью обучения этого соединения в сентябре 1941 г. в фабричном поселке Травники, расположенном в 26 км к востоку от Люблина, по приказу Глобочника был создан учебный лагерь СС – SS-Ausbildungslager Trawniki. Этот лагерь был размещен на территории довоенной фабрики. Части, которые должны были пройти в нем подготовку, называли Вахманшафт СС – охранные отряды СС, официальной задачей которых была охрана лагерей, предназначенных для еврейской рабочей силы¹. В документах, касающихся этого лагеря, нет даже упоминания о том, что эти соединения должны были использоваться для физического уничтожения евреев². Но реалии 1942–1943 гг. указывают на то, что именно охранники, проходившие обучение в Травниках, должны были принимать участие в каждом задании, связанном с уничтожением евреев: они осуществляли охрану в гетто и принимали участие в ликвидациих, включая осуществление массовых убийств тех людей, которых в результате отбора немцы признали «негодными к транспорту»; конвоировали транспорты к лагерям смерти; осуществляли охрану этих лагерей, а также оказывали активную помощь в понуждении к исправной работе. Наконец, они охраняли концентрационные лагеря и трудовые лагеря. В более поздний период их использовали в операциях против партизан и в пачификации тех населенных пунктов, жителей которых обвиняли в сотрудничестве с движением сопротивления. Кроме того, они охраняли военные объекты. Вначале намечалось использовать охранников на службу только на территории Люблинского дистрикта, где они должны были дополнять недостающие силы СС и полиции. Позднее, в действительности, подразделения Вахманшафт СС использовались на территории всего Генерал-губернаторства.

Согласно приказу Одило Глобочника, в подразделения велся набор из числа военнопленных Красной армии, сотни тысяч которых попали в немецкий плен в начале фашистского нападения на Советский Союз и находились в лагерях для военнопленных вермахта. В Вахманшафт СС велся добровольный набор. Никто из военнопленных, согласившихся на сотрудничество, не был к этому принужден. Набор в учебный лагерь СС Травники санкционировался двумя приказами. Первый приказ был издан Генрихом Гиммлером 25 июля 1941 г. Согласно этому приказу, командирам СС и полиции разрешалось осуществлять призыв во вспомогательные подразделения СС среди местного населения и советских военнопленных на захваченных восточных землях. Затем последовало издание инструкции верховного командования от 8 сентября 1941 г. по официальному освобождению советских военнопленных для службы в немецких соедине-

¹ Официальное название формирования: Wachmannschaften des SS- und Polizeiführers im Distrikt Lublin.

² Black P. Prosty żołnierz akcji «Reinhardt». Oddziały z Trawniki i eksterminacja polskich Żydów // Akcja Reinhardt. Zagłada Żydów w Generalnym Gubernatorstwie. Red. D. Libionka. Warszawa, 2004. S. 105, 107.

ниях¹. Хотя оба приказа касались, прежде всего, оккупированных немцами советских территорий, можно с уверенностью предположить, что они стали правовой основой по созданию учебного лагеря СС Травники и формированию там подразделения, подчинявшегося главе СС и полиции в Люблинском дистрикте. Это был единственный в Генерал-губернаторстве случай, когда Гиммлер дал согласие на создание подразделения, состоящего из советских военнопленных и других «иноплеменных элементов». Это решение, как уже говорилось, можно связать с планами по уничтожению евреев в ГГ.

Первые документы, позволяющие говорить о работе учебного лагеря Травники, относятся к ноябрю 1941 г. Это – персональные карточки охранников из концентрационного лагеря Штуттгоф под Гданьском, в которых содержится информация о том, что эти бывшие советские военнопленные, по национальности – украинцы и русские, прошли обучение в Травниках именно в указанный период, а затем были назначены охранниками в концлагеря². На самом деле набор и подготовка в учебном лагере СС Травники началась раньше. Известно, что 1 ноября 1941 г., когда было начато строительство первого лагеря смерти – в Белжеце, немцы привезли из Травников первую охранную роту, состоявшую из бывших советских военнопленных и насчитывавшую 60 чел. Их использовали главным образом на строительных работах и при рытье первых массовых могил. Представляется, что эсесовцы, командовавшие этими людьми, не информировали их о назначении строившихся ими объектов. После завершения наиболее важных конструкторских работ их вновь вернули в Травники. Это могло произойти в конце января – начале февраля 1942 г.³. То, что эту первую группу привезли 1 ноября 1941 г., говорит о том, что она должна была пройти обучение ранее, самое позднее в октябре 1941 г.

Прежде чем перейти к анализу позиций людей, решившихся перейти на службу к немцам, стоит обратить внимание на то, каким образом велся их набор. Осенью 1941 г. специальные комиссии СС начали посещать лагеря для военнопленных в Люблинском дистрикте, на Волыни (в основном, лагерь для советских военнопленных в Ровно), а также в Белостоке, Гродно и Житомире. Во время тюремных переключек к военнопленным обращались с предложением начать службу в немецких вспомогательных частях. На этом этапе эсесовцы не объясняли, что это за части и какие функции они будут осуществлять в будущем. Иногда лишь намекали, что те, кто решится на сотрудничество, вступят

¹ Wardzyńska M. Formacja Wachmannschaften des SS- und Polizeiführers im Distrikt Lublin. Warszawa, 1992. S. 12, 17.

² Ibidem. S. 17.

³ Staatsarchiv München. Stan W 33033/32. Следствие против Йозефа Оберхауза. Перевод советских следственных документов против бывших охранников из лагеря смерти Белжец. Показания Александра Бычкова. 21 VI 1965. К. 40–41.

в «русские вспомогательные части» либо будут высланы на восточный фронт сражаться против большевиков¹. Набор добровольцев немецкими службами велся, прежде всего, среди представителей тех групп, которых немцы считали лояльными, в данном случае – главным образом среди украинцев или жителей Украины. Основная группа происходила из Центральной и Восточной Украины. Однако принимали также и других, например, русских и татар². Важную роль в учебном лагере и позднее в охранных частях играли и этнические немцы, происходившие с территории Советского Союза или Прибалтийских республик. Их немцы считали наиболее лояльными, им доверялись функции младших командиров и одновременно переводчиков. Большинство из них, скорее всего, также были набраны в лагерях, предназначавшихся для советских военнопленных. К сожалению, отсутствие соответствующих материалов, касающихся этих немцев, или как их называли, фольксдойче, не дает возможности проследить их путь в учебный лагерь СС Травники³.

Представляет интерес мотивация советских военнопленных, которые шли на немецкую службу. В послевоенных показаниях, которые давались в основном следственным органам в Советском Союзе, практически никто из них не сказал, что перешел на немецкую сторону по идеологическим причинам. Все утверждали, что их решение было продиктовано голодом и бытовыми условиями в лагере. Один из таких охранников признался: «Я могу отметить, что пошел на немецкую службу из-за трусости. Я боялся умереть с голоду. Вся моя служба

¹ Ibidem. Показания Григория Линкина. 27 VII 1966. К. 210–211; *Black P.* Op. cit. S. 107.

² В первой группе советских военнопленных, которые в конце октября – начале ноября 1941 г. попали из лагеря для военнопленных Шталаг 319 Хелм в Травники, было больше всего украинцев. Группа целиком насчитывала 300 чел. и была поделена на четыре роты. Три роты были исключительно украинские, а четвертая – сформирована из русских. О представителях других народов, которые через лагерь для военнопленных вермахта попали в Травники, вспоминают также поляки, которые с ними имели дело, например, в Белжеце. Примером тому может быть также Абдурахман Зайтов, который был родом из Мордовской АССР. После обучения в Травниках он служил охранником в концентрационном лагере Майданек и в трудовом лагере Треблинка I. См.: *Archiwum Państwowego Muzeum na Majdanku (АРММ), Kserokopie, XIX-1259, Центральный архив ФСБ России (ЦА ФСБ РФ). Документы судебных процессов в СССР в связи с военными преступлениями периода 1939–1992. IV-20988. Т. 1. Процесс над Г. А. Марусенко, 1951–1952. Признания Абдурахмана Зайтова, 10.VII.1948. Л. 52; Peter J. W Bełżcu w czasie okupacji // Peter J. Tomaszowskie za okupacji // Tomaszów Lubelski. 1991. S. 195; Rybak A. Stalag 319 w Chełmie. Zarys dziejów. Chełm, 2004. S. 101.*

³ Осужденные после войны, главным образом в Советском Союзе, охранники из Травников, давая показания о своих командирах, вспоминали, что некоторые из них были родом из Центральной или Восточной Украины, но они не сообщали, попали ли эти люди в Травники вместе с ними через лагерь для военнопленных. Например, в лагере смерти Белжец находилось несколько немцев из СССР: Кристиан Шмидт, Фридрих Шнайдет (поволжский немец), Рейнхард Сиверд (или Себерт), Самуэль Кунц, Карл Траутвейн, Раймонд (или Александр) Кайзер. См.: *Kuwatek R. Obóz zagłady w Bełżcu. Lublin, 2010. S. 79.*

в лагерях Травники, Белжец, Аушвиц и Бухенвальд была связана со страхом потерять жизнь»¹. Действительно ли страх перед лицом голодной смерти заставил этих молодых людей пойти на немецкую службу? Во многих случаях представляется, что да, но можно предположить, что была значительная группа советских военнопленных, которая дала положительный ответ на призыв комиссии СС, поскольку ненавидела коммунистический режим или персонально Сталина. Следует помнить, что очень многие из этих людей были с Украины, имевшей особый опыт советских репрессий и голода 1930-х гг. Скорее всего, они боялись заявлять следователям о своем отрицательном отношении к Советскому Союзу. Однако при анализе этих показаний между строк чувствуется негативное отношение к коммунистическому строю.

В других сообщениях появляется информация об обещаниях со стороны немцев, что военнопленные будут сражаться на восточном фронте против большевиков². Независимо от мотивации военнопленных, которые пришли в комиссию СС, следует сказать об одном бесспорном факте. Группа, которая решила дать позитивный ответ на призыв СС, относилась к абсолютному меньшинству советских военнопленных, находившихся в лагерях. Если исходить из того, что в самом лагере для военнопленных в Хелме в сентябре 1941 года было заключено около 40 тыс. военнопленных – солдат Красной армии, то на призыв членов комиссии СС ответило при однократном наборе едва ли 300–400 чел.³.

Акции по набору проводились в Хелмском лагере, скорее всего, не более двух-трех раз за весь период функционирования учебного лагеря СС Травники. Принимая во внимание условия пребывания в лагере, следует подчеркнуть, что в данном случае советские военнопленные в большинстве своем вели себя достойно и что переход на сторону врага не был массовым. Скорее всего, все эти проводившиеся немцами в разных лагерях для военнопленных вербовочные акции имели схожий результат. Следует также сказать, что в самом учебном ла-

¹ Staatsarchiv München. Stan W 33033/32. Следствие против Йозефа Оберхауза, Перевод советских следственных документов против бывших охранников из лагеря смерти Белжец. Показания Тараса Олейника. 23 VII 1966. К. 220.

² Пример такой позиции можно найти в признаниях Григория Гаруса, он же Григорий Марусенко, которые он дал в 1951 г. Арестованный в Советском Союзе, он признался перед прокурором, что происходил из семьи, признанной коммунистической властью кулацкой. Во время коллективизации его родители были арестованы. Мать умерла в ссылке на Урале в 1932 г. Отец умер также в ссылке в 1940 г. Гарус, скорее всего, был одним из первых завербованных в учебный лагерь СС в Травниках. Его завербовали, когда он находился в лагере для военнопленных в Хелме, уже в сентябре 1941 г. См.: АРММ. Kserokopie, XIX-1259. ЦА ФСБ России. Документы судебных процессов в СССР в связи с военными преступлениями периода 1939–1992. IV-20988. Т. 1. Процесс над Г. А. Марусенко, 1951–1952. Признания Григория Гаруса / Григория Марусенко, 13.XI.1951. Л. 9–10; Rybak A. Op. cit. S. 100.

³ Ibidem. S. 100.

гере Травники количество одновременно проходивших обучение охранников не превышало 1000 чел. Дававшие признательные показания после войны охранники, проходившие там подготовку, рассказывали, что летом 1942 г., когда, скорее всего, в Травники прибывало больше всего бывших военнопленных, эта группа насчитывала 700–800 чел.¹ Ротация прошедших подготовку и обученных охранников в Травниках была значительной, поскольку подготовительный курс был недолгим, а большинство прошедших подготовку членов подразделения Вахманшафт СС направлялось сразу на службу в разные части Генерал-губернаторства. Однако даже если исходить из того, что вербовка проводилась достаточно часто, по крайней мере, в 1941–1942 годах², то и так выходит, что перешедших на немецкую сторону было значительно меньше, чем заключенных в лагерях для военнопленных. Учебный лагерь Травники действовал до июля 1944 г. Несомненно, наибольший наплыв «курсантов», проходивших там обучение, приходится на 1941–1943 гг. Надо сказать, что не все, кто проходил там обучение, были советскими военнопленными. С конца 1942 г. в Травники принимали также украинцев, проживавших на территории Люблинского и Галицийского дистриктов Генерал-губернаторства, которые в этот период проявляли к немцам бóльшую лояльность, чем бывшие советские военнопленные. Среди добровольцев были также поляки. Существуют достаточно разные оценки количества обучавшихся в Травниках: от 4750 охранников до 8–18 тыс.; последняя цифра представляется слишком завышенной³.

Как уже отмечалось, не все они были советскими военнопленными. Питер Блэк указывает, что широко осуществляемая в лагерях для советских военнопленных вербовка проводилась дважды или трижды за весь период. Сначала – осенью 1941 г., затем весной 1942 г. и, наконец, – во время летней кампании на восточном фронте в 1942 г. В марте 1942 г. в учебном лагере Травники должно было находиться 1250 бывших советских военнопленных. Такое же количество планировалось перевести в этот лагерь в первой половине сентября 1942 г.⁴ Сложно с уверенностью сказать, что действительно будущие охранники из Трав-

¹ АРММ. Kserokopie, XIX-1259. ЦА ФСБ России. Документы судебных процессов в СССР в связи с военными преступлениями периода 1939–1992. IV-20988. Т. 1. Процесс над Г. А. Марусенко, 1951–1952. Признания Александра Москаленко, 24.XI.1947. Л. 37.

² Представляется, что такие вербовочные акции в лагерях для военнопленных уже не проводились в 1943 г. В показаниях бывших охранников об этом нет информации.

³ Питер Блэк, американский специалист в данной области, указывает как минимум 4750 чел., которым были выданы идентификационные номера охранников подразделения Вахманшафт СС. По оценкам Марии Вардзыньской, в Травниках было обучено от 8 до 18 тыс. человек. Скорее всего, действительности отвечает указанная ею меньшая цифра. К сожалению, не известно, на основании каких источников исследовательница провела свои подсчеты. Wardzyńska M. Op. cit. S. 19; Black P. Op. cit. S. 109.

⁴ Black P. Op. cit. S. 107–108.

ников, которых набирали в лагерях для военнопленных, прибыли туда в составе двух групп. Послевоенные показания членов этого подразделения указывают на то, что группы могли быть и меньше и что в лагерь они могли прибывать в разное время. В сентябре 1943 г. Одило Глобочник, выезжая из Люблина, сообщал, что на действительной службе находится 3700 чел., прошедших обучение в Травниках¹. Из-за отсутствия соответствующих материалов невозможно установить, сколько среди них было бывших советских военнопленных. Разница между количеством как минимум 4750 чел., которым были выданы идентификационные номера в Травниках, и 3700 находившихся на службе может быть связана с многочисленными случаями дезертирства в этот период, а также смертностью, вызванной эпидемиологическими болезнями, которыми заражались охранники, несшие службу в лагерях смерти или трудовых лагерях.

Советских военнопленных, которые решились на службу в подразделении Вахманшафт СС, немцы называли *Trawniki-männer* – люди из Травников, *Hiwis* – хиви – помощники или аскеры. Последнее определение использовалось еще в Первую мировую войну и относилось к темнокожим солдатам вспомогательных частей, служивших в немецких колониях в Африке. В свою очередь поляки и евреи, которые столкнулись с охранниками из Травников, из-за цвета их формы называли их «черными» или также называли вахманами или украинцами. Особенно частым было последнее определение, которое в послевоенные годы дало повод для утверждения, что эти части формировались исключительно из украинцев. Как уже говорилось, это утверждение не соответствует действительности. Иногда также в послевоенных воспоминаниях евреев и поляков можно найти информацию, что охранников из Травников называли власовцами, хотя с частями генерала Андрея Власова они не имели ничего общего².

На протяжении всего периода функционирования учебного лагеря Травники его комендантом был гауптштурмфюрер СС Карл Штрайбель, назначенный на эту должность 27 октября 1941 г. Глобочником. Это он назначал подчинявшихся ему офицеров и унтер-офицеров для вербовочных комиссий, которые работали в лагерях для военнопленных. Подчинявшиеся Штрайбелю эсесовцы отвечали также за подготовку будущих охранников. Летом 1942 г., на которое приходится кульминационная фаза операции «Рейнхардт», в лагере Травники служило около 1000 мужчин в двух батальонах, каждый из которых состоял из четырех рот, которые делились на взводы. Кроме того, 1500 уже прошедших обучение вахманов находилось на территории всего ГГ, например, в Варшаве, Люблине, или Львове. Командирами этих частей разного уровня были немцы – члены СС

¹ Ibidem. S. 109.

² Лишь осенью 1943 г., когда в лагере в Травниках приняли последнюю группу, среди них оказались русские – добровольцы армии Власова. Группа целиком насчитывала около 300 чел., а власовцы были в ней в меньшинстве. См.: Ibidem. S. 109–110.

либо служащие полиции. В самом лагере Травники командирами двух батальонов были унтерштурмфюрер СС Иоганн Шварценбахер и унтерштурмфюрер СС Вили Франц¹.

Продолжительность подготовки в Травниках была от двух с половиной до четырех месяцев. Длительные курсы проходили, скорее всего, кандидаты на должность низших командиров подразделений, например, командиров рот или взводов, как правило, набравшихся из людей немецкого происхождения. Эти люди, знавшие язык, а также лояльные офицерам СС, имели самые большие шансы для карьерного роста в Вахманшафт СС. Курс для охранника предусматривал обучение пользованию оружием, дисциплине, немецким командам, несению охранной службы, а также проведению облав на заселенной территории и в лесах. Вахманы разучивали немецкие военные песни. «Раз в неделю нам читали лекции политического содержания, в основном восхваляющие фашистский режим, критикующие советский режим, обучали нас также немецким песням»². Скорее всего, во время политических занятий велась антисемитская пропаганда, но об этом дававшие после войны показания охранники из Травников не рассказывали. После завершения курса рядовой член подразделения получал звание вахмана. Более длительный курс обучения, который проходили кандидаты на должности низших командиров, гарантировал им звания цугвахманов, группенвахманов и обер-цугвахманов. Система званий в Травниках была разработана на основании званий немецкой полиции порядка³.

Сразу после прибытия в Травники каждый из кандидатов на должность охранника должен был присягнуть на верность Третьему рейху. На него заводился персональный листок и присваивался идентификационный номер. Одновременно с этим кандидат подписывал заявление о том, что у него нет в роду евреев, а также, что он не являлся комсомольцем организации и членом большевистской партии.

Представляется, что из первой группы вахманов, прошедших подготовку, была также сформирована хозяйственная рота. Это были люди, которые не имели полного военно-полицейского обучения, у них не было оружия. Этих охранников направили на работы, связанные с содержанием автомобильного парка или строительством разных объектов, принадлежавших СС. Такая группа работала, например, в гаражах СС в Люблине в качестве автомобильных механиков⁴.

¹ Ibidem.

² АРММ. Kserokopie, XIX-1259. ЦА ФСБ России. Документы судебных процессов в СССР в связи с военными преступлениями периода 1939–1992. IV-20988. Т. 1. Процесс над Г. А. Марусенко, 1951–1952. Признания Александра Москаленко, 24.XI.1947. Л. 37.

³ Ibidem. Признания Григория Писаренко, 12.VII.1947. Л. 62; Black P. Op. cit. S. 110.

⁴ Rybak A. Op. cit. S. 102–103. Автор приводит случай Якова Савенко, который был направлен в строительную бригаду, занимавшуюся расширением учебного лагеря Травники. Позже Савенко работал в гаражах СС в Люблине, сначала механиком, а затем водителем.

Несмотря на то, что вахманов из Травников называли «черными» из-за цвета формы, в действительности у них не было одинаковой формы. Только часть из них носила польскую форму, которая была перекрашена в черный цвет. Часть ходила в мундирах бельгийской армии, очень часто виды формы были перемешаны и объединяли элементы одной и другой формы. Охранники в основном получали захваченное советское оружие. Лишь для некоторых заданий им выдавали немецкое оружие, в том числе автоматы¹.

Вахманы по решению Главного оперативного управления СС получали денежное довольствие. Оно равнялось 0,5 марки (рентная марка) в день и выплачивалось в польских злотых. Это были небольшие деньги, но следует иметь в виду тот факт, что каждый из них получал питание, форму, медицинскую помощь и проживание. Денежное довольствие можно было потратить на мелкие покупки: папиросы, алкоголь, развлечения или дополнительную еду². Как оказалось позднее, очень многие вахманы использовали службу в лагерях смерти или трудовых лагерях, а также в гетто как источник дополнительного нелегального дохода, о чем еще пойдет речь.

В марте 1942 г. роты Вахманшафт СС были использованы в мероприятиях, связанных с уничтожением евреев. Первой задачей для вахманов еще в начале операции «Рейнхардт» было участие в ликвидации Люблинского гетто. Одновременно с этим другая рота была выслана в лагерь смерти Белжец для осуществления охраны. В Белжец приходили транспорты именно из Люблинского гетто.

В ночь с 16 на 17 марта 1942 г. началась операция по депортации из Люблинского гетто. В ней принимали участие две роты из Травников. Одна окружила гетто, солдаты другой роты выгоняли евреев из домов на улицу. С самого начала вся операция носила крайне жестокий характер. Тех, кто оказывал сопротивление, не только били, но и убивали в домах и на улицах гетто. Хотя ранее немцы издали приказ об освобождении от депортации тех людей, у которых в документах было подтверждение, что они работают в немецких учреждениях и предприятиях, однако в связи с царившим хаосом такого отбора не проводилось. Свидетели, пережившие ликвидацию Люблинского гетто, либо те, кто наблюдал за происходившим, утверждали, что «люди из Травников» были пьяными, а из-за этого еще более жестокими. В их задачи входило также проведение обыска жилищ. В случае обнаружения спрятавшихся евреев, или тех из них, кто не был в состоянии сам выйти на улицу, их расстреливали на месте. То, что происходило в первые дни депортации из Люблина, свидетели описывали как «хаос» или «ад на земле». Следует отметить, что в операции принимало участие 20–30 немцев, эсэсовцев из Люблинской полиции безопасности под командова-

¹ Black P. *Zwykły żołnierz...*, op. cit.. S. 110.

² Ibidem. S. 111.

нием Германа Вортхоффа, а также около 200 вахманов, привезенных из Травников¹. К сожалению, не известно, какой приказ получили «люди из Травников» до начала операции. С уверенностью можно сказать, что люблинские офицеры СС должны были им приказать вести себя жестоко и расстреливать всех, кто будет пытаться оказывать сопротивление, бежать, скрываться либо не сможет маршировать. Алкоголь лишь способствовал проявлению дополнительной жестокости. Свидетелями тренировки бывших советских военнопленных, которых немцы привезли в Люблин до начала депортации, были, в том числе евреи – военнопленные из польской армии, заключенные в трудовом лагере на улице Липова².

Большинство уцелевших из люблинского гетто вспоминает жестокость местных эсэсовцев, при этом в рассказах и показаниях, касающихся ликвидации большого гетто в районе Подзамче и Старого города, в том, числе дается характеристика поведения вахманов, которых в воспоминаниях называют украинцами. Один из таких свидетелей уже после войны описывал выселение с улицы Руска: «В 9 утра немцы вместе с украинцами заблокировали близлежащие улочки, на которых жили евреи и начали их выгонять на также заранее заблокированную улицу Руска. Среди изгнанных из домов был и я. Нас держали под открытым небом с утра до вечера. Гитлеровцы вместе с украинцами безумствовали, избивали, били ногами, и даже убивали людей. Маленькие дети плакали от холода и голода, а их плач сливался со стонами умиравших и раненых»³.

Опыт, полученный во время операции в Люблине, вахманы затем использовали во время последующих депортаций, которые сначала проводились в Люблинском дистрикте, а затем на территории всего Генерал-губернаторства. Везде их описывали как жестоких людей, не чуждавшихся алкоголя и самовольно грабивших жертв. Так, например, описывала первую операцию против евреев жительница Избицы Любельской: «В памяти осталась первая из них. Это было, чуть ли не в 1942 г., ночью, зимой, когда неожиданно, несмотря на распоряжение не включать освещение, зажгли огни на улицах Избицы и очень много неизвестно откуда прибывших украинцев, служивших у немцев, начали вышибать двери в домах и с криком, битьем выгонять евреев на улицу. Со страха ни-

¹ Алкоголь для охранников из Травников доставлялся по мере надобности из единственного в гетто ресторана, принадлежавшего известному еврею коллаборационисту Шаме Граеру. Все свидетели, дававшие показания по делу против Германа Вортхоффа, утверждали, что одинаково жестокими были как эсэсовцы, так и охранники из Травников. См.: Instytut Pamięci Narodowej – Główna Komisja Ścigania Zbrodni Przeciwko Narodowi Polskiemu w Warszawie. Wyroki i akty oskarżenia, 17. Wyrok w sprawie przeciwko Hermanowi Worthoffowi i innym. Wiesbaden Nr 8 Ks 1/70. T. I. K. 54–58 (APMM, Kserokopie, XIX-1277. T. I).

² Вахманы должны были прибыть на учебу в Люблин уже в феврале 1942 г. См.: Archiwum Żydowskiego Instytutu Historycznego (AŻIH). Relacje i zeznania ocalałych, 301/2808. Relacja Romana Fiszer. K. 6.

³ Dobrowolski W. Pięć lat na muszce. Wspomnienia więźnia Majdanka. Lublin, 1994. S. 27.

кто из нашего дома не выходил, и я тоже не выходила, и лишь утром узнала из разговоров местных, что евреев собрали на лугу рядом с железнодорожной платформой. Выселение продолжалось еще весь следующий день, и я помню, как украинцы продолжали повсюду искать евреев. Я слышала тогда же, как началась стрельба, а потом оказалось, что украинцы стреляли в евреев, согнанных на луг, а потом я видела, как возили трупы убитых на еврейское кладбище. Мне сложно сказать, сколько было убито тогда евреев, но я помню, что на кладбище ехало три телеги, наполненные телами убитых, которые были брошены на эти телеги абы как»¹.

Летом 1942 г. охранники из Травников при поддержке коллег, которые несли службу в только что открытом лагере смерти Треблинка, принимали участие в выселении из Варшавского гетто, самом крупном этого типа мероприятии в рамках операции «Рейнхардт». И в этот раз их запомнили как коррумпированных и жестоких плачей. Один из выживших из Варшавского гетто утверждал, что члены этих частей «стреляли по людям, как по птицам»².

Многие вахманы получали дополнительное удовольствие от проявления жестокости в отношении беззащитных евреев. Очень часто эта исключительная жестокость в отношении жертв, судя по описанию свидетелей, была следствием их собственного порыва, и не была продиктована лишь приказами немцев. Иногда они жестоко расправлялись с евреями даже вопреки приказам, примером чему могут быть сексуальные домогательства к еврейским женщинам во время операции в Варшавском гетто (скорее всего и в других местах). Изнасилования или попытки изнасилования были частым явлением на варшавском умшлагплаце в районе Ставки, куда сгоняли евреев и откуда отправлялись транспорты в лагерь смерти Треблинка: «Мы – лежащая бессильная масса, оставленная в распоряжение украинцев, издевающихся над нами. Каждые пять минут подходит очередной бандит с требованием выкупа в размере 5–10 тысяч злотых. Говорит: “через 10 минут вернусь, и если к этому времени деньги не будут собраны, застрелю 10 евреев”. Так один за другим они вытягивали последние гроши из

¹ Первая операция по депортации в Избице прошла 24 марта 1942 г. Более 2000 евреев было тогда вывезено в лагерь смерти Белжец. См.: Archiwum Instytutu Pamięci Narodowej w Lublinie (AIPN Lublin) – Okręgowa Komisja Badania Zbrodni Przeciwko Narodowi Polskiemu (OKL), Ds. 3/67. Akta śledztwa w sprawie zbrodni dokonanych przez funkcjonariuszy gestapo z Zamościa: Gotharda Schuberta i innych, Zeznanie Ireny Pańko, 17 V 1967. K. 24.

² О коррумпированности охранников из Травников можно найти много упоминаний в воспоминаниях о Варшавском гетто. В особенности те, кто был приписан к варшавскому умшлагплацу, наиболее рьяно брали взятки от загнанных туда евреев. Иногда благодаря этому удавалось освободиться из этого места. Однако чаще всего вахманы шли на массовые грабежи, избивая свои жертвы, которых затем загоняли в поезда для депортации. См.: AŻIH. Relacje i zeznania ocalałych, 301/479. Relacja Filipa Wajdenfelda. K. 5; Erlichman-Bank S. Listy z piekła. Białystok, 1992. S. 50.

несчастных жертв. Ко мне тоже подошел один из бандитов: “ты должен собрать среди своих 10 тысяч, – смотрит на часы, – через 5 минут вернусь”. Он сдержал слово и появился в указанное время. Люди уже были обобраны, я смог собрать гораздо меньшую сумму. Тогда он стал требовать красивую женщину. Мои угрозы и объяснения, что я одинок, у меня здесь нет знакомых, не помогли. Этот бандит выхватил с силой из толпы какую-то девушку и потащил ее в угол, чтобы изнасиловать. Началась ужасная борьба 18-летней девушки с бандитом. Обещая ее спасти, он сорвал с нее платье. Чем дольше продолжалась борьба, тем громче кричала от отчаяния девушка. Тут вдруг убийца услышал шаги подходивших эсэсовцев. Испугался, что его обвинят в “осквернении расы”. В тот момент девушка вырвалась из рук бандита. Он пытался ее потом найти, но безуспешно. Девушка переоделась, и ее невозможно было распознать»¹.

С 19 апреля 1943 г. один батальон охранников из Травников принимал участие в ликвидации Варшавского гетто. В батальоне было два немецких офицера и 335 солдат². Известно, что некоторые вахманы погибли или были ранены во время боев в восставшем гетто³.

Как уже говорилось, СС использовало части из Травников также при массовых казнях в тех местах, откуда невозможно было организовать вывоз евреев из-за слишком далеко расположенной железнодорожной станции. Такая казнь описана, например, Кристофером Р. Браунингом в работе, посвященной немецким полицейским из 101-го полицейского резервного батальона. Казнь прошла 17 августа 1942 г. в Ломазах на Люблинщине. Наряду с немецкими полицейскими в проводимой облаве в этом городке, а затем в уничтожении 1700 еврейских жителей принял участие отряд охранников в составе пятидесяти человек из Травников. Еще до начала облавы, сразу после прибытия солдаты этого батальона напились и в этом состоянии начали действовать. Вместе с ними пили также немцы. Они продолжали пить алкоголь и во время операции, что приводило к проявлению особой жестокости. Автор работы о полицейских из Гамбурга, анализируя послевоенные показания, пришел к выводу, что благодаря присутствию вахманов из Травников, которые взяли на себя основную работу по расстрелу,

¹ Z pamiętnika Samuela Zylbersztejna // Pamiętniki z getta warszawskiego. Fragmenty i rejestry. Oprac. M. Grynberg. Warszawa, 1993. S. 165.

² Scheffler W., Grabitz H. Der Ghetto-Aufstand Warschau 1943: aus der Sicht der Täter und Opfer in Aussagen vor deutschen Gerichten. München, 1993. S. 144.

³ Из немецких источников известно, что во время восстания в Варшавском гетто погибло два вахмана из Травников, а 11 было ранено, при этом шестерых повстанцы ранили в первый день восстания, 19 апреля 1943 г. В отчете об окончательной ликвидации Варшавского гетто, написанном Юргеном Штропом, начальником СС и полиции в Варшавском дистрикте, дается перечень всех убитых и раненных немцев, вахманов из Травников и польских полицейских. См.: Raport Stroopa o likwidacji getta warszawskiego w 1943 r. oprac. J. Gumkowski. K. Leszczyński // Biuletyn Głównej Komisji Badania Zbrodni Hitlerowskich w Polsce. 1960. T. 11. S. 124–130.

немецкие преступники решили, что не несут ответственность за участие в этом массовом преступлении¹.

Как уже говорилось, отдельные роты из бывших советских военнопленных, прошедших подготовку в Травниках, отправляли нести охранную службу в лагерь смерти Белжец, Собибор и Треблинка. На основании анализа их послевоенных показаний можно утверждать, что немцы не сообщали им ничего ни о месте, в котором они будут нести службу, ни о том, в чем она будет заключаться. Системой, частью которой они становились, выполняя свои обязанности в лагерях, с самого начала и до конца было заложено жестокое отношение к евреям, депортируемым с целью уничтожения, и каждый, кто нес свою службу на любом из этапов массового уничтожения, должен был действовать согласно этой установке. Это не означает, что вахманы из Травников, которых отправляли служить в эти лагеря, не знали об их существовании. О том, что немцы депортируют евреев в Белжец или Собибор, в Травниках знали все, как жители поселка, так и проходившие там обучение бывшие советские военнопленные. Каждый поезд с депортируемыми евреями, идущий со стороны Люблина к одному из этих двух лагерей смерти, проходил через Травники. При учебном лагере с конца весны 1942 г. действовал трудовой лагерь, в который немцы направляли евреев, отобранных во время операций на близлежащей территории. Сюда также попадали рабочие евреи, которых отбирали на станции Травники, где останавливались отдельные транспорты с депортированными². Один из немецких инструкторов из учебного лагеря заявил после войны: «Любой ребенок в Польше мог сказать, что там были лагеря смерти»³. Несомненно, все проходившие обучение вахманы знали об этих заведениях. Однако до тех пор, пока их не отправили туда служить, они могли не знать подробности проводимых там массовых уничтожений людей.

С самого начала работы этих лагерей, и даже на этапе их строительства туда отправлялись отдельные роты из Травников. За время работы этих центров немедленного уничтожения через них в качестве охранников прошло несколько сотен бывших советских военнопленных. В принципе там не было рот с солдатами, служившими постоянно. На протяжении реализации основного этапа операции «Рейнхардт», которая включала депортации в лагеря смерти Белжец, Собибор и Треблинка, отряды охранников пополнялись новыми служащими.

¹ *Browning Ch. R. Zwyczajni ludzie. 101. Policyjny Batalion Rezerwy i „ostateczne rozwiązanie” w Polsce. Warszawa, 2000. S. 95–100.*

² *Kuwałek R. Getta tranzytowe w dystrykcie lubelskim // Akcja Reinhardt... S. 147–148; Mędykowski W. Obóz pracy dla Żydów w Trawnikach // Erntefest 3–4 listopada 1943 – zapomniany epizod Zagłady. Red. W. Lenarczyk, D. Libionka. Lublin, 2009. S. 186–187.*

³ Показания Эриха Лакмана. Цит. по: *Schelvis J. Sobibor. A History of a Nazi Death Camp. Oxford–New York, 2007. P. 34.*

Некоторых меняли на новых, старых возвращали в Травники, а оттуда направляли на другие задания или в другие лагеря.

Пока нет отдельной работы, которая содержала бы подсчеты, какое количество бывших советских военнопленных прошло через лагеря смерти во время службы в Вахманшафт СС. Примерные оценки имеются только по лагерю смерти Белжец. Можно допустить, что за весь период существования этого лагеря, с ноября 1941 г. до июня 1943 г., в нем могло проходить службу до 400 охранников, подготовленных в Травниках, из которых максимум 300 могли быть в прошлом советскими военнопленными¹. Можно предположить, что в Собиборе и Треблинке число служивших вахманов было близким, тем не менее, указанная проблема требует отдельного подробного изучения.

Основной обязанностью вахманов из Травников присланных в лагеря смерти было несение охранной службы на территории всего лагеря. Рота, приписанная к лагерю, делилась, как правило, на взводы, которые получали назначение на несение этой службы в течение 24 часов. Охранники должны были нести караул как вокруг лагеря, так и внутри, в каждой из его частей. В каждом лагере работала группа узников евреев, отобранных из разных транспортов. Эти люди выполняли все задания, связанные с функционированием лагерей смерти: обслуживание эсесовцев и вахманов, сортировка имущества убитых, рытье массовых могил, захоронение в них тел евреев, убитых в газовых камерах. Охранники из Травников должны были стеречь узников на каждом этапе выполняемой ими работы. После войны некоторые в своих показаниях во время следствия или на процессе говорили, что должны были следить, чтобы евреи не убегали, а если бы они предприняли такую попытку, то в задачи вахманов входило немедленное применение оружия².

Когда в лагерь прибывали транспорты с депортированными евреями, тех охранников, которые в это время не были задействованы в охране, немцы использовали для выполнения всех мероприятий, связанных с процессом уничтожения. Мобилизовались все караульные, служившие на железнодорожных станциях в Белжеце, Собиборе и Треблинке, где останавливались поезда и где делился транспорт до того, как узников приводили в лагерь. Вахманы присут-

¹ С начала 1943 г. в группе советских военнопленных, служивших в качестве охранников в лагере смерти Белжец, все чаще отмечались случаи нарушения субординации и дезертирства, в связи с этим их начальство из СС дважды проводило смену охранных рот. Последняя группа охранников, привезенных в Белжец из учебного лагеря Травники, была набрана в основном из украинцев, которых завербовали на территории Галицийского дистрикта Генерал-губернаторства. Этим последних немцы считали значительно более лояльными по сравнению с бывшими советскими военнопленными. См.: *Kuwałek R. Obóz zagłady... S. 78–79.*

² Staatsarchiv München. Stan W 33033/32. Следствие против Йозефа Оберхауза. Перевод советских следственных документов против бывших охранников из лагеря смерти Белжец. Показания Владимира Гадсицкого. 5 II 1966. К. 77.

ствовали на лагерной платформе, куда выгоняли евреев, стояли на страже в раздевалках, а также в переходах к газовым камерам и между камерами и массовыми могилами, куда складывали тела убитых.

«Я хочу отметить, что все охранники, которые несли службу в лагере смерти Белжец, выполняли одинаковую работу. После того когда одна часть охранников была занята обычной охраной лагеря, она на следующий день отдыхала и ее сменяли следующие охранники. Другие, которые за день до этого занимались охраной, использовались для уничтожения людей. Те, которые занимались уничтожением людей, на следующий день охраняли лагерь. Так было в течение всего времени службы»¹.

Кроме обязанностей по охране лагеря и оказания помощи по физическому уничтожению эсесовцы использовали «людей из Травников» на всех видах работ, связанных с содержанием и расширением лагерей. Обычно в охранной роте находились специалисты, которые в каждом из лагерей выполняли работу механиков, столяров, водителей или электриков. Два охранника обычно занимались обслуживанием двигателя, производившего топочный (дымовой) газ, используемый для умерщвления людей в газовых камерах². В случае лагеря смерти Белжец одним из вахманов, занимавшимся обслуживанием оборудования, был Эдвард Власюк, которого знали жители Белжеца: «Как мне рассказывал черный Васюк [должно быть: Власюк – Р. К.], который уже умер, он включал бензиновый мотор, который находился рядом с газовой камерой тогда, когда камера была заполнена людьми»³. Такую же работу в лагере смерти Треблинка выполнял украинец Иван Марченко, по прозвищу Иван Грозный⁴.

Подробную информацию о характере службы, которую охранники из Травников должны были нести в лагерях смерти, они получали лишь на месте от немцев, или находившихся уже там коллег. Все вахманы, судя по свидетельствам выживших в лагерях смерти или польских свидетелей, которые с ними

¹ Ibidem. Показания Петра Бровцева. 2 VIII 1968. К. 68.

² Ibidem. Показания Григория Линкина. 27 VII 1966. К. 199–200.

³ AIPN Lublin, 1/15/105. Akta w sprawie zbrodni popełnionych w obozie śmierci w Bełżcu, 1945–1944. Zeznanie Edwarda Łuczyńskiego, 15 X 1945. К. 26; ibidem. Zeznanie Marii Własiuk, 21 II 1946. К. 69. Эдвард Лучинский был дядей Марии Власюк, жены упоминавшегося вахмана. Лучинский встречался с Власюком в доме его жены и получил от него много ценной информации о лагере смерти Белжец. При этом Мария Власюк в своих показаниях утверждала, что она не знала, чем занимается на службе ее муж, который якобы не хотел рассказывать о лагере.

⁴ Долгие годы царило убеждение, что «Иваном Грозным» из Треблинки должен был быть осужденный в 2011 г. и умерший в 2012 г. в Германии Иван Демьянюк, который в действительности был охранником в концентрационном лагере Майданек, а затем в лагере смерти Собибор. За якобы выполняемую службу в Треблинке его судили в Израиле, однако во время процесса израильский суд не смог доказать его вину. См.: Niemcy osądzą kata z Sobiboru // PolskaTimes.pl, www.polskatimes.pl (3.04.2012).

сталкивались, воспринимали их как людей крайне жестоких, с готовностью работавших вместе с немцами при уничтожении евреев. Следует подчеркнуть, что те охранники, которые давали признательные показания после войны во время следствия или на процессе, также рассказывали о жестокости своих коллег, при этом было достаточно признаний, в которых они сознавались в собственных преступлениях. Одновременно во всех показаниях охранников из лагерей смерти, прошедших через обучение в Травниках, говорится о давлении, оказываемом на них со стороны немцев. Вахманы, арестованные после войны, особенно во время следствий, которые велись в Советском Союзе, в принципе в один голос говорили, что эсэсовцы, которые осуществляли командование в лагерях смерти, напрямую приказывали им проявлять жестокость в отношении жертв. Эта жестокость была частью всей системы уничтожения. Благодаря ее применению процесс уничтожения проходил без лишних проблем.

Комендант лагеря смерти Белжец сообщал вновь прибывшим охранникам из Травников, что именно они в большей степени несут ответственность за безукоризненное проведение уничтожения евреев. В связи с этим согласно приказам немцев они должны были проявлять жестокость и суровость, в том числе они должны были убивать узников, например, расстреливать тех, кто по каким-то причинам не мог самостоятельно дойти до газовых камер: «Если бы мы не захотели выполнить этот приказ, нас бы признали виновными и расстреляли»¹.

Угроза смерти в случае отказа выполнить приказ – это еще одна отличительная особенность положения бывших советских военнопленных, служивших в Вахманшафт СС. В отличие от немцев, членов СС из лагерного управления, охранная служба из Травников не была до конца добровольной. Ни для, одного из эсэсовцев решение о прекращении службы в лагере смерти не грозило серьезными последствиями. С уверенностью можно сказать, что в их случае не было речи об угрозе жизни, хотя большинство из них признавалось, что они запугивались в особенности первым комендантом лагеря смерти Белжец, а также Кристианом Виртом, специальным инспектором трех лагерей смерти, составных частей операции «Рейнхардт». Никто из них, несмотря на угрозы Вирта расстрелять того, кто решится уйти со службы, кроме случаев приступов бешенства у коменданта, в данном случае действительно мог не бояться за свою жизнь². Для

¹ Staatsarchiv München. Stan W 33033/32, Следствие против Йозефа Оберхауза. Перевод советских следственных документов против бывших охранников из лагеря смерти Белжец. Показания Григория Линкина. 25 VI 1966. К. 191.

² Несомненно, Кристиан Вирт был жестоким и вульгарным человеком, о чем после войны сообщали в своих показаниях все подчинявшиеся ему члены лагерного руководства и охранники из Травников. Он терпеть не мог ни малейшего несоблюдения субординации со стороны подчиненных и неоднократно пугал эсэсовцев, которые не слишком ревностно выполняли его приказы, что их застрелит. Однако он никогда своих угроз не приводил в дей-

охранников из Травников, бывших советских военнопленных, отказ от службы в лагере смерти означал лишь одно – расстрел, о чем еще пойдет речь.

Возвращаясь к вопросу о жестокости, проявляемой вахманами из Травников в лагерях смерти, следует сказать, что значительное большинство их прекрасно вписалось в общую систему функционирования тех мест, а многие даже получали удовлетворение от причиняемых другим страданий. Это находит подтверждение в рассказах польских свидетелей, жителей деревни Белжец, которые часто контактировали с лагерными охранниками: «В конце 1942 г. я был проездом в Белжеце, пока ждал поезда, разговорился с “черными”¹, стоявшими на перроне, они были навеселе. Эти “черные” сами начали мне рассказывать и хвастаться, что они делают с евреями. Один из них гордился тем, что вырвал из рук матери маленькую евреечку, которая судорожно прижималась к матери, и, схватив ее за волосы, со всей силы ударил о столб так, что она умерла на месте из-за сломанного позвоночника. Второй рассказывал, что когда гнал евреев в газовую камеру, так один из евреев схватил палку и ударил ею его по голове. За это он застрелил этого еврея. Третий “черный” рассказывал, что одного еврея за то, что тот бросился на “черного”, привязали к столбу раздетым донага, а двое “черных” начали щетками из гусиных перьев для чистки полов его чистить, да так долго, что показались голые кости. Его перестали чистить щетками, когда истязаемый потерял сознание. Это делалось на глазах согнанных евреев, находившихся в лагере»¹.

Подобное «хвастовство» жестокостью в отношении евреев подтверждали и другие свидетели – польские жители Белжеца, что является свидетельством глубокой деморализации практически всей группы охранников из Травников, которым пришлось служить в лагерях смерти. Подобные истории можно найти в свидетельствах о лагерях смерти Собибор и Треблинка. Ехель Райхман, выживший в Треблинке, следующим образом описывал поведение некоторых вахманов в лагере: «Николай и Иван, которые работают машинистами при двигателе, накачивающем газ в камеры, а также обслуживают динамо-машину, обеспечивающую электричеством Треблинку, в столь жаркий день счастливы»². Ивану примерно лет двадцать пять, он выглядит здоровым и крепким как бык. Он рад,

ствие. Другое дело, что когда Вирт покинул пост коменданта лагеря в Белжеце, эсэсовцы продолжали крайне ревностно выполнять его приказы, связанные с быстрым уничтожением евреев. Отсутствие Вирта в лагере не повлияло на смягчение жестоких методов обращения с жертвами. Подробнее на эту тему см.: Kuwałek R. Obóz zagłady... S. 57–61.

¹ AIPN Lublin. OKL/Ds. 338/67. Akta w sprawie zbrodni popełnionych przez Niemców w obozie pracy dla Żydów i Cyganów w Bełżcu – folwarku, pow. Tomaszów Lubelski, 1966–1973. Zeznanie Mieczysława Niedużaka, 30 VIII 1968. K. 15.

² «Жаркий день» в воспоминаниях Райхмана – это день, когда в лагерь прибывал большой транспорт евреев. Упомянутые автором Николай и Иван – это Николай Шалаев и Иван Марченко – «Иван Грозный», которые обслуживали газовые камеры в лагере Треблинка.

когда появляется возможность разрядить свою энергию на работниках. Время от времени его распирает от желания взять острый нож, задержать пробегающего мимо работника и отрезать ему ухо. Кровь брызжет, работник кричит, но должен бежать дальше со своей ношей. Иван терпеливо ждет, пока работник не пробежит обратно, он приказывает ему отложить ношу, встать и подойти к яме, где он убивает его одним выстрелом. Однажды Иван подошел с кочергой к резервуару с водой, в котором я и еще один “дантист” по фамилии Финкельштейн полоскали вырванные зубы. Они приказал Финкельштейну лечь на землю и вбил ему железо в зад. Это называлось шуткой. Несчастливец даже громко не кричал, лишь стонал. Иван хохотал и, не переставая, кричал: “Лежи, а то пристрелю!”. Среди украинских верных помощников было много таких героев»¹.

Несомненно, охранников из Травников вдохновляло на такие жуткие действия немецкое начальство. Как уже говорилось, они вели себя жестоко по приказу, но также многие из них проявляли собственную находчивость, что было следствием, с одной стороны их деморализации, а с другой – желания понравиться немецкому командованию лагеря. Тем не менее, не все вели себя с особой жестокостью. Наверняка были жестокими, но не выходили за рамки требуемого от них поведения.

Имели место немногочисленные случаи, когда вахманы прямо отказывались принимать участие в массовом убийстве. Относительно тех людей, которые не стремились углубляться в несение своей службы в лагерях смерти, можно отметить, что они были менее жестокими, насколько это было возможно в их положении и в создавшихся условиях. Следует все время помнить, что отказ от выполнения приказа вахманами карался немцами смертью. Примером осуществления такого приговора является история расстрела в лагере смерти Белжец четырех охранников из Травников, которые сразу после прибытия из учебного лагеря решили подговорить коллег бросить службу. Во время проводимого после войны следствия обвинявшиеся вахманы, дававшие показания по этому событию, пытались, правда, возложить вину на заключенного еврея, который якобы донес на этих охранников, однако из материалов дела следует, что автором доноса был один из их собственных коллег. Недели не прошло с момента прибытия этих четырех охранников в Белжиц, как они были расстреляны. Это говорит о том, что они с самого начала не соглашались нести службу в таком лагере. Этот инцидент произошел в июле 1942 г., когда дезертирство среди бывших советских военнопленных, перешедших на немецкую службу в рамках Вахманшафт СС, было еще редкостью².

¹ Rajchman J. Ocalałem z Treblinki. Wspomnienia z lat 1942–1943. Warszawa, 2011. S. 77–78.

² Были расстреляны: Михаил Горбачев, Сергей Поправка, Яков Ананьев и некто по фамилии Тимошенко. Горбачев возглавлял эту группу и пытался подговорить к побегу охранников, которые уже служили в Бельжеце. Казнь охранников прошла 8 июля 1942 г. См.: Staatsarchiv

Другой случай имел место в лагере смерти Собибор, где охранники из Травников, не желая больше продолжать служить в лагере смерти, решились дезертировать и бежать. 26 декабря 1942 г. два вахмана – Виктор Киселев и Василий Фишер – сбежали из лагеря вместе с пятью заключенными еврейками. Оба они и еще одна женщина, Песя Либерман, спустя несколько дней были преданы польским жителем деревни Ольховец, расположенной недалеко от Хелма, у которого они пытались укрыться. В результате перестрелки с немецкой полицией все трое беглецов были убиты. Польский полицейский, который принял донос от крестьянина и проинформировал немцев, получил награду в размере 200 злотых. Доносчику из деревни Ольховец также обещали компенсацию за потери, которые он понес из-за перестрелки в его доме¹.

Случаи дезертирства, даже коллективного, среди вахманов стали все более частыми с начала 1943 г.². Это может быть связано, прежде всего, с ситуацией на восточном фронте, особенно после победы Красной армии под Сталинградом. Бывшие советские военнопленные, служившие в Вахманшафт СС, или по крайней мере некоторые из них, должны были понимать, что происходит на восточном фронте и что совершенно нет уверенности в победе Третьего рейха. Они также прекрасно понимали, что им грозит за сотрудничество с немцами в случае, если советские войска перейдут в наступление и окажутся на территории, где они несут службу. Другая причина, склонявшая охранников из Травников к отказу от службы у немцев, была связана с тем, как немецкое начальство относилось к ним. Немцы с самого начала не верили в их лояльность. Считали их не до конца дисциплинированными и надежными. Кроме узкого круга низших командиров немецкого происхождения и особо лояльных охранников эсесов-

München. StanW 33033/32. Следствие против Йозефа Оберхауза. Перевод советских следственных документов против бывших охранников лагеря смерти в Белжице. Показания Кирила Прохоренко. 27 IX 1965. К. 153; Ibidem, Показания Анастазия Мавродия, 27 VI 1965. К. 168; Ibidem. Допрос Тараса Олейника 28 VII 1966. К. 238.

¹ Неизвестна судьба остальных четырех сбежавших евреек. См.: *Schelvis J.* Op. cit. P. 136–137.

² В лагере смерти Белжец весной 1943 г. дважды были совершены попытки массового дезертирства. Одна из них, в марте этого года, когда сбежало 15 охранников во главе с Иваном Волошиным, была удачной. Они должны были присоединиться к советскому партизанскому отряду в районе Белжеца. После войны часть беглецов, в том числе Волошин, давали показания против своих коллег. Вторая попытка побега охранников из Белжеца скорее всего была предпринята после первой и закончилась неудачей. Группа была раскрыта, и немцы расстреляли на территории лагеря смерти 16 охранников. Остальная часть роты была отослана обратно в учебный лагерь в Травниках. См.: Staatsarchiv München. StanW 33033/32. Следствие против Йозефа Оберхауза. Перевод советских следственных документов против бывших охранников лагеря смерти в Белжице. Показания Дмитрия Пундика. 17 II 1966. К. 49–52; Ibidem. Показания Петра Бровцева. 2 VIII 1966. К. 68; AIPN Lublin, 08/298, Akta śledztwa w sprawie zbrodniczej działalności oddziałów wachmanów SS na terenie województwa lubelskiego, 1965–1966. T. 1. Zeznanie Marii Misiewicz. 28 I 1965. К. 55–56.

цы, под надзором которых находились вахманы, воспринимали их как людей низшей категории. Сложно говорить об особых дружеских отношениях между членами СС и обычными охранниками. Бывшие эсесовцы, например, из лагеря смерти Белжец, в своих показаниях после войны сообщали, что не верили вахманам из Травников, боясь, что те взбунтуются или нападут на них. Давая характеристику им как группе, подчеркивали, что им приходилось их дисциплинировать, применяя для этого силу. Нередкими были случаи избиения немцами вахманов. Случались также казни как следствие не только попыток к бунту или дезертирству, но также и краж, на которые шли охранники. Они присваивали себе ценности и деньги жертв, состояли в «торговых контактах» с узниками-евреями. Случались также случаи казни за то, что пьяные охранники рассказывали жителям ближайших к лагерю деревень о том, что происходило за колючей проволокой¹.

Как уже говорилось, члены охраны из учебного лагеря Травники получали небольшое денежное довольствие, которое могли потратить на собственные цели: папиросы, дополнительную еду, или алкоголь. Это довольствие соответствовало 45 маркам (рентным маркам) в месяц и выплачивалось в злотых. Практически весь период немецкой оккупации в Польше курс марки был постоянным и составлял два злотых. Проблема состояла в том, что с каждым годом нацистского господства покупательная способность злотого падала, а цены, особенно на продукты, росли. В этих условиях служба в охранных частях гарантировала получение нелегальным и неконтролируемым образом дополнительных денег, огромных сумм. Уже приводилась цитата из воспоминаний варшавского еврея, описывавшего похожую процедуру на умшлагплаце. Подобные возможности существовали также в лагерях смерти и трудовых лагерях, где бывшие советские военнопленные несли службу. Особенно в случае лагерей смерти существует множество сообщений, в которых говорится о грабеже собственности, самостоятельно производимой вахманами и об их контактах с местным польским населением, у которого они в обмен на деньги, ценности, одежду получали еду, алкоголь и секс. Занимаясь надзором за сотнями тысяч евреев, депортируемых в лагеря смерти, у охранников была масса возможностей осуществления подобных краж. Этим пользовались также и жители близлежащих к лагерю деревень. За счет торговых и дружеских контактов с вахманами крестьяне богатели, а сами деревни развивались во время войны. Собственник хозяйства в Церанове, расположенного недалеко от Треблинки, следующим образом описывал контакты жителей деревни Вульки Окронглик с лагерными охранниками: «Недалеко от Треблинки находится деревня Вулька Окронглик. Хозяева этой деревни посы-

¹ Bundesarchiv Ludwigsburg (BAL), 208 AR-Z 252/59, Следствие против Йозефа Оберхауза и др. Показания Генриха Унверхау, 10 VII 1961, т. 7. К. 1344; Ibidem. Показания Вернера Дюбуа. 16 IX 1961, т. 7. К. 1391.

ляли своих жен и дочерей к украинским охранникам, работавшим в лагере, и были вне себя от возмущения, когда эти женщины приносили слишком мало колец и других ценностей, оставшихся от евреев, полученных взамен за личные услуги. Процедура эта была, конечно, в материальном плане очень выгодная: соломенные крыши сменились крышами, покрытыми кровельным железом, а от всей деревни в целом было впечатление Европы, чудом перенесенной в этот захолустный уголок Подляшья. Никто не думал о том, ценой каких моральных потерь было достигнуто это благополучие»¹.

Контакты охранников с местным населением были чрезвычайно распространены, независимо от места, в котором им пришлось служить. Однако особенно это было заметно в тех местах, где действовали лагеря смерти. Там же был самый высокий товарообмен – деньги и ценности в обмен на еду, алкоголь и сексуальные услуги. Там же бывали случаи более-менее продолжительных эмоциональных отношений с местными женщинами².

Из показаний допрошенных после войны бывших вахманов следует, что немцы запрещали им контактировать с населением из соседних с лагерями смерти деревень. Если кто-то был схвачен с поличным, то его приравнивали к дезертиру, то есть просто расстреливали³. Еженедельно немцы проводили ревизию в бараках, в которых жили охранники с целью обнаружения украденных ими вещей и денег. В случае обнаружения неразрешенных предметов наименьшим наказанием была порка – 25 ударов хлыстом. Наказывали либо младшие командиры, рекрутировавшиеся из фольксдойче, либо сами немцы из эсэсовской группы⁴. Несмотря на существовавшие ограничения из лагерей выносились украденные вещи и деньги, а торговые и личные отношения с местным

¹ Górski J. Na przełomie dziejów. Oprac. J. Grabowski // Zagłada Żydów. Studia i Materiały. 2006. T. 2. S. 286–287.

² В том, что касается Белжеца, то известен один случай женитьбы охранника из лагеря на местной женщине. Однако чаще всего эти связи носили неформальный характер, хотя и были долгими. В результате связей появлялись дети, которые после войны росли в Польше. Скорее всего, большинство этих союзов возникло из материальных соображений. См.: AIPN Lublin, 08/298, Akta śledztwa w sprawie zbrodniczej działalności oddziałów wachmanów SS na terenie województwa lubelskiego, 1965–1966. T. 1. Zeznanie Zofii Janickiej. 28 I 1965. K. 59–61; ibidem. Zeznanie Marii Warzochy, 28 I 1965. K. 64.

³ Один из эсэсовцев из лагеря смерти Белжец, Генрих Унверхау, признался после войны, что однажды комендант лагеря Готтлиб Геринг приказал расстрелять двух охранников, пойманных при попытке кражи. По приказу коменданта на них надели пиджаки со звездами Давида и расстреляли рядом с одной из массовых могил. В казни принимали участие коллеги осужденных. См.: BAL, 208 AR-Z 252/59, Следствие против Йозефа Оберхауза и др. Показания Генриха Унверхау. 21 VII 1960. T. 6. K. 965.

⁴ Staatsarchiv München. Stan W 33033/32. Следствие против Йозефа Оберхауза. Перевод советских следственных документов против бывших охранников из лагеря смерти Белжец. Показания Григория Линкина. 27 VII 1966. K. 201–202.

населением процветали. Об этом вспоминали после войны как жители тех мест, так и сами вахманы и эсэсовцы. Возможно, за подобные контакты наказывались низшие по званию охранники, но в случае фольксдойче, которые выполняли командные функции, немцы должны были давать разрешение на посещение польских и украинских жителей деревень¹. Их присутствие в деревнях и близкие отношения с местным населением отмечаются чуть ли не в каждом из показаний, которые давали свидетели из тех мест, вблизи которых были расположены лагеря смерти.

Вахманы из лагерей смерти были также основным источником информации о том, что там происходило. Немцы, желавшие сохранить в полной секретности способ осуществления массовых казней, не позволяли местному населению даже приближаться к границам лагерей, однако подробности техники уничтожения стали известны из-за болтливости охранников. Этим пользовалось польское подполье, собиравшее благодаря ним точную информацию о способах уничтожения. Примером утечки информации может быть хотя бы лагерь смерти Белжец. В знаменитом докладе Яна Карского, легендарного курьера из Польши, отмечается, что подробности массовых казней в Белжеце он получил от немецкого члена лагерной команды². Представляется маловероятным, чтобы кто-то из немцев, даже неосознанно, рассказал польским жителям Белжеца о том, что происходило в лагере. Из материалов следствий, проводимых после войны по делу о преступлениях, совершенных в лагерях смерти, следует, что первым источником информации о газовых камерах, работавших в этих местах, были именно лагерные охранники, набранные из бывших советских военнопленных. Втайне от немцев, при личных встречах под влиянием алкоголя они рассказывали местному населению о том, как относятся к евреям и как их уничтожают в лагерях смерти. С уверенностью можно сказать, что среди слушателей были также и те, кто сотрудничал с АК или был членом этой организации. Несомненно, эта информация распространялась среди жителей деревни и доступ к ней не вызывало больших трудностей. О том, что много информации просачивается из лагерей, и что это может происходить при посредничестве охранников, сообщалось в период оккупации в подпольной польской прессе³. К сожалению,

¹ Вокруг лагерей Белжец и Собибор были деревни, в которых жили как поляки, так и украинцы.

² Archiwum Akt Nowych, Delegatura Rządu RP na Kraj, 202/II-28, Meldunek nadzwyczajny z miejsca trwania Żydów w Bełżcu z 10 VII 1942. K. 105. На самом деле Ян Карский никогда не был в Белжеце. Он видел и описал платформу и наполнение евреями транспорта в Избице Любельской. Несомненно, он мог связаться с кем-то, кто беседовал с охранником из лагеря смерти Белжец.

³ AŻIH, 230/135, Informacja Bieżąca. Podziemna Agencja Prasowa // Informacja Bieżąca. № 28 (53). 3 VIII 1942. K. 34–35. О том, что в лагере смерти Белжец уничтожают людей при помощи топочного (дымового) газа, один из жителей деревни узнал от дружившего с его

отсутствует информация о непосредственном контакте охранников, проходивших подготовку в Травниках, с членами польского подполья. Однако можно утверждать, что такие контакты были, раз некоторые из охранников пытались дезертировать в польские партизанские отряды. Охранники, которые пытались установить контакт с подпольем, но при этом не принимались в польские отряды, чаще всего шли к советским партизанам, которые действовали недалеко от тех мест, где они были расквартированы. Другое дело, что попытки со стороны вахманов пробраться к партизанам носили спорадический характер¹. И хотя многие из них были украинцами и были родом с Украины, неизвестно были ли они в рядах активного на Люблинщине украинского национального партизанского движения.

Большинство бывших советских военнопленных, которые решились служить в отрядах Вахманшафт СС, продержались в этих подразделениях до конца войны. Отдельные группы решились дезертировать в 1943–1944 гг., когда уже было известно, что Третий рейх не выиграет войну. Тем не менее, большая часть осталась на службе у немцев до капитуляции Рейха. Следует задуматься, что двигало этими людьми, только ли страх. Несомненно, угроза голодной смерти в лагерях для военнопленных привела к тому, что военнопленные давали позитивный ответ на призыв немцев. Дальнейшая служба тем не менее не вызывала особого морального переживания у большинства вахманов, хотя следует помнить, что они несли службу по принуждению. Описываемые попытки дезертирства не были частым явлением и потому остались в памяти как немцев, так и судимых после войны охранников из Травников. При анализе их поведения, следует помнить, что в большинстве своем это были молодые необразованные люди. Принимая участие в массовых казнях, проводимых с особой жестокостью, при полном одобрении немцами, они за очень короткий срок полностью деморализовались. Влияние на психику и поведение большинства из них оказывало участие в операциях по пацификации, а также служба в лагерях смерти и концентрационных лагерях. Те, кто продержался в охранных частях до конца войны, понимали, что их ждет, когда они попадут в советский плен. Страх перед Красной армией повлиял на то, что они предпочли остаться с немцами, чем решиться на дезертирство. После 1945 г. многие из них оказались в западных оккупационных зонах в Германии, где, как правило, хранили в тайне свое военное прошлое, откуда им, в конце концов, удавалось эмигрировать. Чаще всего они уезжали в США, Канаду или Великобританию, где большинство из них

семьей охранника, Эдварда Власюка. См.: AIPN Lublin, 1/15/105. Akta śledztwa w sprawie zbrodni popełnionych w obozie zagłady w Bełżcu, 1945–1949, Zeznanie Edwarda Łuczyńskiego, 15 X 1945. K. 26.

¹ Rybak A. Stalag 319. Międzynarodowy obóz jeniecki w Chełmie w latach 1941–1944. Chełm, 2009. S. 135, 139.

доживало свой век без проблем, окруженные дополнительной опекой украинской диаспоры¹. Большинство фольксдойче, поволжских немцев и немцев из стран Балтии было эвакуировано с польских земель летом 1943 г. вместе с частью штаба Одило Глобочника. До конца войны они служили на севере Италии и севере Югославии, где принимали участие в антипартизанских операциях и облавах на евреев. Вместе с ними также служила часть вахманов из Травников, у которых не было немецких корней. Те, кто декларировали свое немецкое происхождение, скорее всего еще в 1944 г. получили немецкое гражданство. После Второй мировой войны большинство из них проживало на территории Западной Германии и лишь немногие были привлечены к уголовной ответственности².

Некоторые бывшие охранники после 1945 г. вернулись в Советский Союз. Большинство из них вначале не признавались, что служили в немецких частях. Они возвращались на родину, как правило, заявляя, что находились на принудительных работах. Однако очень быстро Министерство госбезопасности опознало их как бывших советских военнопленных. У советских разведслужб была часть захваченной немецкой документации, главным образом из учебного лагеря СС Травники, служебные карточки на каждого из охранников, прилагавшиеся к следственным делам. Первая волна процессов против бывших вахманов пришлось на 1945–1950 гг. Неизвестно, сколько их тогда было осуждено. Несомненно, это была достаточно большая группа. Те, кто получили приговоры, осуждались по статье 58-16 советского уголовного кодекса за измену родине, т.е. к ним отнеслись так же, как и к остальным бывшим советским военнопленным, оказавшимся в немецком плену. Большинство из них получило стандартный приговор – 25 лет исправительно-трудовых лагерей, но ни один из них этого срока до конца не отсидел. После смерти Иосифа Сталина в 1953 году все они были освобождены из лагерей в связи с амнистией³.

¹ Доказательством тому может служить хотя бы послевоенная судьба Ивана Демьянюка в эмиграции в США.

² Примером тому может служить история Самуэля Кунца, который был поволжским немцем. Будучи советским солдатом, он попал в немецкий плен, а затем заявил о готовности служить в Травниках. На протяжении всего времени функционирования лагеря смерти Белжец он занимал там должность одного из младших командиров охранного отряда. После Второй мировой войны, уже в качестве немецкого гражданина он жил в Бонне. Кунц являлся сотрудником западно-немецкого Министерства экономического развития. В это время он несколько раз давал показания в качестве свидетеля на процессах против военных преступников, но против него следствие было начато в 2010 г. под влиянием процесса над Демьянюком. Это расследование было прекращено со смертью Кунца 21 ноября 2010 г. См.: *Wielński B. T. Dlaczego Niemcy sądzą tylko Demianiuka // Gazeta Wyborcza. 16 marca 2010 г. <http://wyborcza.pl> (3.04.2012).*

³ Все, кто давал признательные показания во время более поздних процессов на территории СССР, заявляли, что у них уже была судимость в сталинский период, и они были освобождены из лагерей в 1953–1956 гг. См.: *Staatsarchiv München. StanW 33033/32. Следствие*

Очередная волна следствий и процессов против бывших охранников из Травников в Советском Союзе пришлась на 1960-е гг. В 1962–1963 гг. первый процесс прошел в Киеве, а в 1965 г. – коллективные процессы в Киеве и Краснодаре. Тогда подсудимых обвинялись в конкретных преступлениях, которые они совершили в лагерях смерти и концентрационных лагерях, и было вынесено много смертных приговоров¹.

Несколько процессов против охранников из учебного лагеря СС прошло в Польше в 1950-х – 1960-х гг., однако обвинение было предъявлено лишь тем, кто в 1939 г. имел польское гражданство: бывшим, как правило, добровольцам польского или украинского происхождения, которые во время нацистской оккупации жили в Люблинском или Галицийском дистрикте. Лишь два документированных случая ареста в Польше бывших советских военнопленных, которые были охранниками в Травниках, завершились их депортацией в Советский Союз и осуждением их советским правосудием².

Следует сказать, что за исключением нескольких десятков бывших советских военнопленных, служивших в Вахманшафт СС, в отношении которых были вынесены приговоры по всему миру, остальные, составляющие большинство, так и не ответили за свое военное прошлое. Стоит подчеркнуть, что до сих пор нет монографической работы, которая была бы полностью посвящена как учебному лагерю СС Травники, так и подразделению Вахманшафт СС. Исследование на эту тему должно быть проведено на основании скрупулезного изучения в архивах России и Украины множества материалов о советских военнопленных, которые служили в немецких охранных частях. Представляет проблему отсутствие возможности полного доступа ко всем источникам, хранящимся в постсоветских архивах, в особенности к документам, которые находятся в ведении российских и украинских служб безопасности.

против Йозефа Оберхауза. Перевод советских следственных документов против бывших охранников из лагеря смерти Белжец. Показания бывших охранников.

¹ *Gogołowska S. Ludobójcy z Bełżca i Sobiboru. Proces w Krasnodarze // Sztandar Ludu. 6 czerwca 1965 r.; Eadem. Po procesie w Krasnodarze. Korespondencja z ZSRR // Kamena. 1965. № 13.*

² Первым из них был Николай Кулак, арестованный в 1946 г. в Варшаве. Во время войны он служил охранником в Люблинском гетто, затем в лагере смерти Треблинка. Его судьба после депортации в СССР неизвестна. Второй случай – это история Ивана Ткачука, который конвоировал транспорты с депортируемыми евреями из Варшавского гетто в Треблинку, а потом служил в этом лагере. В 1943 г. он дезертировал благодаря помощи польки, с которой связался. Он жил вместе с этой женщиной в Люблине под фальшивой фамилией. После войны они проживали в Гданьске, где Ткачука арестовали в 1950 г. В Советском Союзе его осудили по статье 58-16. В 1955 г. освобожден из лагеря по амнистии. См.: *Rybak A. H. Op. cit. S. 136–138.*

Лешек Горыцкий

ОТНОШЕНИЕ ПОЛЬСКОГО ГРАЖДАНСКОГО НАСЕЛЕНИЯ К СОВЕТСКИМ ВОЕННОПЛЕННЫМ ВО ВРЕМЯ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Тема военного плена и, прежде всего, – немецких преступлений в отношении военнопленных – крайне сложная. Как верно отметил Альфонс Клафковский в предисловии ко второму изданию монографии Шимона Датнера, в результате двух великих войн произошли серьезные перемены в международном праве¹. Преступления в отношении военнопленных перестали быть вопросом, регулируемым мирными договорами, а оказались предметом разбирательств в государственных и международных судах. В случае каждого судебного разбирательства собирается доказательственный материал, стороны могут вызывать свидетелей, обвиняемые могут защищаться. Материал, собранный во время следствия, является прекрасным источником для научного исследования. Однако проблема состоит в определении того, представителям какой из научных дисциплин следует заняться темой военнопленных. С одной стороны – это вопрос, прежде всего, относящийся к юриспруденции. С другой – он затрагивает и историков, и психологов, и специалистов в области военного дела и, наконец, когда речь идет об отношении гражданского населения к военнопленным, то и социологов.

В последнее время в историографии появился термин «history of mentalities»², с помощью которого дается определение историческому аспекту изучения явлений из области социальной психологии, т.е. анализа социально-культурного поведения людей в повседневной жизни, а более широко – их отношения к историческим событиями, свидетелями которых они являются³.

¹ *Kłafkowski A. Przedmowa do II wydania // Datner S. Zbrodnie Wermachtu na jeńcach wojennych armii regularnych w II wojnie światowej. Warszawa, 1964. S. 6.*

² History of mentalities – ментальная история (англ.). *Прим. пер.*

³ В США существует даже Институт психоистории, возглавляемый Ллойдом де Мосом, издаются журналы «The Journal of Psychohistory» и «The Psychohistory Review». См. подробнее: *Spendel Z. Podmiotowość człowieka a psychologia historyczna. Katowice, 1994. S. 40–51.*

Главной задачей этого направления исторической науки является изучение внутренней жизни, мира представлений, нравов, ценностей, морали и позиции людей прошлых эпох с помощью всевозможных фактов, собранных об их жизни. Наиболее важными источниками, используемыми в такого рода исследованиях, являются т.н. «human documents»^{1**}. Они включают: мемуары, воспоминания, письма, разного рода корреспонденцию, а также дневники, записки и пр. Кроме того, используются свидетельства очевидцев событий в форме рассказа, показаний, интервью и т.п. Чем больше такого рода материалов окажется доступным для анализа, тем более полным будет описание позиций изучаемой группы людей².

Проблема военнопленных времен Второй мировой войны – важный объект для изучения социальных позиций в период войны, особенно в связи с повсеместностью этого явления. Огромное количество военнопленных привело к тому, что большие группы населения, при этом не только жители прифронтовых зон, контактировали с военнопленными разных национальностей. При этом доминирующими оказались работы, посвященные описанию проблемы военнопленных с точки зрения норм международного права, истории или военного дела. Подобным образом ситуация выглядит и в случае советских военнопленных, оказавшихся в немецком плену во время Второй мировой войны.

Существует немало работ, посвященных судьбам советских военнопленных в немецком плену в 1941–1945 гг., которые изданы на польском³, немецком⁴

^{1**} Human documents – личные источники (англ.). *Прим. пер.*

² Jakubowski W. Chłopi polscy 1944–1948. Perspektywa psychohistoryczna. Pułtusk–Warszawa, 2000. S. 13.

³ Łukaszewicz Z. Zagłada jeńców radzieckich w obozach na ziemiach Polski // Biuletyn GKBZH. T. 6. Warszawa, 1949; Datner S. Op. cit.; Tobiasz J. Na tyłach wroga. Obywatele radzieccy w ruchu oporu na ziemiach polskich 1941–1945. Warszawa, 1972; Bartniczak M. Grądy i Komorowo 1941–1944. Z dziejów Stalagów 324 i 333 – Ostrów Mazowiecki. Warszawa, 1978; Paczyńska I. O latach wspólnej walki. Obywatele radzieccy w ruchu partyzanckim na ziemi kieleckiej i krakowskiej 1941–1945. Warszawa,–Kraków, 1978; Zabierowski S. Szepnie. Dzieje obozów hitlerowskich. Rzeszów, 1985; Gmitruk J. Skazani na zagładę. Jeńcy i partyzanci radzieccy a Bataliony Chłopskie 1941–1945. Warszawa, 2001; Rybak A. Stalag 319 w Chełmie: zarys dziejów. Chełm, 2004; Puławski A. Sowiecki partyzant – polski problem // Pamięć i Sprawiedliwość. 2006. № 1(9) i др. Как верно отмечал Гжегож Мотыка, большая часть польских публикаций появилась в период ПНР и, к сожалению, для них характерны недостатки, типичные для исторических работ указанного периода. Несмотря на это они содержат интересный и богатый фактографический материал. См.: Motyka G. Jeszcze o stosunku Polaków do sowieckich partyzantów – byłych jeńców // Pamięć i Sprawiedliwość. 2007. № 1(11). S. 462–468.

⁴ Streim A. Die Behandlung sowjetischer Kriegsgefangener im «Fall Barbarossa». Eine Dokumentation. Heidelberg/Karlsruhe, 1981; Streit Ch. Keine Kameraden. Die Wehrmacht und die sowjetischen Kriegsgefangenen 1941–1945. Bonn, 1997; Otto R. Wehrmacht, Gestapo und sowjetische Kriegsgefangene im deutschen Reichsgebiet 1941/42 // Schriftenreihe der Vierteljahrshefte für Zeitgeschichte. T. 77. München, 1998; Reuß E. Gefangen! Das Schicksal sowje-

и русском языках¹. Эта проблема обсуждалась на представительных научных форумах². Несомненным является вклад в дело изучения этой темы польского историка Шимона Датнера, который посвятил проблеме военнопленных значительную часть своих научных исследований. К сожалению, большая часть собранного им материала, хранящаяся в архиве Еврейского исторического института в Варшаве, пока еще полностью не обработана³. Внимание также заслуживает монография Веслава Марчика, посвященная советским военнопленным, находившимся в плену у вермахта на польских землях в 1941–1945 гг., по сути — это единственная в польской историографии работа, где полностью раскрывается эта тема⁴.

Во всех этих работах проблема отношения гражданского населения к советским военнопленным в немецком плену появляется достаточно спорадически. Если к ней и обращаются, то раскрывают ее фрагментарно, в качестве дополнения к основной теме исследования. Это, несомненно, является следствием отсутствия необходимого количества источников, а также сложностью доступа и рассредоточенностью тех из них, которые можно было бы использовать. Изучение отношения гражданского населения к советским военнопленным тре-

tischer Kriegsgefangener im Zweiten Weltkrieg. München, 2005; *Stratievski D.* Sowjetische Kriegsgefangene in Deutschland 1941–1945 und ihre Rückkehr in die Sowjetunion. Berlin, 2008; На немецком языке издан крайне интересный сборник воспоминаний бывших военнопленных: *Ich werde es nie vergessen. Briefe sowjetischer Kriegsgefangener 2004–2006. Kontakte-Kontakty e.V.* Berlin, 2007; *Keller R.* Sowjetische Kriegsgefangene im Deutschen Reich 1941/42: Behandlung und Arbeitseinsatz zwischen Vernichtungspolitik und kriegswirtschaftlichen Zwängen. Göttingen, 2011; *Overmans R., Hilger A., Polian P.* Rotarmisten in deutscher Hand. Dokumente zu Gefangenschaft, Repatriierung und Rehabilitation sowjetischer Soldaten des Zweiten Weltkrieges. Paderborn, 2012.

¹ *Ерин М. Е.* Советские военнопленные в нацистской Германии 1941–1945 гг. Проблемы исследования. Ярославль, 2005; *Шнеер А.* Плен. Советские военнопленные в Германии 1941–1945. Гешарим, 2005.

² Среди них можно отметить следующие форумы. Научная сессия, организованная 28 ноября 1977 г. Окружной комиссией по изучению гитлеровских преступлений в Кельцах «Борьба и мученичество советских людей в Келецко-радомском регионе», во время которой по теме о советских военнопленных было представлено несколько докладов, содержащих богатый фактографический материал. Конференция в Ламбиновицах в 1995 г. была посвящена изучению судьбы военнопленных, а по ее итогам был издан сборник: *Jeńcy wojenni II wojny światowej. Stan archiwów i najnowszych badań. Materiały z ogólnopolskiej konferencji naukowej 11–12 września 1995 r.* Red. E. Nowak. Opole, 1996. Научная конференция, организованная Люблинским отделением Института национальной памяти «Судьбы советских военнопленных во время Второй мировой войны», которая прошла в Люблине 18–19 ноября 2011 г.

³ Несомненным препятствием при обработке наследия Шимона Датнера является тот факт, что большая часть записей сделана им от руки на идиш.

⁴ *Marczyk W.* Jeńcy radzieccy w niewoli Wehrmachtu na ziemiach polskich w latach 1941–1945. Opole, 1987.

бует кропотливой работы по созданию общей картины на основании небольших упоминаний в мемуарах, воспоминаниях и дневниках военного времени, а также постановлений оккупационных властей, статистических данных о жертвах оккупационного террора, показаний свидетелей и т.п. Ко всем этим источникам следует относиться с большой осторожностью, помня, что большая часть из них появилась уже после окончания войны и что в связи с этим существует риск описания действительно происходивших событий через призму того, что уже было известно к этому времени о гитлеровских преступлениях¹.

В период ПНР темой советских военнопленных занималась Комиссия по расследованию немецких преступлений в Польше (с 1949 г. – Комиссия по расследованию гитлеровских преступлений в Польше (КРГПП)). Под ее руководством проводились эксгумации, следствия, собирались свидетельства очевидцев. В конце 1960-х гг. польские историки обратились к бывшим военнопленным с предложением написать воспоминания. На самом деле отклик не был слишком широким, учитывая положение бывших военнопленных в Советском Союзе, тем не менее, пришло около полутора десятка мемуаров, которые содержат интересный материал для изучения данной темы².

В материалах, собранных КРГПП, содержится довольно много свидетельств очевидцев, собранных во время проведения следствий. Эти рассказы косвенно содержат информацию об отношении гражданского населения к советским военнопленным в немецком плену на польских землях. Конечно, следует принимать во внимание деликатность темы и время предоставления информации. Хотя в самом Советском Союзе тема военнопленных продолжала оставаться темой-табу в силу того, что к ним на официальном уровне относились как к предателям родины, в Польше допускалась возможность увековечить память об их судьбе в контексте гитлеровских преступлений. В действительности показания ограничивались описанием преступлений в отношении военнопленных. Тем не менее, в данном случае мы имеем дело с ценным фактографическим материалом, дающем представление об отдельных аспектах отношения польского населения к советским военнопленным.

На рубеже XX–XXI вв. проблема советских военнопленных оказалась в центре интересов сразу трех исследовательских центров в Польше. Речь идет о Государственном музее Аушвиц-Биркенау, Центральном музее военнопленных в Ламбиновицах-Ополе и об Институте национальной памяти. Несомненным пре-

¹ Проблема анализа позиции общества в отношении военных событий оговаривается в работах Яцека Хробачиньского: *Chrobaczyński J. Dramatyczny rok 1943. Postawy i zachowania społeczeństwa polskiego w rozstrzygającym roku II wojny światowej*. Rzeszów–Kraków, 2012; *Idem*. Compiègne 1940. Klęska Francji w recepcji i postawach społeczeństwa polskiego. Kraków, 2010.

² *Zabierowski S. Op. cit.* S. 9.

пятствием при изучении этой темы является ограниченный доступ к архивным материалам. Значительная часть документов, касающихся советских военнопленных, находится в Центральном архиве Министерства обороны РФ и в Государственном архиве Российской Федерации.

Несмотря на существующую богатую литературу о военнопленных, тема отношения польского гражданского населения к ним не была до сих пор широко представлена. Лишь в работе Казимежа Пшибыша «Взаимопомощь в польской деревне в 1939–1945 годах» отдельная глава посвящена оказанию содействия сельскими жителями советским военнопленным¹. Оказание помощи бежавшим советским военнопленным жителями польских деревень стало объектом исследования Януша Гмитрука «Осужденные погибнуть. Советские военнопленные, партизаны и Крестьянские батальоны в 1941–1945 гг.», изданной к 60-летию создания этих батальонов². Данная работа ценна, хотя и представляет проблему в достаточно сжатом и ограниченном контексте, поскольку посвящена деятельности отдельной организации.

Изучение отношения гражданского населения к любому вопросу, связанному с периодом немецкой оккупации, следует начинать с обращения внимания на подход к этому вопросу польских органов власти в эмиграции и представляющих их в Польше подпольных государственных структур. На отношение гражданского населения к советским военнопленным существенное влияние оказывала позиция Делегатуры (Представительства) правительства в оккупированной стране и командования Союза вооруженной борьбы (СВБ), а также Армии Крайовой (АК). Хотя командование СВБ и АК прекрасно знало о существовавших условиях в лагерях для военнопленных и выражало им глубокое сочувствие³, однако воспринимало советских военнопленных через призму развивавшегося партизанского движения. Поскольку советские партизанские отряды рассматривались скорее как угроза⁴, а беглые бывшие военнопленные как потенциальная сила, за счет которой увеличивался личный состав этих отрядов, несмотря на сочувствие к судьбе советских военнопленных командование не советовало оказывать им далеко идущую помощь.

Ситуация дополнительно осложнилась после подписания соглашения Сикорско-Майского в 1941 г. Тот факт, что Польская Республика и Советский

¹ Przybylski K. Pomoc społeczna wsi polskiej 1939–1945. Warszawa, 1990; на эту тему см. также: *Idem*. Gdy wieś ratowała życie. Warszawa, 2001; *Idem*. Chłopi polscy wobec okupacji hitlerowskiej 1939–1945: zachowania i postawy polityczne na terenach Generalnego Gubernatorstwa. Warszawa, 1983.

² Gmitruk J. Skazani na zagładę...

³ Puławski A. Op.cit. S. 249.

⁴ *Ibidem*. Адам Пулавский обращает внимание на зачастую «бандитский» характер советских партизанских групп и на тот факт, что польские подпольные организации относили территории, на которых эти группы оперировали, к советской сфере влияния.

Союз не находились в состоянии войны, а также то, что существовала необходимость взаимодействия с СССР, занявшим сторону стран антигитлеровской коалиции, не облегчал принятия решения. С одной стороны, красноармейцы были солдатами страны-агрессора, участвовавшей в разделе Польши в 1939 г., а с другой – в новой политической ситуации те же солдаты превратились в союзников. В данной связи руководством была выбрана худшая, но, пожалуй, единственно возможная позиция невмешательства. Как следствие – в каждом конкретном случае польским командирам партизанских отрядов на местах самим приходилось брать на себя ответственность и принимать решение об отношении к военнопленным красноармейцам.

Одни решали проблему, с готовностью передавая бывших военнопленных советским партизанским отрядам, другие делали это нехотя. Решающим было личное отношение командиров к СССР и личные симпатии, в связи с чем одних красноармейцев, особенно тех, кого подозревали в приверженности коммунистическим идеям, беспрепятственно передавали, а других задерживали, иногда даже решительно беря под свою защиту. Иногда в этом была необходимость. Так, по воспоминаниям Яцека Попеля, солдата батальона «Барбара», действовавшего в районе Тарнова, было «характерно и то, что появление советских [партизан – Л. Г.] в нашем лагере привело наших русских [sic!] в большое смятение. Наши русские предупреждают нас, чтобы мы тем не верили, чтобы ночью усилить бдительность. На вопрос, кто из них хотел бы присоединиться к сов.[етским – Л. Г.] от.[рядам – Л. Г.], никто не вызвался»¹.

Участие сбежавших советских военнопленных в польском партизанском движении было обусловлено политической позицией, которую занимал каждый из отрядов. В процентном отношении больше всего советских граждан сражалось в партизанских отрядах, создававшихся польскими коммунистами. Причина была не только в идеологической близости, но также и в нехватке людей в рядах польских коммунистов. Например, в отряде Гвардии Людовой (ГЛ), созданном Якубом Александровичем (псевдоним «Алек») в августе 1942 г. в районе Бялой Подляски, на 27 партизан приходилось 12 поляков, 8 русских и 7 евреев. Все русские в этом отряде были бывшими военнопленными, сбежавшими из близлежащих лагерей².

Польские партизанские отряды в значительной степени были связаны с Армией Крайовой, Крестьянскими батальонами (БХ) и НСЗ. Поскольку большая часть лагерей была расположена в сельской местности, бежавшие военнопленные, прежде чем попасть к «своим», часто пополняли отряды Крестьянских ба-

¹ Popiel J. «Burza» na Pogórze Ciężkowickim i Rożnowskim. Działania 1-go batalionu 16 PP AK Inspektoratu Tarnowskiego w okresie lipiec–październik 1944. Tarnów, 1992. S. 30.

² Matusak P. Okupacja i ruch oporu w Radzynie Podlaskim 1939–1945 // Radzyński Rocznik Humanistyczny. 2006. T. 4. S. 150.

тальонов. В Варшавском и Гарволинском повятах этими батальонами был организован даже путь переброски беглых военнопленных в леса Люблинщины. Часть бежавших при этом принималась в отряды БХ. В них в общей сложности оказалось около 700 бывших военнопленных. Как писал Януш Гмитрук, «это составляло 21% от общего количества солдат БХ, сражавшихся в спецотрядах и партизанских отрядах БХ»¹.

Крайне негативно отнеслись к советским военнопленным и партизанам народовцы, считавшие их угрозой для польского населения. Уже 1 декабря 1942 г. Командование Народовых Сил Збройных рекомендовало «на территории деятельности вооруженных банд (беглые военнопленные большевики, большевистские десанты, евреи, бандиты из местного сброда) совершать контрдиверсионные налеты с целью ликвидации банд, захвата оружия, радиосвязи и т.п. Члены банд подлежат расстрелу как засланные врагом либо как местные бандиты, представляющие опасность для жизни и собственности поляков, о которых не заботятся оккупанты»².

Собственно такие слова неудивительны, принимая во внимание тот факт, что народовцы не признавали возможности установления отношений с СССР, считая его врагом намного страшнее Германии, поведение же бежавших военнопленных нередко было на грани обычного бандитизма. Марек Ян Ходакевич писал: «С момента своего появления партизанские отряды НСЗ концентрировались, прежде всего, на антикоммунистических и антибандитских акциях, которые зачастую совпадали. Представляется, что действительно Народовые Силы Збройне считали все просоветские отряды бандитскими»³.

Согласно мнению Ходакевича, осенью 1942 г., когда в Красницком повяте появилась группа из 18-ти беглых советских военнопленных, партизаны НСЗ под командованием «Леха» (Ежи Невядомского) заманили их в засаду и ликвидировали. Подобная судьба ждала и 67 бывших советских военнопленных, взятых в плен Свентокшиской бригадой НСЗ в 1944 г. Все они были расстреляны⁴.

Однако стоит упомянуть, что бежавшие советские военнопленные, которые отрекались от большевизма, могли рассчитывать и на хорошее отношение. По воспоминаниям Владислава Колачиньского (псевдоним «Жбик»), в отрядах НСЗ также можно было встретить иногда солдат из беглых советских военнопленных⁵.

¹ Gmitruk J. Bataliony chłopskie 1940–1945. Warszawa, 2000. S. 39.

² Gontarczyk P. Polska Partia Robotnicza. Droga do władzy 1941–1944. Warszawa, 2003. S. 281 (сноска 13).

³ Цит. по: Chodakiewicz M. J., Narodowe Siły Zbrojne: «Żąb» przeciw dwu wrogom. Warszawa, 1999. S. 89.

⁴ Motyka G. Jeszcze o stosunku Polaków... S. 466.

⁵ Ibidem.

В свою очередь, наиболее многочисленная среди подпольных боевых организаций Армия Крайова неоднозначно относилась к советским военнопленным. На это, несомненно, оказывало влияние подозрение, впрочем, в значительной степени обоснованное, что советским беглецам не до конца можно верить. В своих воспоминаниях об акции «Буря» Яцек Попель описывал ситуацию, когда после передачи советскому партизанскому отряду почти 40 бывших военнопленных, которые присоединились к батальону «Барбара» после побега из лагеря, в отряде скрылся один из них. Поляки были сперва убеждены в его антикоммунистической позиции, однако «он показал свое истинное лицо. Когда пришли русские, он исчез, а через несколько часов вернулся с патрулем НКВД и забрал все оружие, спрятанное товарищами [...]. Был тогда Азовцев либо специальным подставным агентом, либо хотел реабилитировать себя за свое пребывание в немецком плену»¹.

Слухи о подобного рода поведении усиливали недоверие к советским беглецам. Это приводило ко многим напряженным ситуациям. Особенно напряженным был период весны-лета 1944 г., когда резко возросло количество советских солдат, сбежавших из плена и готовых служить в польских партизанских отрядах. Гжегож Мотыка указывал, что советские военнопленные попали, в частности, в отряды АК Яна Пивника (псевдоним «Понуры») и Антония Хеды (псевдоним «Шары»). По мнению ученого, «во втором отряде их было несколько десятков»².

Станислав Левандовский писал, что в Подляшье «помощь местных боевых отрядов СВБ–АК в 1941–1944 гг. состояла, прежде всего, в предоставлении убежища, лечении больных, прокладывании пути к “своим”», на восток. Командир Седлецкого округа СВБ майор Марьян Заварчиньский (псевдоним «Земовит») и командир Бяло-Подляского округа СВБ майор Станислав Малецкий (псевдоним «Сулима») организовали специальные патрули для сопровождения групп беглецов в люблинские леса в округе Парчева и Романова. В партизанские отряды в Седлцеком и в Соколовском округах было принято по несколько беглецов. В 1943–1944 гг. боевые отряды АК на Подляшье оказывали помощь, отбивая военнопленных, принимая советских солдат в отдельные отряды, несмотря на официальные указания командования этой организации³. При этом командование АК на разных уровнях советовало быть крайне осторожным при оказании помощи беглецам из лагерей.

Жалость и сочувствие к советским военнопленным проявились и в попытках оказания им организованной помощи. Важно упомянуть о создаваемых в

¹ Popiel J. Op. cit. S. 35.

² Motyka G. Jeszcze o stosunku Polaków... S. 462.

³ Lewandowska S. Ruch oporu na Podlasiu 1939–1944. Warszawa, 1982. S. 237–238. Цит. по: Motyka G. Jeszcze o stosunku Polaków... S. 462.

отдельных гминах и городах гражданских комитетах, занимавшихся организацией дополнительного питания для советских военнопленных, хотя эти организации не были большими. Как правило, комитеты возглавлялись учителями и врачами, в их работе принимали участие земельные собственники и представители духовенства. Польский Красный Крест присоединился к акции оказания помощи, хотя немцы запрещали передавать узникам продуктовые передачи¹. В Белостоке была создана Организация помощи советским военнопленным и жертвам гитлеровского террора, однако пока нет подробных сведений о ее деятельности².

Свидетельством того, насколько близко люди принимали к сердцу судьбу советских военнопленных, когда непосредственно сталкивались с ними, является история оказания помощи военнопленным монахами Монастыря Ордена Братьев Меньших Конвентуальных (францисканцы) в Непоколянове, т.е. людьми, для которых СССР был «воплощением дьявола». Сложно в связи с этим им приписать изначальное доброжелательное отношение к красноармейцам. В последний год войны в монастыре в Непоколянове немцы открыли небольшой трудовой лагерь для советских военнопленных. Узников, которых было около 200, ежедневно выводили на работу. Именно во время их работы на территории молокозавода монахи сталкивались с военнопленными. Они рассказывали им о возможных путях бегства, содействовали контактам с местным населением в целях «торговли» и, прежде всего, помогали покупать пищу и подкармливали военнопленных. Побегι случались редко, т.к. военнопленные чувствовали себя неуверенно на неизвестной территории, но несколько попыток удались именно благодаря доброжелательности и помощи монахов. Например, благодаря полученной от монахов информации и карте один из беглецов, русский по национальности, офицер запаса и одновременно врач, попал в отряд АК в Кампинской пущи³. «На молокозавод в Непокалянове, здание которого находилось рядом с лагерем для военнопленных, ежедневно приходили местные крестьяне, чтобы сдать молоко и решить какие-то еще дела. Монахи помогали военнопленным в контакте с этими крестьянами, которым военнопленные продавали разные вещи с военных складов: обувь и одежду, а на полученные деньги покупали также при посредничестве монахов еду у работников молочного кооператива “Агрил” из Варшавы, ежедневно забиравших часть молока с молокозавода в Непокалянове в столицу»⁴.

¹ Marczyk W. Op. cit. S. 126.

² Gnatowski M. Za wspólną sprawę: z dziejów partyzantki radzieckiej w okręgu białostockim. Lublin, 1970. S. 66.

³ Wilczur J. E. Pomoc zakonników jeńcom radzieckim // WTK Tygodnik Katolików. 31.08.1975. № 35(1146). S. 7.

⁴ Ibidem.

Монахи воспользовались тем, что военнопленные работали на оборудовании, которое находилось в монастырских постройках, и когда немцы потребовали поставлять электричество с молокозавода в свои частные квартиры также и ночью, францисканцы попросили выделить еще одного военнопленного для работы. Этот военнопленный (Алексей Поликарпович Соколов был русским, уже в возрасте, происходил из города Пышма, что на Урале) благодаря тому, что мог свободно перемещаться по монастырю, мгновенно превратился в главного и практически «официального» посредника для передачи пищи от монахов¹. «Военнопленные, работавшие на территории монастыря, часто находили на рабочем месте подброшенную монахами еду. Из монастырской кухни по возможности они также кормили работавших рядом военнопленных. На территорию лагеря время от времени монахи подбрасывали через забор, особенно в вечернее время, хлеб и другие продукты питания»².

Однажды, когда из проезжавшего транспорта выскочил один из военнопленных и серьезно пострадал при побеге, монахи сначала занялись им на территории монастыря, а затем перевезли его в больницу повята в Сохачеве. Там, благодаря профессиональной помощи военнопленный выздоровел, а директор больницы д-р Ян Станкевич принял его на работу в качестве больничного вахтера. Так этот военнопленный дождался прихода «своих»³.

Интерес историков вызывало изучение, прежде всего, отдельных лагерей для советских военнопленных, а также судьбы военнопленных в концлагерях, где они не были единственными узниками, хоть и выделялись своей особой позицией. Их исключительность была следствием того, что они были военнопленными, хотя формально не имели этого статуса.

Используя то, что СССР не подписал Женевскую конвенцию⁴, немцы предполагали уничтожить часть взятых в плен красноармейцев. С этой целью использовалась идея борьбы с «большевистской угрозой» и был издан «указ о комиссарах» (*Kommissarbefehl*), позволивший разделить советских военнопленных на тех, кто подпадал под власть вермахта и тех, кого передавали СС. Согласно полученным приказам, отделы СС ликвидировали членов компартии (в особенности политруков) и евреев сразу после взятия в плен. Возникла ситуация, когда в лагеря для военнопленных попадала масса солдат, лишенных идеологического надзора, являвшегося в Красной армии важным фактором, объединявшим

¹ Ibidem.

² Ibidem.

³ Ibidem.

⁴ 17 июля 1941 г. правительство СССР официально проинформировало Швецию о том, что готово формально соблюдать Женевскую конвенцию 1929 г. На практике ее отдельные статьи, касающиеся, например, обмена списками военнопленных, или права военнопленных на получение писем и посылок с родины, советская сторона полностью игнорировала. См.: *Magenheimer H. Hitler. Strategia klęski 1940–1945. Warszawa, 2000. S. 118.*

молодых мужчин, часто плохо говоривших по-русски, происходивших из разных уголков империи. Попав в плен, они оказались в совершенно чуждом им окружении, вдали от родины, могли рассчитывать только на себя. Очень быстро, учитывая ужасные условия в лагерях, начиналась борьба за выживание.

Вскоре немцы начали делить военнопленных по этническому признаку, исходя из того, что военнопленные разных национальностей, например, украинцы, могли пригодиться для реализации их военных целей¹. Это еще в большей степени усилило размежевание среди военнопленных. Так было, например, в лагере Майданек. Как писала Беата Сивек-Чюпак на основании воспоминаний Эдварда Карабаника, «группа примерно в сто человек в русской форме была помещена в лагерь в конце 1941 – начале 1942 гг. Отношение к ним резко отличалось от отношения к другим военнопленным. Их разместили в отдельном бараке, их освободили от тягостной рутины, а эсэсовцы достаточно часто заглядывали к ним, давая какие-то советы»².

В отличие от обычных военнопленных они получали медицинскую помощь. От польского врача, которого назначили заниматься ими, узники узнали, что эти привилегированные заключенные – «группа украинцев [...], которые добровольно сдались в немецкий плен». Об особом отношении к ним писала Беата Сивек-Чюпак, приводя воспоминания очевидца: «От “обычных” военнопленных их отличало также то, что их исключительно хорошо кормили. В то время как остальные умирали с голоду, этой группе всего было вдоволь. Сначала им доставляли еду из эсэсовской кухни, а через несколько дней приготовлением пищи для них занялся их кашевар с помощником. Поскольку приготовление еды проходило в той же кухне, где готовили также для политических заключенных, они могли видеть запасы, которые были предусмотрены для этих необычных военнопленных. Эдвард Карабаник заметил, что у них было предостаточно белого хлеба, масла, мяса. Советские военнопленные пытались кланчить у них еду, но вначале столкнулись с жестоким отношением к себе, особенно со стороны помощника кашевара. Лишь после вмешательства автора воспоминаний этот помощник перестал бить кланчащих еду, а [...] главный кашевар, когда не было помощника, подбрасывал кусок мяса, хлеба, пару картошек русским узникам»³.

Следствием этого было однозначно негативное отношение польских узников к этой части советских военнопленных. Их называли «сектой» и даже «головорезами». Их считали «теми, кто выжил за счет собственных товарищей, кто

¹ Эти действия описаны А. Шнеером в его хорошо документированной книге: *Шнеер А. Указ. соч.*

² *Siwek-Ciupak B. Więźniowie ukraińskiego pochodzenia na Majdanku // Zeszyty Majdanka. 2008. T. 24. S. 166–167.*

³ *Ibidem. S. 167.*

был исполнителем тяжелых физических наказаний, теми, кто безнаказанно убивал узников других национальностей»¹. Такое отношение было не следствием того, что они были советскими военнопленными, а их привилегированного положения и сотрудничества с немцами.

Именно подобные случаи коллаборационизма были основной причиной негативного отношения поляков к советским военнопленным. Если коллаборационизма не было, а была возможность «навредить» немцам, поляки прилагали все силы, чтобы помочь советским военнопленным. Когда по невыясненным причинам немцы поместили группу советских военнопленных в госпитале города Замойска, польские врачи старательно ухаживали за ними. Кшиштоф Чубата писал: «Д-р Онышкевич, директор замойского госпиталя, вспоминал, что немцы устроили польским врачам страшный скандал за то, что те положили советских военнопленных в тех же палатах, что и немецких солдат, и что обед дали сначала русским, а только потом немцам»². Врачи подделывали истории болезней, чтобы задержать раненых и больных в госпитале как можно дольше, даже на несколько месяцев. Они даже пытались помочь некоторым военнопленным бежать³.

Концентрационные лагеря были тем местом, где поляки напрямую сталкивались с советскими военнопленными. И хотя их изолировали на территории лагерей, судьба их была подобна судьбе остальных узников. Была подобна, но не тождественна. В концентрационные лагеря попадали в основном советские офицеры и политруки. Их судьба была уже предreshена – их ждала смерть. Однако то, что за колючей проволокой вызывало сочувствие к советским военнопленным, в условиях лагеря не было поводом для сочувствия и желания помочь. Прекрасной иллюстрацией тому является фрагмент показаний Бартоша Оземковского, который попал в лагерь Аушвиц 16-тилетним юношей и по счастливой случайности получил «работу» в палате для больных. Во время послевоенного процесса над служащими лагеря Аушвиц на вопрос о советских военнопленных он дал следующие показания: «Я стоял на воротах 21 корпуса. Я многократно наблюдал, как из лагеря гнали военнопленных группами, примерно по 200, 150, 100, 300 человек из лагеря для военнопленных в Effektenkammer, где их мыли. [...] Их гнали к корпусу 11 к стене смерти на расстрел. [...] Можно сказать, я имел к этому непосредственное отношение, т.к. около 21 корпуса был газон, по которому советские военнопленные, которых гнали на расстрел, просто бежали [...]. Они топтали траву. Если трава была затоптана, я получал от Клера по лицу. [...]

¹ Ibidem. S. 168.

² Czubara K. Jeńcy sowieccy w szpitalu powiatowym w Zamościu w latach 1941–1942 // Archiwariusz Zamojski. 2003. S. 23–24.

³ Ibidem. S. 24–30.

Я тогда становился на углу газона, загораживая газон руками, и они тогда бежали передо мной к 11 корпусу»¹.

В дальнейшей части показаний Бартош Оземковский рассказал о методах казни советских военнопленных, вывозе их тел, но все это он описывает бесстрастно. Советские военнопленные у него ассоциируются с затоптанной травой, за которую он отвечал. Окружавшая его всюду жестокость, смерть привели к тому, что он не видел ничего особенного в том, что ждало советских военнопленных.

Это, конечно, не означает, что все узники, которые сталкивались с военнопленными, оставались к ним равнодушны. Были случаи проявления не только сочувствия, но и необузданной ненависти. В документальном фильме «Портретист»² главный герой, Вильгельм Брассе³, работавший в лагерном фотоателье и выполнявший фотографии для немецкой медицинской картотеки, имел дело также и с советскими военнопленными. Он вспоминает о заключенном, выполнявшем функции охранника, который приводил фотографировать советских солдат и одновременно постоянно их бил. Его агрессивное отношение к ним было очень сильным. Как вспоминает Брассе, «звали его Руцкий, а поскольку он ненавидел этих русских и ужасно бил их, мы прозвали его Русский. [...] Я даже, хотя и знал, что им немного осталось, просил его, чтобы он их так не бил, потому что потом на фотографиях видны синяки»⁴.

Советские военнопленные в концлагерях составляли всего лишь небольшую часть заключенных. Их судьба на фоне судеб других узников была ужасной, но в ней не было ничего исключительного. Поскольку их количество в концлагерях было небольшим, и они оказались достаточно изолированными, то, как правило, остальные узники относились к ним равнодушно.

Большая часть военнопленных была направлена в лагеря, находившиеся в разных регионах оккупированной Польши. Эти лагеря, как правило, были расположены в достаточно густонаселенной сельской местности. Естественно, контакты местных жителей с военнопленными были практически постоянными. Узников вели в колоннах к месту, где находился лагерь, либо туда, где шталаг должен был быть создан. Именно тогда впервые с ними сталкивались люди, жившие рядом с лагерем. Они относились к военнопленным как к курьезному явлению, особенно к тем, у кого были азиатские черты лица. Кроме того, в них

¹ Frankfurter Auschwitz-Prozess «Strafsache gegen Mulka u.a.», 4 Ks 2/63 Landgericht Frankfurt am Main 56. Verhandlungstag, 18.6.1964, Vernehmung des Zeugen Bartosz Oziemkowski, www.auschwitz-prozess.de (15.02.2014).

² Документальный фильм «Портретист», реж. И. Добровольский, Польша, 2005.

³ Вильгельм Брассе (1917–2012), польский фотограф, во время Второй мировой войны был узником под № 3444 немецкого концентрационного лагеря Аушвиц, где по заданию СС вел секретную фото-документацию.

⁴ Рассказ Вильгельма Брассе в документальном фильме «Портретист».

видели «большевиков», изображаемых в довоенной пропаганде исключительно в темном свете. И, наконец, для них это были представители страны, которая вместе с немцами привела их к сентябрьской катастрофе 1939 г. Казалось, что все это должно было вызвать исключительно чувство неприязни к советским военнопленным.

Немецкие власти с целью противодействия какому-либо проявлению сочувствия к военнопленным со стороны польского общества пробовали представить их в крайне негативном свете. С этой целью по улицам Варшавы водили «грязных, истощенных, в рваной одежде военнопленных». Но, как утверждает Веслав Марчик, реакция людей была совершенно противоположной той, на которую рассчитывали оккупанты. «Прохожие бросали военнопленным хлеб, еду и папиросы», и это происходило в большинстве населенных пунктов, через которые проводили колонны военнопленных: в Демблине, Рембертове, Вольштыне, Остров-Мазовецком, «где люди вставали вдоль дороги, ведущей от железнодорожной станции к лагерю, и старались дать военнопленным еду и воду». В связи с этим немецкие власти отказались от «показов» и даже запретили гражданским лицам смотреть на проход колонн военнопленных¹.

Условия, в которых держали советских военнопленных, были нарушением любых норм и вызвали естественное чувство жалости, производя тягостное впечатление даже на общество, уже почти два года находившееся в условиях немецкой оккупации. В сохранившихся описаниях лагерей доминирует картина бесчеловечного отношения к военнопленным, голода, отсутствия основных санитарных удобств и жилых зданий. Даже если на территории лагеря находились бараки, их количество было недостаточным для всех военнопленных, значительная часть людей была вынуждена находиться под открытым небом.

И на территории, которая после 17 сентября 1939 г. была оккупирована СССР, судьба военнопленных вызывала сочувствие. Характерны воспоминания Збигнева Янчевского², в то время совсем мальчишки, которому война поначалу показалась забавным приключением. Свою встречу с советскими военнопленными Янчевский описал именно в этом духе: «Этот день был для меня полон впечатлений. По главной улице с востока со стороны Корца под конвоем немецких солдат двигалась бесконечная колонна советских военнопленных. Их были тысячи – изнуренные, испытывающие жажду, голодные, среди них было много

¹ Marczyk W. Op. cit. S. 125.

² Збигнев Янчевский (1926 г.р.) – автор рукописи «Wołyński książe. Życie w burzliwych czasach» («Волынский князь. Жизнь в бурные времена»), переданной в архив Центра КАРТА в Варшаве, фрагмент из которой был опубликован под знаменательным названием «Najazd na okupanta» («Нападение на оккупанта»). Работал в строительстве и в качестве гида по Вармии и Мазурии. Он сотрудничал с центральной и районной прессой в Ольштыне и Щецине, публикуя тексты по истории Вармии и Мазурии. См.: Nota biograficzna Zbigniew Janczewski // Karta. 2012. № 71. S. 60.

раненных и больных. Они шли с опущенными головами как люди обреченные на смерть. Она ждала их за колючей проволокой лагерей для военнопленных, самая страшная из всех смертей, голодная смерть. Я узнал об этом позже. Бросаемые в телеги словно бревна тела вывозили за город на старое еврейское кладбище»¹.

Хотя сам Янчевский не воспринимал советскую оккупацию в мрачном свете, тем не менее в своих воспоминаниях он передал не слишком доброжелательное отношение поляков к советским военнопленным в начальный период немецкой оккупации. Когда, к примеру, были открыты тела польских заключенных, уничтоженных отступающими отрядами НКВД, никто не жалел советских военнопленных, которых немцы заставили убрать тела².

Вскоре в городе появились объявления, информировавшие о том, что за предоставление помощи сбежавшим военнопленным или евреям грозило наказание – смерть. Означало это, что, несмотря на жесткую советскую оккупацию, на смену первоначальному чувству удовлетворения от поражения предыдущего оккупанта, появилось естественное человеческое сочувствие. В особенности, когда оказалось, что немецкая оккупация была хуже советской. В том месте, где описывается прибытие в город следующих колонн военнопленных, воспоминания Янчевского уже переполнены сочувствием: «Где-то в середине июля по городу разошлась весть: “гонят русских”. По главной улице города с востока на запад конвоируемая немецкими солдатами текла бесконечная река взятых в плен советских солдат. Они шли и шли целый день, ночь и еще один день – без перерыва. Уставшие, голодные, измученные. Они несли раненых, ослабших из-за голода и жажды. Они молили о глотке воды, куске хлеба. Немногим мы могли им помочь: хлеба не было у нас самих, а подать кружку воды было опасно. Конвоиры грозно щелкали затворами автоматов и пинками прогоняли сердобольных»³.

Будущее этих военнопленных, по воспоминаниям Янчевского, было печальным. Они были согнаны на небольшом учебном плацу в Ровно, где вскоре съели всю траву. Они молили прохожих дать хоть что-нибудь из еды. Для автора воспоминаний это был страшный урок осознания того, что такое война: «Я воочию убедился теперь, что для человека значит хлеб. У магазина, куда время от времени привозили по несколько сот буханок черного хлеба, клубилась толпа. В переулках притаились евреи, которые несущему хлеб втискивали снятую с себя одежду. За забором из колючей проволоки ждали умирающие с голода военнопленные. Война показала свое жестокое лицо. Я и еще несколько ребят с нашей улицы из-за отсутствия хлеба собирали по огородам морковь с капустой

¹ Janczewski Z. Najazd na okupanta // Karta. 2012. № 71. S. 65.

² Ibidem.

³ Ibidem. S. 67.

и бросали им через забор. Мы это делали до тех пор, пока какой-то рассвирепевший охранник не пустил в нашу сторону несколько очередей из автомата»¹.

На оккупированных ранее СССР территориях отношение общества к советским военнопленным стало со временем меняться. Немецкая оккупация оказалась еще более жестокой по сравнению с прежней советской, а, кроме того, немцы стали отдавать явное предпочтение украинцам. Украинцы думали о независимости, а немцы видели их в роли помощников на оккупированной территории. В скором времени оказалось, что в существующей ситуации единственными союзниками поляков могут быть лишь советские партизанские отряды, которые в большинстве своем состояли из бежавших военнопленных. То, что на других территориях оккупированной Польши воспринималось скорее как проблема, здесь к юго-востоку от Варшавы перед лицом украинской угрозы было желанным явлением. В увеличении количества советских партизанских отрядов поляки видели шанс на выживание. Следствием этого было желание оказывать помощь бежавшим военнопленным².

Положение советских военнопленных значительно ухудшилось осенью 1941 г. с первыми заморозками. Тогда начались массовые смерти военнопленных, прежде всего из-за переохлаждения. Ослабленные, замерзшие люди были в большей степени подвержены заболеваниям. Вскоре в лагерях начались вспышки эпидемий дизентерии, тифа, что дополнительно увеличивало смертность. Немцы не предоставляли никакой медицинской помощи, допускали лишь лечение врачами из числа военнопленных, у которых не было ни медикаментов, ни инструмента. Такое количество людей, согнанных на небольшой территории, в момент вспышки эпидемий естественно представляло угрозу и для проживавших в окрестностях лагерей. Ведь многие из них, так или иначе, контактировали с заключенными, которых немцы использовали на немецких предприятиях, а также на временных работах. В этих условиях эпидемии с легкостью распространялись за пределами огороженных колючей проволокой лагерей. Когда в лагере рядом с деревней Шебне началась эпидемия тифа, в скором времени болезнь, несмотря на предпринятые меры предосторожности, распространилась на близлежащие населенные пункты. Помогая больным, умерла дочь местного крупного землевладельца Хелена Горайская. При этом вина за распространение болезни была возложена не на военнопленных, а именно на немцев, которые держали военнопленных в таких условиях³.

¹ Ibidem.

² *Motyka G.* Kolaboracja na Kresach Wschodnich II Rzeczypospolitej 1941–1944 // *Pamięć i Sprawiedliwość*. 2008. № 1(12). S. 192–193; *Gmitruk J.* Op. cit. S. 33–34. Януш Гмитрук приводил примеры совместных действий отрядов польской самообороны и советских партизан по защите населенных пунктов Пшебраже и Раньска Долина, где проживали поляки.

³ *Zabierowski S.* Op. cit. S. 40.

Боязнь эпидемий не удержала людей от желания помогать военнопленным. В лесах в округе Парчева, где пряталось особенно много сбежавших военнопленных, в большинстве больных тифом, началось распространение эпидемии на близлежащие деревни. И хотя, например, в деревне Хуща Бяло-Подляского повята весной 1942 г. умерло более 100 чел., заразившихся тифом, помощь военнопленным все равно продолжали оказывать¹.

Эта помощь, особенно в первый период, носила спонтанный характер. Люди старались дать военнопленным, прежде всего, пищу, напитки, папиросы и т.п. Те, кто работал на предприятиях, куда советских военнопленных доставляли на принудительные работы, делились с ними своими завтраками, информировали о том, где они находятся². Бывали случаи оказания помощи при побеге, как например, в лагере Свенты-Кшиж, где польские рабочие передали военнопленным копию ключа от внешних ворот³.

Военнопленные, особенно в конце 1941 г. и в начале 1942 г., оказывались перед выбором: смириться, активно противостоять или решиться на сотрудничество. Любой из вариантов означал отсутствие возможности возвращения к нормальной жизни⁴. Смирение означало смерть от голода, что стало уделом большинства военнопленных. Сотрудничество с немцами отдаляло призрак смерти, но, как правило, было связано лишь с временным улучшением судьбы. Ужасающие условия лагерной жизни привели к решению о коллаборационизме около миллиона военнопленных. В свою очередь активное сопротивление давало надежду на выживание только в случае побега, который без поддержки за пределами лагеря часто заканчивался трагедией. Гжегож Мотыка приводит пример бунта советских военнопленных в лагере в Сухожебрах, где 3 сентября 1941 г. несколько тысяч военнопленных одновременно бросилось бежать через двойной ряд колючей проволоки. Немцы огнем из автоматов расправились с красноармейцами, только части из них удалось вырваться на свободу. Благодаря помощи местных Крестьянских батальонов эта группа беглецов выжила⁵.

Часто случалось так, как в случаях побегов из лагеря в Шебнях, о которых местные жители сообщали в своих послевоенных показаниях. Лагерные служащие регулярно организовывали охоту на беглецов, используя лошадей и собак, а украинские надсмотрщики обыскивали все близлежащие постройки⁶.

¹ Gmitruk J. Op. cit. S. 18.

² Starczewski M. Ruch oporu na Górnym Śląsku i w Zagłębiu Dąbrowskim w latach 1939–1945. Katowice, 1988. S. 222.

³ Archiwum Instytutu Pamięci Narodowej w Kielcach. 53/4808 (Ds. 17/67 Sandomierz). K. 41.

⁴ Gorycki L. Między oporem, biernością a współpracą – jeńcy sowieccy w niewoli niemieckiej. Referat wygłoszony podczas III Ogólnopolskiej Konferencji «Auschwitz i Holokaust na tle zbrodni ludobójstwa w XX w. Jednostka wobec zbrodni», Oświęcim, 25–28 czerwca 2012 r.

⁵ Motyka G. Jeszcze o stosunku Polaków... S. 464–465.

⁶ Zabierowski S. Op. cit. S. 46.

Побеги становились все более частыми. Согласно сведениям Гжегожа Мотыки, из 67 тыс. случаев побегов советских военнопленных, происходивших во всех немецких лагерях, около половины приходится на те, которые находились на польских землях¹. Кроме того, помощь местного населения становилась все более эффективной. Хотя временами приходилось за это платить высокую цену. В ответ на увеличивающееся расположение польского общества к советским военнопленным 23 октября 1941 г. по распоряжению Ганса Франка о военнопленных в Генерал-губернаторстве полякам были запрещены любые контакты с военнопленными. Те, кто скрывал беглецов, передавал им еду, одежду, даже показывал дорогу, подлежали тюремному заключению. Дополнительно гмины должны были выплачивать индивидуальные или коллективные денежные штрафы². В действительности все было гораздо хуже. Неоднократно людей, скрывавших военнопленных, расстреливали на месте. Согласно Гжегожу Мотыке, «известно как минимум несколько сотен случаев казни поляков за оказание помощи советским военнопленным»³.

Казни гражданского населения за оказание помощи военнопленным были санкционированы Вильгельмом Крюгером, верховным руководителем СС и полиции (Hoherer SS- und Polizeiführer) в Генерал-губернаторстве. Это по его указанию в Люблине 22 февраля 1942 г. были расклеены объявления, в которых говорилось об обязательном заявлении в полицию в течение 24 часов о появлении «преступных групп», одновременно за донесение о беглых военнопленных была обещана награда в сумме до 10 тыс. злотых⁴.

Именно в Люблинском воеводстве, по утверждению Юлиана Тобиаша, находилось больше всего беглых военнопленных. Там также располагались многочисленные лагеря для военнопленных, как, впрочем, и большие лесные массивы, дающие возможность укрыться. Кроме того, в прошлом эти земли входили в состав Российской империи, и многие, особенно пожилые жители, более-менее знали русский язык. Историки, занимающиеся изучением периода оккупации на этой территории, даже выделили четыре района, где скрывались советских военнопленных, указав деревни, которые особенно помогали военнопленным:

- 1) Липские, Яновские леса и Сольская пуца вместе с населенными пунктами: Людмилувка, Грабувка, Жечица Земяньска, Тшидник;
- 2) территория вокруг Замостья и Красныставский повят;
- 3) деревни Пшиписувка, Бжезины, Сероцк, Лушава, находившиеся на стыке трех повятов: Лубартовского, Луковского и Радзыньского;

¹ Motyka G. Jeszcze o stosunku Polaków... S. 463.

² Zabierowski S. Op. cit. S. 48.

³ Motyka G. Jeszcze o stosunku Polaków..., op. cit. S. 467.

⁴ Zabierowski S. Op. cit. S. 48.

4) территория между городами Острув-Любельски, Парчев, Мендзыжес-Подляски, Влодава, Семятыче и Бяла-Подляска, на ней находилось больше всего сбежавших¹.

Скрывавшимся в лесах местное население помогало, доставляя пищу, гражданскую одежду или давая возможность осуществить основные гигиенические процедуры. Чтобы уберечься от ответственности перед немцами, использовался оригинальный способ доставки еды. Зная о скрывавшихся в близлежащих лесах беглых военнопленных, местные жители коллективно отправлялись по грибы, забирая с собой в корзинах еду, которую затем оставляли в оговоренных местах².

Способы поиска пропитания также свидетельствуют о находчивости и самопожертвовании польского населения. Например, секретарь гмины Вельголяс на Люблинщине выдавал местным крестьянам фальшивые расписки о предоставлении животных на убой в рамках госпоставок. Полученное таким образом мясо предназначалось для беглых военнопленных³.

Конечно, нет речи о том, что все жители, которые столкнулись с беглецами из лагерей для военнопленных, хотели им помочь. Некоторые относились к советским военнопленным равнодушно, а иногда даже враждебно. Эта неприязнь была следствием опасений, что группы военнопленных могут объединяться в банды грабителей, что находит подтверждение в жалобах, подававшихся в участки и комиссариаты синей полиции, в которых в основном указывалось именно на случаи краж и разбоя, совершаемых беглыми советскими военнопленными⁴.

Появилась, правда немногочисленная, группа людей, воспользовавшихся немецким предложением получить вещевые и денежные награды за донос на беглецов из лагерей для военнопленных. Хотя, как правило, это не были значительные награды, для многих они оказались достаточными, чтобы выдать сбежавших военнопленных в руки немецкой жандармерии. Имеет смысл привести список предлагаемых немцами наград, который в объявлении от 28 июля 1942 г. перечислил повятовый староста в Соколове-Подляском Эрнст Грамсс. За предоставление информации, в результате которой будут пойманы или ликвидированы беглецы, он ввел следующие тарифы: «За 1 большевика или бандита – 1 пара новых сапог, за 2–3 – дополнительно кроме сапог новая рабочая одежда, до 5 большевиков или бандитов – 1 высокопродуктивная молочная

¹ Doroszek J. (et al.) Zbrodnie hitlerowskie w regionie bialskopodlaskim 1939–1944. Red. M. Kowalski. Lublin, 1977. S. 102–103.

² Gmitruk J. Op. cit. S. 17.

³ Ibidem. S. 33.

⁴ Misiuk A. Historia policji w Polsce. Od X wieku do współczesności. Warszawa, 2008, s. 167–168.

корова, а если большевиков или бандитов будет больше 5, то сообщивший об этом получит 1 обустроенное хозяйство»¹. Учитывая, что в некоторых местах скрывались группы военнопленных, насчитывавшие по несколько, а порой и по несколько десятков человек, искушение было сильным.

Оккупационные власти возложили на гражданское население дополнительную обязанность. В рамках организуемых т.н. противопожарных караулов жители должны были сообщать о появлении беглых военнопленных. За «ликвидацию прибывших большевиков» были обещаны водка и папиросы. Также напоминалось, что если противопожарные бригады не проявят достаточной бдительности, то наказана будет вся деревня².

В упомянутом объявлении, изданном подляским старостой Грамссом, подчеркивалось, что «лица, оказывающие помощь большевикам или бандитам, будут лишены своего хозяйства и свободы»³. Как следует из исследований об оккупации на этих территориях, в одном только Соколовском повяте за оказание помощи беглым военнопленным и евреям было расстреляно 300 чел. Была также введена коллективная ответственность. За укрытие двух советских военнопленных были выселены без права возвращения жители деревни Хмельник в повяте Соколув-Подляски. Им было разрешено только забрать личные вещи. Часть жителей понесло дополнительное наказание, они были заключены в трудовом лагере Треблинка I, а сына хозяина, у которого скрывались военнопленные, увезли в тюремный центр Павиак в Варшаве⁴.

Репрессии становились все более жестокими. Происходили трагедии подобные истории семьи Савицких в Савице-Бронише гмины Бронише на Люблинщине, скрывавшей советского военнопленного. В результате доноса 17 июня 1943 г. жандармерия уничтожила всю семью из семи человек. Тела были оставлены внутри построек, которые затем были полностью сожжены⁵.

О разных случаях оказания помощи советским военнопленным и ее последствиях мы продолжаем узнавать и в наше время. Примером тому может быть следствие Люблинского отделения Института национальной памяти по делу об «убийстве посредством расстрела 14 жителей деревень Стуйло и Чарнозем». Среди жертв были дети в возрасте двух лет, которых немецкие жандармы не пожалели. Во время следствия было выявлено, что причиной расстрела этих людей стало то, что один из них прятал у себя около месяца советского военнопленного. В течение двух дней, 4 и 5 ноября 1942 г., в деревню прибыло десятка

¹ Gmitruk J. Op. cit. S. 67.

² Ibidem.

³ Ibidem.

⁴ Witt K. Działalność okupanta hitlerowskiego w powiecie Sokołów Podlaski w latach 1939–1944 // Rocznik Mazowiecki. 1970. T. 3. S. 240.

⁵ Gmitruk J. Op. cit. S. 24.

полтора жандармов из Сенницы Ружаной и Вежховин. Поскольку они не могли поймать военнопленного, то провели казни нескольких семей, не пожалев даже младенца, лежавшего в люльке¹.

Немецкие репрессии и доносы на людей, укрывавших у себя военнопленных, вынуждали соблюдать повышенную осторожность. Военнопленные старались защищать тех, кто им помогал. В случае если они скрывались в лесу, то приходили к крестьянам, которым доверяли, когда уже темнело и в оговоренные дни. Бывало, они отдавали жизнь, не раскрыв, кто им помогал, как например, это имело место в деревне Рогузец, где «на мельнице замучили до смерти десятка полтора военнопленных, т.к. те не раскрыли имен жителей, приносивших им еду»². Бывали и такие случаи, как например, с участником Людовского движения Винцентом Желязовским, который помог военнопленным, дав им пищу, карту и компас, а также объяснил, как добраться до «своих». Тем не менее, немецкий патруль поймал военнопленных и во время допроса они указали на Желязовского, как на человека, который помог им. Желязовский был арестован и отправлен в тюрьму Павиак, но во время очной ставки военнопленные изменили свои показания, заявив, что «видят этого человека впервые». Это дало возможность воспользоваться существовавшей среди немцев низшего уровня администрации коррупцией и выкупить Желязовского из немецкой тюрьмы³.

Скрывавшиеся военнопленные геройски себя вели в отношении своих опекунов. Прекрасным примером тому является история советского военнопленного по имени Владислав, сбежавшего из лагеря в Шебнях. Он укрывался в деревне Вроцанки по очереди то у одного, то у другого крестьянина: у Петра Худы и Томаша Гарбаша. В результате доноса гестаповец из Ясла Теодор Джизга лично приехал в деревню, чтобы его арестовать. Не застав его в указанном месте, он жестоко избил обоих крестьян, требуя выдать военнопленного. Томаш Гарбаш в результате побоев потерял слух, но ни он, ни другие крестьяне не раскрыли места укрытия беглеца. Военнопленный, видя последствия визита гестаповца и желая защитить своих опекунов от дальнейших преследований, сам явился на полицейский участок в Ясле⁴.

Поведение военнопленных не всегда было корректным, случались кражи и проявления насилия с их стороны. Однако поляки по большей части старались помочь «от всей души», а спасаемые ими военнопленные проявляли благодар-

¹ Śledztwo w sprawie zbrodni nazistowskich i zbrodni przeciwko ludzkości, w postaci zabójstw poprzez rozstrzelanie 14 mieszkańców wsi Stójko i Czarnoziem, województwa lubelskiego, spośród ludności cywilnej obszaru okupowanego, przez żandarmów niemieckich z posterunków w Siennicy Różanej i Wierzchowinach, do których doszło w dniach 04 i 05 listopada 1942 r. (S. 123/12/Zn), <http://ipn.gov.pl> (15.02.2014).

² Gmitruk J. Op. cit. S. 25.

³ Ibidem. S. 23.

⁴ Zabierowski S. Op. cit. S. 48–49.

ность. Характерными являются прощальные слова советского военнопленного Владимира Бозунова в адрес помогавшей ему и товарищам Ванде Остас из деревни Мокобуды Седлецкого повята: «Дорогая Ванда, мы не можем отблагодарить тебя так, как ты этого достойна. То, что мы здоровы, живы и похожи на людей, это все благодаря тебе и людям, которые тебе помогали. Никто из нас и наших близких, если мы когда-нибудь к ним вернемся, не забудет этого. Мы всегда будет горячо вспоминать вас, ваше тепло и бескорыстную заботу о нас, которой вы одарили нас, подвергая себя и свои семьи столь серьезной опасности. Дружба между нами никогда не ослабнет»¹. Это не были пустые слова. Согласно инструкции проведения допросов сотрудниками «СМЕРШ» бывших военнопленных в проверочно-фильтрационных лагерях², те, которые долго находились среди населения, оказывавшего им помощь, в особенности подозревались в сочувствии реакционерам³.

Между военнопленными и опекавшими их поляками устанавливались временами дружеские отношения, которые сохранились и после войны. Некоторые из выживших военнопленных после войны пытались найти своих добродетелей, чтобы еще раз выразить им свою благодарность. Даже в условиях оккупации поляки, соприкасавшиеся с военнопленными, относились к ним как к своим. Януш Гмитрук описывал визит группы военнопленных на празднование свадьбы в семье Кароляков в деревне Токары. Военнопленные, приглашенные новобрачными, пришли вечером, приняли участие в праздновании, а затем одаренные едой, вернулись в свое укрытие в близлежащем лесу⁴.

Некоторые военнопленные, выздоровев, не покидали тех мест, где скрывались, а начинали жить обычной жизнью, выполняя разную работу, помогая в хозяйстве⁵. Те, кто попадал к польским партизанам, зачастую не выражали особого желания перейти к советским партизанам.

Рассказывая о помощи военнопленным, нельзя пройти мимо уже упомянувшегося явления, каким были доносы на укрывавших беглых военнопленных людей или помогавших им, а также выдачи их оккупационным властям с целью получения материальной выгоды. Эта тема требует дополнительного исследования. Если многое известно о так называемых шмальцовниках, живших за счет шантажа и выдачи оккупационным властям людей еврейского происхождения,

¹ Gmitruk J. Op. cit. S. 43.

² СМЕРШ (Главное управление контрразведки «Смерш» Наркомата обороны СССР) – это было общее название (акроним), используемое в СССР во время немецко-советской войны в отношении отделов военной контрразведки, действовавших в период 1943–1946 гг. Одной из задач было выявление подозрительные элементов среди военнопленных, бывших солдат Красной армии.

³ Терещенко А. Чистилище СМЕРШа. Сталинские «волкодавы». М., 2011.

⁴ Gmitruk J. Op. cit. S. 22.

⁵ Zabierowski S. Op. cit. S. 50.

то в случае доносов на советских военнопленных источники хранят молчание. Возможно, это связано с негативным образом «братьев с востока», закрепившимся в послевоенный период. В начальном периоде ПНР проводились многочисленные процессы о сотрудничестве с гитлеровскими оккупантами. Однако со временем, со все более очевидной зависимостью от Москвы, все, что было направлено против Страны Советов, одобрительно воспринималось польским обществом. Появилось убеждение, что это была своего рода форма борьбы с коммунистами.

В связи с обязательствами, возложенными на местное население, появилась проблема ответственности за участие в облавах, устраиваемых оккупационными властями на скрывавшихся советских беглецов из лагерей для военнопленных. Однако это влекло за собой и конкретную выгоду в форме уже упоминавшихся папирос, алкоголя и благосклонности представителей власти. Одновременно квази-принудительная форма участия в облавах давала на будущее их участникам алиби. Позднее они объясняли, что выдавали военнопленных не ради материальных ценностей, а лишь из-за опасения провокации со стороны немцев, которые могли проверять, например, выполнение своих обязанностей противопожарными караулами.

Подобная история стала уделом Станислава О., который в 1953 г. был осужден на основании декрета «О мере наказания фашистско-гитлеровских преступников, виновных в убийстве и издевательствах над гражданским населением и военнопленными, и предателей Польского народа» на пять с половиной лет тюремного заключения за то, что отвел сбежавших военнопленных в участок немецкой жандармерии. Военнопленные появились ночью именно во время его караула, и хотя решение о передаче военнопленных немцам было принято после совещания нескольких человек, именно Станислав О. вместе с соседом, несшие службу, были привлечены к ответственности. Несмотря на апелляцию семьи Станислава О. об отмене приговора Люблинский окружной суд, рассмотрев просьбу уже в XXI в., т.е. спустя несколько десятков лет после окончания войны, сохранил его в силе. При этом действия этого человека не осуждались соседями, которые подчеркивали: «Он лишь выполнял свои обязанности. Другие на его месте поступили бы так же»¹.

Общая картина, которая складывается на основании приводимых примеров отношения поляков к советским военнопленным в немецком плену, носит позитивный характер. Несмотря на довоенную пропаганду, представлявшую красноармейца в качестве дикого восточного варвара, угрожающего ценностям западной культуры, те, кому довелось столкнуться с военнопленными, в большинстве своем не смогли остаться равнодушными при виде бесконечных

¹ Reszka P. P. Wydał jeńców radzieckich Niemcom. Czy jest patriotą? // Gazeta Wyborcza. 08.10.2011. <http://lublin.gazeta.pl> (15.01.2014).

страданий, которые испытывали военнопленные со стороны немцев. Они старались оказать узникам ту помощь, которую в тех условиях они могли им дать. Это было чрезвычайным явлением, поскольку советские военнопленные были чужими для них в национальном плане. Следует также помнить, что, как отмечает Януш Гмитрук, «это была непосредственная гуманитарная помощь, за оказание которой деревня ничего кроме репрессий и принесенных военнопленными болезней получить не могла»¹. Слово «деревня» в данном случае крайне важно, поскольку подавляющая часть лагерей для военнопленных находилась в сельской местности и в действительности лишь население близлежащих деревень находилась в ежедневном контакте с военнопленными. В большинстве случаев эти контакты приводили к оказанию помощи как спонтанной, так и организованной. В трудных условиях оккупации оказалось, что польское общество способно на самопожертвование и самоотверженность. Хотя за оказание помощи военнопленным грозили суровые наказания, включая смертную казнь, тем не менее, эта помощь оказывалась постоянно. Конечно, сложно говорить о ее всеобщем характере. Там, где не было лагерей, практически отсутствовало понимание трагедии советских военнопленных в немецком плену. Впрочем, это понимание и до сих пор ничтожно мало. По словам Гжегожа Мотыки, «в общественном сознании не существует проблемы советских военнопленных. А ведь это второе, с точки зрения количества жертв, после Холокоста преступление нацистов»². Стоит согласиться с мнением Рафала Внука, утверждавшего, что «судьбой советских военнопленных историки до сих пор не занимались, — это тема, которые еще ждет описания»³.

¹ *Gmitruk J.* Op. cit. S. 4.

² *Reszka P. P.* Op. cit.

³ *Ibidem.*

Беата Сивек-Чюпак

ОТНОШЕНИЕ ПОЛЬСКИХ ОБЩЕСТВЕННЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ И НАСЕЛЕНИЯ ЛЮБЛИНЩИНЫ К СОВЕТСКИМ ВОЕННОПЛЕННЫМ ЛАГЕРЯ МАЙДАНЕК

Советские военнопленные были первой группой узников, которых поместили в люблинский концентрационный лагерь. Само заключение, бытовые условия и обращение с военнопленными – все это было следствием общей нацистской политики по отношению к взятым в плен солдатам Красной армии. Эта политика отличалась исключительной жестокостью. Власти Третьего рейха в данном случае нарушили все международные нормы, касающиеся отношения к военнопленным, и сознательно приговорили их к массовому уничтожению¹. Одним из способов уничтожения была транспортировка к месту заключения. Большинство военнопленных, особенно тех, которых взяли в плен на Украине, заставляли следовать маршем в колоннах на расстояния в несколько сот километров к шлагам². Остальных везли по несколько суток в переполненных товарных вагонах без пищи и воды.

¹ Событием, предвещавшим такое отношение к солдатам противника, взятым в плен, было совещание высшего командования и начальников штабов в преддверии предстоявшего нападения на Советский Союз, в здании рейхсканцелярии 30 марта 1941 г. Гитлер тогда заявил о плане уничтожения политработников Красной армии и сотрудников советской государственной администрации. Он объявил их военными преступниками, которых нельзя считать солдатами и военнопленными, а следует расстреливать на месте без суда. Подтверждением этого решения стал Приказ о комиссарах от 6 июня 1941 г. Жизнь остальных советских военнопленных оказалась под угрозой с момента взятия в плен в связи с инструкцией главного командования вермахта от 8 сентября 1941 г., согласно которой немецкие солдаты должны были жестко вести себя в отношении военнопленных, а в случаях, когда против них безоговорочно не использовалось оружие, пленным грозило суровое наказание. См.: *Datner S. Zbrodnie Wehrmachtu na jeńcach wojennych w II wojnie światowej*. Warszawa, 1964. S. 118–119; *Sawczuk J. Jeńcy radzieccy w stalagu 318 (VIII F) Łambinowicach. Traktowanie i zatrudnianie (lipiec 1941 – sierpień 1942)* // *Łambinowicki Rocznik Muzealny (ŁRM)*. 1974. T. 1. S. 105; *Cygański M. Zbrodnie Wehrmachtu, Waffen SS, SD i Gestapo na jeńcach wojennych w latach II wojny światowej* // *ŁRM*. 1981. T. 4. S. 19–20.

² *Streit Ch. Keine Kameraden. Die Wehrmacht und die sowjetischen Kriegsgefangenen 1941–1943*. Stuttgart, 1978. P. 162–170, 377; *Datner S.* Op. cit. S. 372; *Cygański M.* Op. cit. S. 25.

Первые лагеря для советских военнопленных немецкие власти начали создавать в Люблинском дистрикте еще до нападения на своего бывшего союзника – в мае 1941 г. Шталаги были размещены на территории трех повятов Генерал-губернаторства, приграничных с Советским Союзом: Бяло-Подляском, Хелмском и Замостском¹. Как правило, лагеря не соответствовали основным нормам человеческого существования. Их территория была огорожена колючей проволокой, за которой располагалось несколько зданий для сотрудников охраны. Военнопленные либо находились под открытым небом независимо от времени года и погодных условий, либо теснились в землянках, которые сами выкопали. Не хватало воды и санитарных удобств². Голод и отсутствие медицинской помощи были причиной массовой смертности.

Положение начало постепенно меняться лишь с лета 1942 г. В связи с увеличивающейся нехваткой немецких рабочих, призываемых в армию все более интенсивно, в экономике Третьего рейха начал эксплуатироваться труд военнопленных в полной степени³.

Из 5,7 млн советских военнопленных, оказавшихся узниками немецких лагерей в 1941–1945 гг., около 3,3 млн было убито или погибло в результате голода, катастрофических бытовых условий, избиений или тяжелого труда⁴. Люблинская часть этой трагической статистики составляет около 400 тыс. узников, из которых от истощения умерло около 250 тыс.⁵ Одним из таких кошмарных мест стал созданный под Люблином лагерь Майданек⁶. Причиной депортации сюда советских военнопленных стало, скорее всего, решение Генриха Гиммлера об использовании их в качестве рабочей силы для нужд СС уже в начале немецко-советской войны. Он хотел воспользоваться первоначальным отсутствием интереса к их использованию в немецкой промышленности и взять под

¹ *Dzidosz E., Marszałek J.* Więzienia i obozy w dystrykcie lubelskim w latach 1939–1944// *Zeszyty Majdanka*. 1969. T. 3. S. 88–97.

² *Datner S.* Op. cit. S. 380–392; *Cygański M.* Op. cit. S. 27.

³ Военнопленным продлевали часы работы и заставляли их трудиться в условиях, опасных для жизни, в местах возможных бомбардировок, в шахтах, в военной промышленности, на дорожных и железнодорожных работах, на строительстве, а также в сельском хозяйстве. См.: *Datner S.* Op. cit. S. 384, 385; *Cygański M.* Op. cit. S. 34, 35.

⁴ Сбежавшие из плена были лишь небольшой частью выживших. См.: *Cygański M.* Op. cit. S. 37. Около 800 тыс. человек было освобождено из лагерей и пошло на сотрудничество с немцами, вступило в части вермахта и ваффен-СС, включая дивизии Русской народной освободительной армии. См.: *Streit Ch.* Op. cit. P. 9–10; *Kisielewicz D.* *Oficerowie polscy w niewoli niemieckiej w czasie II wojny światowej*. Opole, 1998. S. 79; *Cygański M.* Op. cit. S. 35, 36; *Datner S.* Op. cit. S. 385–388.

⁵ *Dzidosz E., Marszałek J.* Op. cit. S. 93.

⁶ О советских военнопленных в Майданеке см.: *Siwek-Ciupak B.* *Dwa obozy radzieckich jeńców wojennych na Majdanku // Między Wehrmachtem a SS. Jeńcy wojenni w niemieckich obozach koncentracyjnych*. Red. V. Rezler-Wasilewska. Opole, 2010. S. 38–60.

контроль часть военнопленных, которые формально находились в ведении вермахта¹, с целью их эксплуатации в качестве рабсилы в концлагерях, а также в строительных и промышленных начинаниях СС. Одной из первых задач, для реализации которой предполагалось использовать военнопленных, было создание в Люблине центра германизации и военной базы – одного из так называемых опорных пунктов для частей СС на востоке, предусматривавших строительство жилого квартала для эсэсовцев и их семей, а также хозяйственной базы. Лагерь должен был стать накопителем рабочей силы для ее последующего использования на строительных работах и в планируемом производстве².

Скорее всего, именно в августе 1941 г. было принято решение об использовании военнопленных на строительстве. В конце месяца командующий войсками в Генерал-губернаторстве (*Militärbefehlshaber im Generalgouvernement*) получил информацию о том, что 100 тыс. узников этой категории должны постепенно передаваться в распоряжение Гиммлера в районе Люблина³. Вопрос об их передаче Гиммлер обсуждал также с центральными органами, отвечавшими за концентрационные лагеря. В период 16–22 сентября 1941 г. он провел несколько бесед с Освальдом Полем, начальником Главного административно-хозяйственного управления СС, и Рихардом Глюксом, инспектором концентрационных лагерей⁴. В сентябре 1941 г. Гиммлер заключил соглашение с командующим сухопутных войск. Согласно достигнутым договоренностям, СС должно было принять из шталагов в общей сложности 325 тыс. советских граждан⁵. 25 сентября 1941 г. отдел по вопросам военнопленных при Главном командовании вооруженных сил поручил передать рейхсфюреру СС до 100 тыс. военнопленных, которых планировалось выслатить в район Люблина⁶. Половина должна

¹ *Datner S.* Op. cit. S. 56–57.

² Подробнее о причинах создания Майданека и связанных с ним немецких планах по колонизации и экономической деятельности на востоке см.: *Marszałek J.* Geneza i początki budowy obozu koncentracyjnego na Majdanku // *Zeszyty Majdanka*. 1965. Т. 1. S. 17–29.

³ *Archiwum Instytutu Pamięci Narodowej w Warszawie. Wyroki i akty oskarżenia. Sygn. 258; Scheffler W.* Zur Judenverfolgung des nationalsozialistischen Staates – unter besonderer Berücksichtigung der Verhältnisse im Generalgouvernement und zur Geschichte des Lagers Majdanek im System nationalsozialistischer Vernichtungs- und Konzentrationslager. P. 115.

⁴ *Der Dienstkalender Heinrich Himmlers 1941/42.* Red. P. Witte et al. Hamburg, 1999. P. 210, 215.

⁵ *Marszałek J.* Majdanek. Obóz koncentracyjny w Lublinie. Warszawa, 1987. S. 20. Это количество указывал также Ганс Каммлер, глава Второго управления Главного управления по вопросам бюджета и строительства, в отчете о состоянии строительных работ в концентрационных лагерях в Аушвице и Люблине от 19 декабря 1941 г. См.: *Archiwum Państwowego Muzeum na Majdanku (APMM). Zbiór fotokopii i kserokopii dokumentów (Fotokopie).* Sygn. XIX-41. Akta dotyczące robót budowlanych w Oświęcimiu i Lublinie 1941–1942 (оригинал в Государственном архиве Российской Федерации (ГА РФ). Ф. 1372. Оп. 5, Ед. хр. 156). S. 26–29.

⁶ *Schulte J. E.* Zwangsarbeit und Vernichtung. Das Wirtschaftsimperium der SS. Oswald Pohl und das SS-Wirtschafts-Verwaltungshauptamt 1933–1945, Paderborn 2001. P. 335.

была попасть в Майданек согласно приказу, который двумя днями позже дал Ганс Каммлер, надзиравший за разработкой планов строительства этого лагеря. Он потребовал создать к 1 октября 1941 г. в Люблине и Освенциме лагеря с возможностью размещения в них по 50 тыс. военнопленных¹.

Тем временем оказалось, что ужасное состояние здоровья и крайне ослабленное физическое состояние военнопленных не позволяют реализовать поставленные задачи. В связи с этим в декабре в очередном приказе Каммлера уже говорилось о том, что лагерь Майданек должен принять 150 тыс. военнопленных, или заключенных. В январе 1942 г. Гиммлер сообщил Глюксу, что вместо советских военнопленных в концентрационные лагеря будет депортировано 150 тыс. немецких евреев².

Процесс принятия решения, кратко охарактеризованный выше, оказал влияние на количество советских военнопленных в двух перечисленных лагерях. В октябре 1941 г. на территории, предназначенной для лагеря в Люблине, была заключена первая группа численностью примерно в 1500–2000 военнопленных из лагеря в Хелме. Это были в основном молодые люди, в возрасте не старше 30–40 лет, хорошо сложенные, что говорит о том, что их предполагалось использовать на тяжелых работах по постройке лагеря. Записей о состоянии здоровья и физической форме военнопленных, которые велись в Майданеке в первый период его работы, не сохранилось. Однако, зная реалии лагерей для советских военнопленных, можно предположить, что их состояние было таким же, как и у военнопленных, направленных в лагерь Аушвиц.

Комендант Аушвица Рудольф Хёсс вспоминал, что военнопленные, направленные туда из лагеря для военнопленных в Ламбиновицах, на основании приказа Каммлера от начала октября, «были готовы трудиться, однако из-за физического ослабления ничего не могли делать». И это несмотря на то, что согласно распоряжению Гиммлера, в лагерь СС для военнопленных должны были направляться только сильные и способные к труду военнопленные. Из сообщений конвоировавших их офицеров следовало, что это были лучшие из тех, кто находился в упомянутом лагере³.

В момент прибытия военнопленных в Майданек здесь не было еще никакой инфраструктуры. В связи с этим часть из них была, скорее всего, размещена в хозпостройках деревни Дзесёнта, расположенной на территории, предусмо-

¹ АРММ. Fotokopie. Sygn. XIX-164. Materiały dotyczące KL Lublin 1941–1944. S. 6.

² АРММ. Fotokopie. Sygn. XIX-164. Materiały dotyczące KL Lublin 1941–1944. K. 11; pismo Himmlera z 26 stycznia 1942 r // *Faschismus – Getto – massenmord. Dokumentation über Ausrottung und Widerstand der Juden in Polen während des Zweiten Weltkrieges*. Berlin, 1961. P. 268.

³ Ср. положение советских военнопленных, направленных в лагерь Аушвиц по приказу от 25 сентября 1941 г.: *Autobiografia Rudolfa Hössa, komendanta obozu oświęcimskiego*. Warszawa, 1989. S. 120–122.

тренной под строительство лагеря: в овине одного из хозяйств и домах, покинутых двумя хозяевами. Те, кому не хватило места в этих постройках, вынуждены были ютиться в построенных своими руками землянках в неблагоприятных погодных условиях¹. Они были заняты на работах по ограждению полей и строительстве первых зданий, в которые их заселяли по мере готовности².

Катастрофические бытовые условия, плохая еда и ужасное обращение с военнопленными – все это снижало и так небольшие силы узников. Их рацион питания составлял около 120 г хлеба в день, кружка теплой воды утром, на обед – пол-литра лишнего энергетической ценности супа-«болтушки». Изголодавшиеся, ослабленные они пытались просить еду в лагерной кухне, собирались в том месте, куда выбрасывались отбросы, в которых они пытались найти остатки пищи, пригодные для еды. Согласно двум свидетельствам, бывали даже случаи каннибализма. Одно из свидетельств было дано очевидцем Хенриком Бандосом, работавшим в лагере в качестве т.н. вольнонаемного работника, второе – Веславом Добровольским (Исааком Дейманом), евреем-узником, попавшем в лагерь Майданек в апреле 1942 г. и слышавшем о подобном факте. Сходные ситуации описаны также Рудольфом Хёссом в отношении военнопленных, заключенных в концлагере Аушвиц³.

Ухудшение состояния здоровья военнопленных происходило в связи с катастрофическими санитарными условиями. У них не было возможности пользоваться ни водой для умывания, ни менять одежду (у них имелись теплая одежда и сапоги, однако из-за холода они не снимали ее, даже когда ложились спать). Ослабленные из-за голода и холода, военнопленные умирали от болезней, в

¹ *Kosibowicz T. Lekarze w pasiakach // Przeżyli Majdanek. Lublin, 1980. S. 40. APM. Fotokopie. Sygn. XIX-167. Protokoły przesłuchania świadków przez Komisję Polsko-Radziecką. Protokół przesłuchania świadka W. Skowronka. S. 333; Pamiętniki. Sygn. VII-135/216. Protokół przesłuchania świadka, Jeliński Klaudiusz. S. 3; Nagrania magnetofonowe. Sygn. VIII-232, Bandos H. Wspomnienia; Sygn. VIII-235; fragment zeznania oskarżonego Hermanna Hackmanna // Fechner E. Proces. Obóz na Majdanku w świetle wypowiedzi uczestników rozprawy przed Sądem Krajowym w Düsseldorfie. Tłumaczenie, przedmowa i objaśnienia T. Kranz. Lublin, 1996. S. 48. Cp.: Religa G. Jeńcy sowieccy na Majdanku w okresie październik 1941 – 14 lipca 1942 r // Zeszyty Majdanka. 2003. T. 23. S. 234. Мы ставим под сомнение достоверность рассказанного Германом Хакманом (сноска 35), однако представляется нелогичным, чтобы подсудимый описывал условия пребывания военнопленных в худшем свете, чем они были на самом деле. Однако окончательно, несмотря на сомнения Гжегож Релига, выдвигает тезис, близкий и автору данной статьи, что военнопленные проживали во всех перечисленных постройках и местах.*

² Fragment zeznania oskarżonego Hansa Villaina, byłego kierownika pola więzińskiego // Fechner E. Op. cit.; APM. Fotokopie. Sygn. XIX-167. Protokół przesłuchania świadka W. Skowronka. S. 333, 334; Ibidem, Pamiętniki i relacje. Sygn. VII/M-54, E. Karabanik, „Majdanek. Obóz zagłady Polaków i Żydów”. S. 11.

³ APM, Zbiór nagrań audio. Sygn. VIII-232, Bandos Henryk, «Wspomnienia»; Dobrowolski W. Pięć lat na muszce (wspomnienia więźnia Majdanka). Lublin, 1994. S. 32; Autobiografia Rudolfa Hössa... S. 121.

первую очередь – от сыпного тифа. Прибывший в лагерь в начале ноября 1941 г. врач из числа узников Тадеуш Косибович вспоминал, что застал там около 1500 военнопленных, из которых половина была заражена тифом либо максимально ослаблена из-за пережитого заболевания. У многих были язвы на лице из-за ран от нагаек, которыми их били эсэсовцы. Несмотря на это не был организован госпиталь, а врачи получали лишь небольшое количество лекарств и перевязочных материалов, которые сразу делили среди страждущих. Наиболее популярным методом борьбы с тифом, используемым сотрудниками лагеря, был расстрел тех, у кого проявлялись признаки болезни. Эти обстоятельства привели к тому, что к 10 ноября 1941 г. в живых осталось менее 500 военнопленных, из которых 350 не были в состоянии работать¹.

О масштабах смертности, а также косвенно и об отношении властей лагеря к военнопленным, заключенным в это время в Майданеке, узнаем из документа о военных потерях и военнопленных (*Wehrmachtsauskunftsstelle*) (от 20 ноября 1941 г.), отосланного властями лагеря в Люблине в Справочную службу вермахта в Берлине. В документе перечислены фамилии 21 из умерших военнопленных, а также сообщалось о смерти еще 19, персональные данные которых власти лагеря не были в состоянии установить (!)². По воспоминаниям Тадеуша Косибовича, в течение трех недель количество военнопленных уменьшилось до 90 с небольшим чел.³. Естественный рельеф территории, которая была отведена под строительство лагеря, непосредственное соседство с пригородной деревней Дзесёнта, близость оживленной дороги Варшава-Львов, и, кроме того, то, что на строительные работы принимались и гражданские лица, привело к тому, что трагедия узников Майданека разыгрывалась на глазах многих свидетелей.

Некоторые люди спонтанно пытались прийти на помощь истощенным несчастным людям. В первую очередь это были работавшие в лагере гражданские лица, которые украдкой делились с военнопленными пайком. Жители близлежащих домов с угрозой для жизни «подбрасывали куски мяса, колбасы, хлеба, зачастую то, что готовили сами»⁴, – вспоминал Эдвард Карабаник, один из первых польских политических узников, переведенный в лагерь в Люблине из концентрационного лагеря Бухенвальд в декабре 1941 г.

¹ АРММ. Fotokopie. Sygn. XIX-41, Akta dotyczące robót budowlanych w Oświęcimiu i Lublinie 1941–1942 (оригинал в ГА РФ. Ф. 1372. Он. 5. Ед. хр. 156). S. 70, 71; АРММ. Pamiętniki i relacje. Sygn. VII-135/251, Protokół przesłuchania świadka, Muszkat Tadeusz. S. 2, 3; Ibidem. Sygn. VII/M-54, *Karabanik E.* Op. cit. S. 11; *Kosibowicz T.* Op. cit.; *Żmijewska-Wiśniewska A.* Zeznanie szefa krematorium Ericha Muhsfeldta // *Zeszyty Majdanka*. 1965. T. 1. S. 138, 139; K.M. książę Radziwiłł. Pamiętniki. Od feudalizmu do socjalizmu bezpośrednio. Warszawa, 2000. S. 238.

² ITS Arolsen/KL Lublin, Order 27. S. 1.

³ *Kosibowicz T.* Zdrowych było niewielu // *Jesteśmy świadkami. Wspomnienia byłych więźniów Majdanka*. Wybór i wstęp C. Rajca, E. Rosiak, A. Wiśniewska. Lublin, 1969. S. 26.

⁴ АРММ. Pamiętniki i relacje. Sygn. VII/M-53, *Karabanik E.* Op. cit. S. 53.

Сатурнина Малм, общественный деятель, известная в Люблине тем, что материально и морально поддерживала заключенных в лагерях для военнопленных и тюрьмах, так вспоминала о своем первом контакте с действительностью Майданека: «Несмотря на страх и грозящую мне опасность [...] я решилась пойти к лагерю, чтобы понять, как можно установить контакт с узниками. После нескольких дней блуждания вдоль огороженного со всех сторон колючей проволокой лагеря, из-за ругательств и угроз охранников мы потеряли всякую надежду установить контакт. [...] Пока я ходила несколько дней вокруг лагеря, я обратила внимание на одноэтажный домик, из которого часто выходили гестаповцы с пачками подмышкой. В один из дней я увидела, как из этого домика вышла женщина, которая вынесла большую кастрюлю с горячей картошкой и начала ее разбрасывать вокруг себя, подзывая кур и уток. Через минуту я поняла, что вокруг ее дома шли какие-то рвы (там велись канализационные работы), которые копали люди, охраняемые эсесовцами. [...] Один из копавших, не заметив, что за ним наблюдает немец, выглянул изо рва и начал быстро собирать и есть картошку»¹.

Описываемая сцена закончилась для узника трагично, однако это не отбило охоту у самой Малм установить контакт с лагерем. Через несколько дней ее ждала удача – благодаря помощи женщины по имени Хелена Полешакова, стиравшей белье эсэсовцев, началась переписка с польским политическим заключенным, врачом Романом Павловским. После получения от него первой информации, из которой следовало, что врачи и другие политические узники были привезены в лагерь для оказания медицинской помощи советским военнопленным, Сатурнина Малм предложила организовать помощь извне для облегчения ухода за больными². В ответ она получила письмо следующего содержания: «Ваши представления обо мне и о нашей миссии здесь слишком завышены и не отвечают действительности. Наша медицина здесь имеет свои особенности, здесь господствует убеждение, что если больна рука, то не стоит спасать жизнь, поскольку ей грош цена, что пусть люди гибнут как мухи, только бы все с виду было хорошо. Мы лишены возможности оказывать помощь каждому, кому она необходима, мы видим всю безнадежность наших стараний, усилий и вкладываемых сил, поскольку все здесь пропадает даром. Мы тяжело трудимся, трудимся с охотой, потому что делаем это для самих себя, ради дела, которое нас полностью захватывает, для тех, кто оказался за колючей проволокой лагеря. Медицина без достаточного количества качественных лекарств и медикаментов – это местная специфика. Липа – как говорится»³.

¹ АРММ. Pamiętniki i relacje. Sygn. VII/M-260, Saturnina Malm, „Przed i za drutami”. S. 1–3.

² Ibidem.

³ Ibidem. S. 4–5.

Эти горькие слова свидетельствуют о том, насколько трудно было передать помощь за колючую проволоку лагеря, несмотря на огромное желание и зов сердца многих людей. Общественные деятели не переставали предпринимать попыток помочь узникам и делали все возможное, чтобы поддерживать их. Со временем удалось даже привлечь к сотрудничеству некоторых немцев, работавших в лагере. Один из них даже получил псевдоним «Телефон» за то, что быстро исполнял поручения, которые давались ему по обе стороны проволоки. Другим немцем, оказывавшим помощь в контактах с узниками, был садовник, который находился на связи с упоминавшейся уже Полешаковой. Благодаря этим людям с лагерем восстанавливалась связь, если вдруг по каким-то причинам она обрывалась¹.

Люблинский опекунский комитет пытался неофициально оказывать помощь узникам. Информация на эту тему содержится в «Текущих новостях» Департамента труда и общественной помощи Делегатуры Правительства от 7 февраля 1942 г. В документе говорилось об «очень эффективной» деятельности, а дата публикации указывает на то, что эти действия были предприняты сразу после доставки в Майданек первых узников².

Единственной полномочной организацией по проведению переговоров об организации помощи содержащимся в тюрьмах и лагерях был Высший опекунский совет (ВОС). Практически с момента своего основания, т.е. с конца мая – начала июня 1940 года³, его члены предпринимали шаги с целью получения официального согласия немецких властей в этом вопросе. Это позволило бы оказывать помощь открыто, и защитило бы помогавших от возможных репрессий, а также упростило бы поиск продуктов питания и средств финансирования. К сожалению, удалось добиться позитивного решения этого вопроса только в начале 1943 г., при этом было разрешено оказывать помощь только польским заключенным. До этого времени деятельность Совета носила тайный характер. Примером тому может служить помощь, оказывавшаяся военнопленным лагеря Майданек.

В Люблине ВОС начал работу уже 6 сентября 1940 г. Поскольку его директором стал представитель Польского Красного Креста (ПКК) в этом городе Людвик Кристианс, деятельность ПКК, значительно ограниченная как раз к моменту появления ВОС, в Люблинском дистрикте стала носить более широкий характер по сравнению с остальными дистриктами Генерал-губернаторства⁴.

¹ Ibidem.

² Centralne Archiwum Komitetu Centralnego Polskiej Zjednoczonej Partii Robotniczej, Delegatura Rządu RP na Kraj, Biuro Prezydyjalne 202/I-42. Цит. по: *Wiśniewska A. Organizacyjny i materialny wkład Lubelskiej Rady Głównej Opiekuńczej w dzieło pomocy dla Polaków osadzonych na Majdanku // Zeszyty Majdanka. 1973. T. 8. S. 11.*

³ Подробнее на эту тему см.: *Wiśniewska A. Organizacyjny i materialny wkład... S. 8–9.*

⁴ Ibidem. S. 10–12.

Сразу после заключения в создаваемом лагере первой группы узников – советских военнопленных – сотрудники люблинского отделения ПКК, «исходя из принципа, что одной из важнейших его задач [...] является оказание помощи военнопленным независимо от их гражданской принадлежности», предприняли «все усилия, направленные на оказание помощи военнопленным лагеря Майданек»¹. Они получили ответ, что военнопленные ни в чем не нуждаются. Из информации, поступавшей из лагеря, вырисовывалась совершенно иная картина. Разговаривая с жителями местных деревень и сотрудниками ПКК, военнопленные молили о помощи. «Несмотря на полученный отказ мы не прекратили предпринимать усилия, чтобы любой ценой попасть к военнопленным», – вспоминал сразу после войны Людвик Кристианс в своей книге «Ад XX века. Преступление, стойкость духа и милосердие», посвященной оказанию помощи ПКК узникам лагеря Майданек. В результате этих усилий удалось несколько раз добиться разрешения комендатуры на поставку хлеба в лагерь². Единственным эффективным способом оказания помощи оставались контакты частного характера, но они были ограничены небольшой группой счастливых – как правило, тех, контакта с которыми добивались их близкие. В этих условиях советские военнопленные оказались в худшей ситуации. Оказываемая им помощь была скудной и неэффективной из-за жестокого отношения к ним сотрудников лагеря и эпидемии тифа, что привело к тому, что в середине января 1942 г. количество красноармейцев резко снизилось до 112 чел. В течение последующих недель оно постоянно уменьшалось и к 10 марта в живых оставалось лишь 53 военнопленных³.

С начала 1942 г. в лагерь уже не приходили транспорты с фронта и из лагерей для военнопленных, находившихся в ведении вермахта. Военнопленные, попадавшие с этого времени в Майданек, – это главным образом беглые из других лагерей для военнопленных и концлагерей, которых доставляли по отдель-

¹ *Christians L. Piekło XX wieku. Zbrodnia, hart ducha i miłosierdzie. Warszawa, 1946. S. 104, 105; APMM. Pamiętniki i relacje. Sygn. VII/M-584, Zofia Wojciechowska, «PCK w Lublinie w latach 1939–1944». S. 9.*

² *Christians L. Op. cit. S. 106; APMM. Pamiętniki i relacje. Sygn. VII/M-584. S. 9.*

³ Исключение составляет дата 19 февраля 1942 г., когда было зарегистрировано резкое падение количества военнопленных на 31 чел. Скорее всего, это было следствием тайного распоряжения главы гестапо Главного управления имперской безопасности Генриха Мюллера от 18 февраля о казни советских военнопленных, осужденных военными судами. Приговоры должны были выполняться в основных лагерях либо в ближайших концентрационных лагерях. *Leszczyńska Z. Kronika obozu na Majdanku. Lublin, 1980. S. 38–39.* Об этой казни вспоминали также польские заключенные, находившиеся в это время в лагере. См.: *APMM. Pamiętniki i relacje. Sygn. VII/M-97, J. Madej. S. 7; sygn. VII-135/13, S. Sidor. S. 1.* Описание дается по: *Odszyfrowane radiotelegamy ze stanami dziennymi obozu koncentracyjnego na Majdanku. Red. T. Kranz, R. Kuwałek, B. Siwek-Ciupak // Zeszyty Majdanka. 2008. T. 24. S. 211.*

ности или небольшими группами¹. Исключение составлял большой нетипичный транспорт 25 февраля 1944 г. Тогда было привезено около 60 женщин из лагеря в Хелме. Они находились в Люблинском лагере до 19 апреля 1944 г., когда были вывезены в связи с эвакуацией в концлагерь Равенсбрюк². Большинство военнопленных мужчин было «эвакуировано» 4 апреля 1944 г. в концлагерь Нацвейлер, а оттуда некоторых из них перевели в сентябре того же года в концлагерь Дахау³.

В свете имеющихся исследований и доступных источников можно говорить о том, что в 1941–1944 гг. находилось в заключении около 2,5 тыс. советских военнопленных в концлагере Майданек и около 3,5 тыс. в автономном лазарете для военнопленных военных инвалидов, размещавшемся на территории концлагеря Майданек, но не находившимся под руководством его комендатуры⁴. Судьба первой группы, привезенной в октябре 1941 г., была трагической – практически все погибли в лагере Майданек из-за катастрофических бытовых условий, болезней, нечеловеческого отношения и изнурительного труда, либо в результате расстрела. Немногим лучше была судьба военнопленных, попадавших в концлагерь Люблин, начиная с середины июля 1942 г. Анализ данных о состоянии узников не указывает на резкие перемены внутри группы, численный состав которой был практически постоянным до декабря 1943 г., можно говорить лишь о небольших его колебаниях⁵.

В действительности помощь общественных организаций, оказывавшаяся узникам с середины 1943 г., не могла быть официально адресовано никому, кроме польских узников; однако те, кто получал посылки от родных при посредничестве ПКК, уже не были в той степени, как раньше, заинтересованы в лагерных

¹ *Marszałek J.* Majdanek. Obóz koncentracyjny w Lublinie. Warszawa, 1981. S. 55; *Leszczyńska Z.* Transporty więźniów do obozu na Majdanku // *Zeszyty Majdanka*. 1969. T. 4. S. 180 i n.

² АРММ. Nagrania wideo. Sygn. XXIII-21, Helena Bujakowska, Relacja; *Perzanowska S.* Gdy myśli do Majdanka wracają... Lublin, 1970. S. 42.

³ АРММ. Fotokopie. Sygn. XIX-97/Na, Lista transportowa do KL Natzweiler. Sygn. XIX-110, Karty personalne więźniów. K. 101, 176, 177, 180. На персональных карточках сохранились номера всех трех лагерей. Дата транспорта в концлагерь Дахау установлена на основании информации, полученной в Архиве места памяти в Дахау.

⁴ На тему военнопленных-инвалидов см.: *Siwek-Chupak B.* Lazaret dla inwalidów – byłych radzieckich jeńców wojennych na Majdanku w latach 1943/1944 // *Zeszyty Majdanka*. 2001. T. 21. S. 7–25.

⁵ АРММ. Archiwum administracji obozu koncentracyjnego w Lublinie. Sygn. I c2, v. 1: Stany liczbowe więźniów obozu męskiego, stan za grudzień 1943 r.; *Ibidem*. Sygn. I a2: Dienne meldunki o stanach liczbowych więźniów przesłane przez Komendanturę KL Lublin do WVHA-Amtsgruppe D (14–16.04.1943 i 1–31.12.1943), stan za grudzień 1943 roku; *Ibidem*. Fotokopie. Sygn. XIX-595: Stärkemeldungen. Meldunki o liczbie więźniów w obozie na Majdanku, 1943 (1.04–14.06.1943); Odszyfrowane radiotelegramy... S. 218 i n.

пайках, а это значит, что они могли попасть к тем, кому были нужнее. Известны также случаи, когда польские узники, получавшие посылки, делились едой с содержащимися в том же здании украинцами¹. В связи с этим можно сказать, что помощь ВОС и ПКК попадала к ним косвенным образом вплоть до момента «эвакуации» узников в лагеря вглубь Третьего рейха, которая была проведена в апреле 1944 г.

¹ *Siwek-Ciupak B.* Więźniowie ukraińskiego pochodzenia na Majdanku // *Zeszyty Majdanka*. 2008. Т. 24. S. 177; о предоставлении еды польскими заключенными военнопленным других национальностей см. также: *Idem.* Więźniowie białoruscy w obozie koncentracyjnym na Majdanku // *Zeszyty Majdanka*. 2003. Т. 22. S. 210, 212, а также: *Kiriszczenko P.* Transporty z Białorusi // *Przeżyli Majdanek...* S. 197.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	5
<i>Якуб Войтковяк</i> . Жертвы забытого геноцида	12
<i>Гжегож Мотыка</i> . Трагедия советских военнопленных во время Второй мировой войны в польской историографии	20
<i>Ян Данилюк</i> . Советские военнопленные в Гданьском Поморье и Куявии в годы Второй мировой войны (избранные вопросы)	35
<i>Рената Кобыляж-Була</i> . Солдаты Красной армии в лагерях для военнопленных Ламсдорф (1941–1945 гг.)	52
<i>Анджей Рыбак</i> . Судьбы советских военнопленных в Шталаге 319 Хелм.	70
<i>Адам Пулавский</i> . Позиция Польского подпольного государства в вопросе о советских военнопленных	91
<i>Анджей Хмеляж</i> . Забытые солдаты. Бывшие военнопленные – солдаты и офицеры Красной армии в Армии Крайовой	118
Кувалек Роберт . Коллаборационизм из страха? Советские военнопленные в подразделении Вахманшафт СС учебного лагеря СС Травники	135
<i>Лешек Горыцкий</i> . Отношение польского гражданского населения к советским военнопленным во время Второй мировой войны	160
<i>Беата Сивек-Чюпак</i> . Отношение польских общественных организаций и населения Люблинщины к советским военнопленным лагеря Майданек	184

Советские военнопленные
во время Второй мировой войны на польских землях
Сборник статей

Главный редактор издательства *И. А. Савкин*

Дизайн обложки *И. Н. Граве*

Оригинал-макет *Л. Г. Иванова*

Корректор *С. А. Семенов*

ИД № 04372 от 26.03.2001 г.

Издательство «Алетейя»,

192171, Санкт-Петербург, ул. Бабушкина, д. 53.

Тел./факс: (812) 560-89-47

Редакция издательства «Алетейя»:

СПб, 9-ая Советская, д. 4, офис 304,

тел. (812) 577-48-72, aletheia92@mail.ru

Отдел продаж: fempro@yandex.ru, тел. (921) 951-98-99

www.aletheia.spb.ru

*Книги издательства «Алетейя» можно приобрести
в Москве:*

«Библио-Глобус», ул. Мясницкая, 6. www.biblio-globus.ru

Дом книги «Москва», ул. Тверская, 8. Тел. (495) 629-64-83

«Русское зарубежье», ул. Нижняя Радищевская, 2. Тел. (495) 915-27-97

«Фаланстер», М. Гнезниковский пер., 12/27. Тел. (495) 749-57-21, 629-88-21

«Циолковский», ул. Б. Молчановка, 18. Тел. (495) 691-51-16

в Киеве:

«Книжный бум», книжный рынок «Петровка», ряд 62, место 8.

Тел. +38 067 273-50-10, gronl111@mail.ru

в Минске:

«Экономпресс», ул. Толбухина, 11. Тел. +37 529 685-70-44, shop@literature.by

в Варшаве:

«Centrum Nauczania Języka Rosyjskiego»,

ul. Ptasia 4. Тел. (22) 826-17-36, szkola@jezykrosyjski.com.pl

в Риге:

«Intelektuāla grāmata»

Rīga, Kr. Barona iela 45/47. Тел. 67315727, info@merion.lv

Интернет-магазин: www.ozon.ru

Формат 70х100¹/₁₆. Усл. печ. л. 15,56. Печать офсетная.

Заказ № 122276

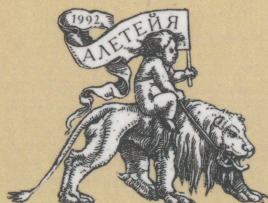
С июня 1941 года до конца Второй мировой войны в немецкий плен попало, по разным оценкам, от 4,5 до 5,7 миллионов советских военнопленных, из них до 800 тысяч было умерщвлено в немецких лагерях. Этот «забытый геноцид» остается одним из трагических сюжетов, который все еще ждет места в памяти европейцев. Советские военнопленные были второй по численности, после евреев, группой, которая подлежала обязательному массовому уничтожению. Они умирали от голода, холода и болезней в сотнях лагерей в третьем Рейхе и на оккупированных территориях. По меньшей мере, 1,5 миллиона погибло на землях нынешней Польши.

Бежавшие из плена участвовали в Сопротивлении польского подполья, составили первую по численности группу иностранцев, участвовавших в Варшавском восстании или вступали в советские партизанские отряды. Однако часть военнопленных, перейдя на немецкую службу, усмиряла восстания, служила в концлагерях.

Собранные в книге материалы польских историков имеют своей целью ознакомить читателей с этой сложной проблематикой.

CENTRUM
POLSKO-ROSYJSKIEGO
DIALOGU I POROZUMIENIA

Центр польско-российского диалога и согласия является государственным учреждением Республики Польша, созданным с целью поддержки и развития польско-российских отношений в том числе в области истории, культуры, науки и образования. Центр ведёт научные исследования и издательскую деятельность, предоставляет стипендии для молодых российских учёных, организует и финансирует мероприятия предпринимаемые во имя диалога и согласия в польско-российских отношениях.